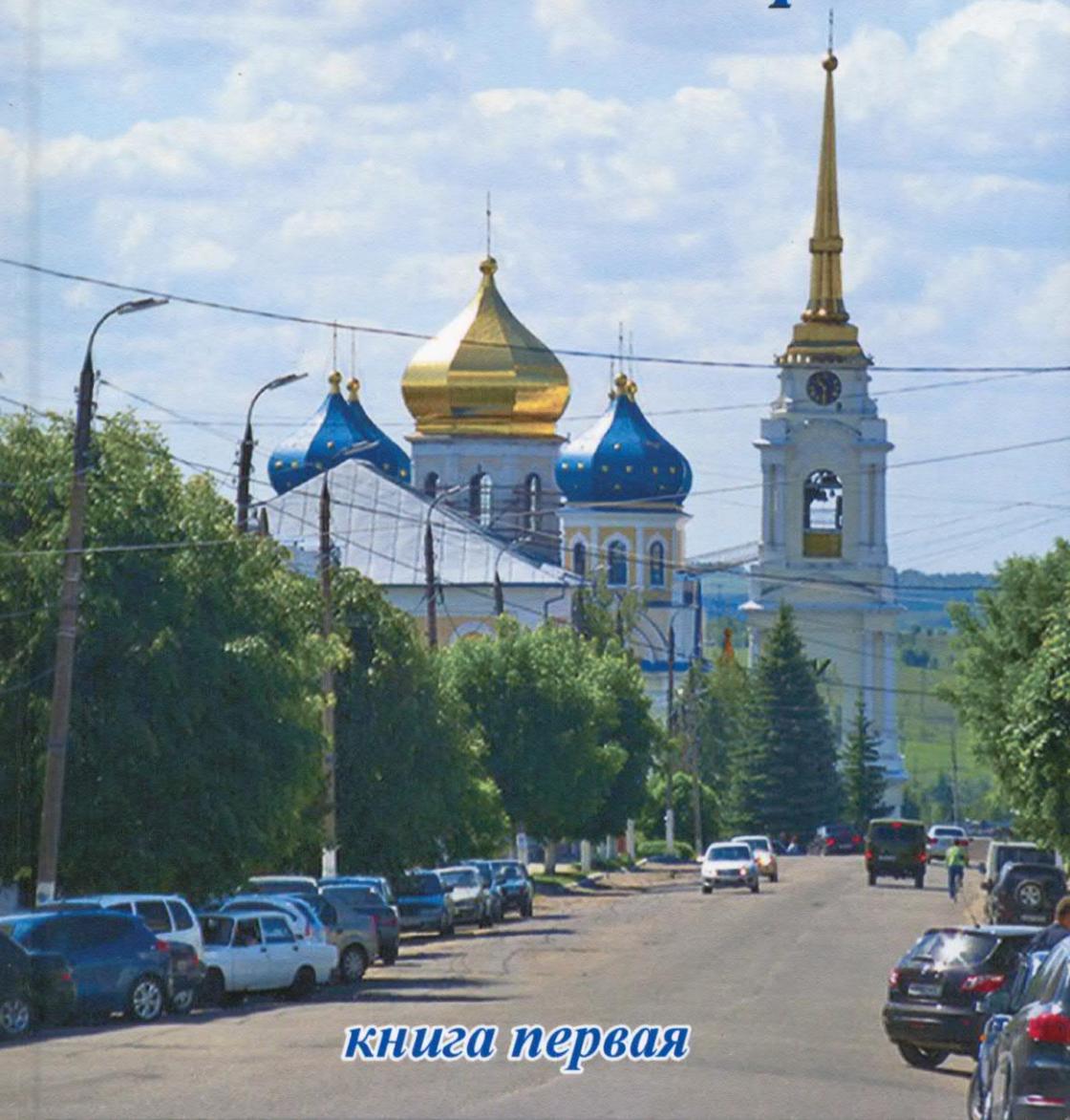

к63.3(2)
П53

Александр Полынкин

Болховские истории

книга первая

К 63.3(2)
П 53

Александр Полынкин

Болховские истории
книга первая

A289406

Орёл - 2016

КР2024

КР-2017

БУХОФ
«Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 82-1
ББК 49.0
П 49

Александр Полынкин

П 49 Болховские истории. Книга первая – Орёл: Изд-во «Картуш», 2016. – 216 с.

ISBN 978-5-9708-0563-3

Первая книга цикла Болховские истории объединяет в себе ранее опубликованные в периодической печати очерки известного орловского краеведа Александра Полынкина связанные с историей и людьми Болховского края замечательнейшего и во многом уникального. В ходе работы в Государственном архиве Орловской области автору удалось уточнить отдельные моменты в биографиях известных болховитян.

Книга рассчитана на широкий круг читателей интересующихся историей родного края родной страны.

УДК 82-1
ББК 49.0

ISBN 978-5-9708-0550-3

ISBN 978-5-9708-0563-3 (Книга первая)

© А. М. Полынкин, 2016

Вместо вступления

Уважаемый читатель, в процессе своей краеведческой и поисковой деятельности я не раз соприкасался с историей и людьми Болховского края – замечательнейшего и во многом уникального. Когда те или иные моменты меня особенно «цепляли за душу», появлялась очередная история. В результате, за несколько последних лет было написано и опубликовано в периодической печати более двадцати очерков о событиях и людях болховских мест. Мне удалось даже, в ходе работы в Государственном архиве Орловской области, уточнить отдельные моменты в биографиях известных болховитян.

А теперь я объединил все опубликованные ранее материалы в книгу, назвав её «Болховские истории». Мои рассказы дополнены лирическими строками Олега Волкова – уроженца и жителя Воронежа, очень тесно связанного с Болховом, поскольку его родной дед – Герой Советского Союза Порфирий Жучков, о котором я рассказываю в одном из очерков. Олег Серафимович душой и сердцем прикипел к Болховщине, бывал здесь неоднократно и сочинил несколько, как мне кажется, очень тёплых стихотворений, эмоционально дополняющих мои исторические произведения.

Я надеюсь, что в год юбилея старинного города эта небольшая книга найдёт своего читателя – любящего Болховский край и хранящего его память.

Александр Польшин

Болхов

«...Град стоит на холмах красовито», -
К нам дошло из далеких времён.
Купола позолотой облиты,
И чарующий звон-перезвон.

Вот дома, что построил Джакелли,
И соборная высь велика.
Видно сразу, что строить умели.
Всё по совести и на века.

У Нугря постою под ракитой,
Где мальчишкой ловил пескарей,
И слепыми дождями политый,
Торопился домой поскорей.

Жизнь кидала по дальним дорогам.
Всё проблемы, заботы, дела.
И тропинка к родному порогу,-
Что поделать, быльём поросла.

Но для памяти нету помехи,
Словно кто-то внутри повелел.
Здравствуй, Болхов, я снова приехал
Поклониться родимой земле.

(Олег Волков)

1748 год: поджигатели на Орловщине

В ночь с пятницы на субботу 26 июля 1748 года в Болхове случился «великий пожар», который за несколько часов превратил в золу, пепел и «головешки» городской замок с воеводским двором, девичий монастырь, 12 каменных и деревянных церквей и около 1500 обывательских дворов (из общего числа примерно в 1800). В бушевавшем на всех улицах море огня сгорели десятки болховитян.

Рекрут-дезертир Афанасий Коровяков

Пострадала и болховская воеводская канцелярия: в ней «утратилось» немалое число дел. Но удивительным образом сохранилось для истории то из них, благодаря которому две с половиной сотни лет спустя открылась тайна не только «великого пожара» в Болхове, но и подобных ему в те же дни в других великорусских городах.

Итак, 28 июня 1748 года в деревне Волобуевой Орловского уезда, принадлежавшей помещику, прапорщику Выборгского пехотного полка Алексею Соковнину, был схвачен и доставлен

*Болховский Кремль до пожара
(рисунок В. Неделина)*

в Болховскую воеводскую канцелярию «для расспросу» подозрительный человек. В отношении того, кто именно из деревенских жителей оказался таким бдительным и осуществил «поймку незнакомца», источники расходятся. В одном варианте документа, хранящего ныне в РГАДА (Российском архиве древних актов), таким героем назван служитель по-

мещика Соковнина Григорий Володимеров, в другом – староста деревни Волобуевой Андрей Климов.

Но, главное, доставленный в воеводскую канцелярию человек сразу же начал отвечать на вопросы, да так, что у канцеляристов «зашевелились на голове волосы».

Он назвался Афанасием, Степановым сыном, Коровяковым, крестьянином деревни Шевневой из-под Можайска. Три с половиной года тому назад его отдали в рекруты. Служил в Москве, стоял на квартире московского купца Ивана Тимофеева сына Шапошникова. Но, по какой-то причине, ни мундира, ни ружья Коровякову не выдавали.

И решил он тогда сбежать со службы. Пробирался Афанасий за рубеж просёлочными тайными дорогами, обходя форпосты. Добрался до местечка Ветка в Польше (ныне – город в Гомельской области Белоруссии – А.П.). Сюда, на остров посреди реки Сож, и в близлежащее село недалеко от русской границы несколько десятилетий стекались старообрядцы, которых преследовали на территории России. Обосновывались в этих местах и другие лица, бывшие не в ладах с российскими законами.

Афанасий Коровяков сразу же познакомился с несколькими такими же, как он, дезертирами и сбежавшими от своих помещиков крепостными крестьянами из Вяземского и Дрогобужского уездов.

Задача: «зажигать великороссийские города, сёла и деревни»

Польские власти не препятствовали беглым, наоборот, время от времени, использовали их в своих целях. Спустя год после спокойной, но не очень сытой жизни Афанасия у местного поляка Фёдора Будыкина появился однажды к последнему посланец от польского короля Станислава Лещинского.

Звали этого поляка чисто по-русски – Иван Софронов, и его задачей была организация, говоря современным языком,

диверсионного отряда из беглых, живших в Ветке. После создания группе предстояло «зажигать великороссийские города, сёла и деревни».

Афанасий Коровяков согласился стать атаманом отряда, в состав которого, совместно с Софроновым, он набрал 18 человек. Имена некоторых и даже их приметы он назвал при «расспросе» в Болховской воеводской канцелярии. К примеру, его ближайший товарищ по жизни в Ветке, Андрей Родионов, согласился вступить в отряд сразу же. Беглые крестьяне помещика Потёмкина из Дрогобужского уезда Сидор Архипов сын Матюшенок («волосом рыж, высок, с бороною») и Матвей Дмитриев сын («росту среднего, крежеват, волосом рус»), услышав про деньги, тоже не раздумывали.

Каждому из будущих «поджигателей» польский вербовщик вручил немаленькую по тем временам сумму – 200 рублей. Оснастили отряд и материально: порохом, серой, трутами, огнивами, кремнями – такими были тогдашние средства диверсионной деятельности.

Глухов в огне

И, «взяв оное», под видом побирающихся нищих (*про маскировку и 250 лет назад, получается, хорошо знали – А.П.*), отправились диверсанты выполнять задание. Честными оказались, не «кинули» завербовавших их поляков, не сбежали с большими деньгами, а уже вскоре показали «хозяевам», на что способны. Первым объектом на их пути оказался старинный Глухов, тогдашняя резиденция украинских гетманов (ныне – районный центр Черниговской области Украины – А.П.). Все члены отряда в первом часу ночи 23 мая 1748 года с разных сторон подожгли город.

Пожар быстро охватил большую территорию, и уходившие от Глухова диверсанты могли порадоваться на результаты своего труда: сгорели 5 каменных и деревянных церквей, 4 колокольни с колоколами, монастырь, 15 школ и лазаре-

тов, 11 казённых домов, 241 лавка и кузница, 375 обывательских дворов, и погиб в огне 21 человек (*эти подсчёты были, естественно, сделаны позже местными чиновниками из воеводской канцелярии – А.П.*).

Поджигатели же, покидая город, успели ещё и помародёрствовать: *«при выносе пожитков они у черкаса Парфена Совостьянова взяли из короба 30 рублѐв».*

Заметая следы, диверсанты ходили по разным сѐлам и деревням. Четыре недели жили в деревне Забулоди Брянского уезда, у монастырского крестьянина Никиты Андреева. От него подались в село Порамоново Болховского уезда (*ныне – Парамоново Урицкого района – А.П.*), принадлежавшее помещику Фѐдору Васильевичу Ржевскому. Здесь две недели поджигатели скрывались у земского писаря Егора Иванова. Тот знал, кто они такие, но не только не сообщил властям, а ещё и выписал им паспорт (*не бесплатно, естественно, два рубля ему заплатили – А.П.*).

«Шпионы из-за границ от соседей»

«По взятѐе пашпорта», польские агенты разделились на группы. Каждая отправилась на самостоятельное задание, после выполнения которого должна была вернуться в Порамоново, в избу земского писаря.

Первая группа пошла к Мценску и 17 июня 1748 года сумела совершить там большой поджог, во время которого сгорели церковь и 205 домов местных жителей. Благополучно уйдя из города на запад, эта группа успела сжечь ещё деревню Криушу в Карачевском уезде.

Сам Афанасий Коровяков «пошёл особо по сѐлам и деревням». Несколько дней пожил у своего старого знакомого Родиона Софронова в селе Локна Болховского уезда, а уйдя от него, сжѐг деревню Колонтаеву (*«положа трут под застреху»*) и помещиков двор в селе Никольском в этом же уезде. Затем добрался до деревни Долбиловой в Карачев-

ском уезде, которую постигла та же участь. Любопытно, что свои перемещения под видом нищего от деревни к деревне и сами поджоги Афанасий Коровяков святотатственно совершал с иконой Николая Чудотворца в руках, подаренной ему одним из местных жителей.

Очередным селением на его пути стала деревня Волобуева Орловского уезда. И вот здесь-то первый раз случилась осечка: поджигателя, как подозрительное лицо, схватили и доставили в Болховскую воеводскую канцелярию. Напомним, что случилось это 28 июня 1748 года. По всей видимости, местные власти к этому времени получили именной указ Императрицы Елизаветы Петровны от 4 июня, в котором говорилось, что *«Ея Императорское Величество, не без сомнения, не вкралась ли какие шпионы из-за границ от соседей, и понеже сие столь важное дело времени терпеть не может»*. Военной коллегии предписывалось велеть всем командам, *«чтоб везде того прилежно смотрели... и ежели где явятся какие злодеи, оных накрепчайше следовать и разыскивать, спрашивая о главных заводчиках и от кого они к тому употреблены»*.

После подробных «расспросов» Афанасия Коровякова были схвачены земский писарь Егор Иванов и члены его семьи. Им устроили очную ставку с поджигателем, для уточнения деталей его рассказа.

Атаман сообщил, что «товарищи» из других «артелей» собирались побывать на Коренной ярмарке под Курском, а потом должны были к празднику Петра и Павла вернуться на явочное место – в Пирамоново. Наверняка их там ждала засада. Но в имеющихся документах нет сведений о том, были ли схвачены поджигатели. Одна из трёх диверсантских артелей собиралась идти жечь Москву. Дошла она или нет – неизвестно, но, судя по тому, что самый крупный пожар – болховский, случился уже почти месяц спустя после задержания Коровякова, часть поджигателей (по крайней

мере) по-прежнему находилась на свободе и успешно выполняла задания польского короля.

«Великий пожар» 26 июля 1748 года в Болхове можно считать их стратегическим успехом. Город к этому времени, конечно, потерял всякое военное значение, но как административный и торговый центр на южных рубежах России был заметен.

Но за последующие полвека, героическими усилиями горожан, Болхов восстановили, и он возвратил свои торговые позиции на российском рынке.

P.S. Какой после 1748 года оказалась судьба Афанасия Коровякова и его артельщиков-шпионов – автору не ведомо. Надеюсь, что 200 рублей от поляков не принесли им счастья, и предателей постигла заслуженная кара.

(Очерк написан на основании документов РГАДА (ф. 248, оп. 1/12, д. 682, л. 193—194 об.), размещённых на сайте <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rak/rak-169-.htm>)

Орловские дворяне Апухтины: «В сраженьях мы не на постели...»

Когда орловчане где-либо слышат или читают: «Апухтин», то реакция следует незамедлительно: «А, сочинял чего-то!». Да, именно такую фамилию носил известный русский поэт второй половины XIX века, автор стихов, многие из которых стали романсами, а некоторые строчки его давно превратились в крылатые выражения.

Но среди Апухтиных, дворян Орловской губернии, было множество других любопытных личностей. Одних только генералов насчитывается около десятка. Мой рассказ – о нескольких представителях этого славного рода, верой и правдой служивших России на военном поприще.

В боях с литовцами, турками, поляками и с тушинским вором

11 октября 1833 года Орловское Дворянское Депутатское собрание рассматривало прошение генерал-майора Александра Петровича Апухтина о внесении в Дворянскую родословную книгу губернии его сыновей Николая и Александра. Для доказательства древности своего дворянского происхождения проситель представил документы из Вотчинного департамента.

Оказалось, что прапращур генерала, Дмитрий Тимофеевич Апухтин, ещё в 1585 году владел недвижимым имением в Карачевском уезде. Пращур, Константин Дмитриевич, отличился в Московском осадном сидении, когда Василий Шуйский, последний русский царь из династии Рюриковичей, запертый в Москве тушинским вором Лжедмитрием II, два года (1608-1610) отбивался от него. Верному своему стороннику К. Д. Апухтину царь Василий пожаловал поместье в Рословском стану, в том же Карачевском уезде.

Прапрадед генерала, Климентий Константинович Апухтин, отличился в борьбе с литовцами, прадед, стольник Иван Климентьевич, – в сражениях с турками и поляками, за что каждый из них получил добавку к апухтинским вотчинам не только в Карачевском, но также в Орловском и Болховском уездах.

Количество владений Апухтиных за 100 лет значительно увеличилось, но одновременно они дробились между наследниками, так что у Петра Захаровича Апухтина, отца генерала, вотчинные земли с 240 крепостными душами имелись только в Болховском уезде.

Четверо сыновей Петра Захаровича (Андрей, Александр, Владимир и Гавриил) разделили их полюбовно после смерти отца между собой.

А теперь подробнее о трёх из перечисленных братьев: Гаврииле Петровиче, уже несколько раз называвшемся ге-

нерал-майоре Александре Петровиче и самом младшем – Андрее Петровиче Апухтиных. О четвёртом, Владимире, каких-либо сведений найти, пока, не удалось.

Гавриил Апухтин: военный, предводитель, сенатор, переводчик

Самым старшим из братьев (1774 года рождения) был Гавриил Петрович Апухтин. Он же добился и наибольшей известности, причём, в различных сферах. Начиналась его биография, как и у остальных братьев, - с армии. До своей отставки в чине майора Гавриил Апухтин успел отличиться в русско-персидской войне 1795-1796 годов. Очень молодым, в 32 года, он получил доверие от орловского дворянства, которое в течение двух сроков избирало его губернским предводителем (1806-1813 годы.).

Активную деятельность орловского руководителя дворян во время Отечественной войны 1812 года заметили в столице, и Гавриил Петрович продолжил карьеру в Военном министерстве и Сенате. Последний его чин на гражданской службе – действительный статский советник (*генерал-майор – в переводе*

Курганная высота и памятник на ней

на военный язык – А. П.). Апухтин также активно участвовал в деятельности Московского общества сельского хозяйства (был там казначеем) и занимался благотворительностью. И, наконец, в молодые годы он успешно пере-

ревёл с французского языка несколько книг для юношества, опубликованных в конце XVIII века. Умер Г. П. Апухтин в Москве на 61 году жизни.

Александр Апухтин: инженер-генерал-майор и кавалер

Как ни удивительно, об Александре Петровиче информации не очень много. Во-первых, он получил инженерное образование в Артиллерийском и инженерном шляхетном корпусе. По окончании его служил в войсках, принимал участие в Отечественной войне 1812 года, закончив её инженер-полковником, был награждён орденом.

С 1817 по 1824 год многолетнее семейство генерала Александра Апухтина (жена и пятеро сыновей) проживало в Москве, в районе современного Арбата, в доме №7, на так называемой «Собачьей площадке». Генерал провёл реконструкцию главного дома усадьбы, сделав его двухэтажным с антресолями и мезонином на каменном фундаменте. Александр Петрович заменил также вокруг жилого здания все деревянные хозяйственные постройки на каменные. Дом Апухтиных впоследствии стал известен как один из центров культурной жизни Москвы, его посещали многие знаменитости, в том числе и наши земляки: Тимофей Грановский и братья Киреевские. Точная дата смерти генерал-майора нам не известна.

Андрей Апухтин: из офицеров – в рядовые и обратно

Если Гавриил и Александр Петровичи Апухтины, дослужившиеся до генеральских чинов, поселились на постоянное жительство в Москве, то самый младший из братьев – Андрей (он – 1787 года рождения), стал хозяином родовой отцовской усадьбы в Болховском уезде, где ему принадлежало 105 душ крепостных крестьян мужского пола.

Он рано вступил в военную службу и уже в 18 лет был поручиком. Перед молодым офицером открывалась возможность сделать блестящую военную карьеру, но Андрей Апухтин сам себе всё испортил: будучи в трёхмесячном отпуску, он в срок в свою часть не явился. Последовало долгое

разбирательство, суд – и разжалование в рядовые. Это стало сильным ударом по самолюбию гордого дворянина. Правда, он не стал сидеть, сложа руки, и в марте 1809 года вступил рядовым в Уфимский пехотный полк, в котором прослужил ещё семь лет.

Памятник 24 пехотной дивизии и Уфимскому пехотному полку на Бородинском поле

Во время второй атаки на батарею французы сумели захватить её. Начальник штаба I Западной армии Алексей Ермолов, видя отступление русских, обнажил саблю и повёл в штыковую атаку на батарею 3-ий батальон Уфимского пехотного полка. Отчаянный натиск поддержали три егерских полка, стоявших в резерве. Французы были сметены с батареи и бросились к лесу. Прапорщик Уфимского пехотного полка Андрей Апухтин вместе со своими товарищами оказался среди тех, кого вёл в атаку генерал Ермолов. При преследовании врага он был ранен пулею «в икру левой ноги близ колена».

По излечении прапорщик принял участие в Заграничных походах русской армии, дойдя до Герцогства Варшавского.

Полк был боевым, и в его составе в том же году, с 22 сентября по 9 декабря, Андрей Апухтин участвовал в походе в австрийскую Галицию, дойдя до города Лемберга (современного Львова).

А с началом Отечественной войны 1812 года Уфимский пехотный полк несколько раз оказывался в самом пекле сражений: 6 августа при обороне Смоленска, а 26 августа – защищая Курганную высоту Бородинского поля, где находилась знаменитая батарея генерала Раевского.

Во время второй атаки на батарею французы сумели захватить её.

Когда в январе 1815 года командующий 1-ой бригады 24 пехотной дивизии генерал-майор Иван Цыбульский увольнял прапорщика Апухтина в отставку, в приказе он отметил, что тот «в службе был усерден, отличил себя храбро». И, тем не менее, на «гражданку» Андрей Петрович ушёл в самом младшем офицерском звании, не имея ни единой награды.

Поселившись на родовой усадьбе в Болховском уезде, Андрей Апухтин вскоре женился, родились один за другим дети (два мальчика, две девочки). Но когда старшей из дочерей не исполнилось ещё и 12 лет, скоропостижно умерла жена. Пришлось бывшему прапорщику одному поднимать на ноги несовершеннолетних детей.

В довершение всех несчастий в одном из документов Андрей Апухтин подписался как *подпоручик* (*видно, так и не смирился он мысленно со своим чином – А. П.*), и его снова судили, на это раз, - «за самозванство». Правда, судьи простили отца четырёх детей и вдовца, потому что он «наименовал себя подпоручиком по превратному понятию и вреда от этого никому не произошло».

Как сложилась дальнейшая судьба героя-несчастливца, выяснить мне не удалось. Знаю лишь, что о детях своих он позаботиться успел: они получили и дворянство, и наследство.

Вот такой разной оказалась судьба трёх родных братьев Апухтиных, не жалевших жизней своих «за Веру, Царя и Отечество».

Ещё об одном Апухтине, генерал-поручике Акиме Ивановиче, который Пугачёва судил и губернатором был – отдельная история.

«А судьи кто?»

(Михаил Каменский и Аким Апухтин в судьбе Емельяна Пугачёва)

В наше время, когда попсолизация общества достигла апогея, Аллу Пугачёву в народе знают гораздо лучше, чем «вора и разбойника Емельку Пугачёва». Но таких колоритных персонажей, каким был знаменитый предводитель массового народного движения в России, забывать грешно, тем более, что Емельян Пугачёв имеет некоторое отношение к нашему краю.

Полководец и его крепость-тюрьма

Орловский краевед Г. И. Шабанов, изучая историю Сабуровской крепости, построенной по распоряжению знаменитого полководца Михаила Каменского, расспросил многих местных жителей на предмет того, что они знают о прошлом родного села и крепости. Один из крестьян сообщил ему, показывая на круглую башню: «А вот здесь Пугачёв был... когда его в Москву везли». И в доказательство крестьянин обратил внимание Шабанова на ввинченное под самый купол этой башни большое металлическое кольцо. К нему, якобы, прикрепляли цепь, к которой был прикован руководитель крестьянского восстания.

Кольцо это цело и до сих пор, любой экскурсант, посетив Сабуровскую крепость, может увидеть его, но современные орловские краеведы давно опровергли саму легенду о пребывании Пугачёва в наших краях. Тогда как же зародилась эта красивая история и, главное, почему?

Емельян Пугачёв

Мне кажется, всё объясняется просто. Михаил Федотович Каменский, тогда ещё генерал-поручик, а не фельдмаршал, в 1774 году был членом судейской коллегии из 35 человек, созданной Екатериной II для суда над Емельяном Пугачёвым. А уже позже факт участия полководца в судебном процессе над крестьянским предводителем трансформировался в головах местных жителей в легенду,

Круглая башня Сабуровской крепости

что Каменский построил под Орлом не крепость (*от каких врагов она встала вдруг посреди России? – А. П.*), а тюремный замок как раз для Пугачёва, которого везли в Москву и которого надо было очень хорошо охранять во время остановок.

Кроме фельдмаршала Каменского смертный приговор «вору и разбойнику» (*«сентенцию» – так это было названо – А. П.*) выносил ещё один наш земляк - Аким Иванович Апухтин, родной брат деда тех братьев-дворян, о которых я рассказал в предыдущем очерке «Орловские дворяне Апухтины: «Сражались мы не на постели...».

Два генерала и хорунжий

О болховском помещике Акиме Апухтине, дослужившемся к концу жизни до высоких чинов, нам известно намного меньше, чем о Михаиле Каменском. Историки XVIII века называют четыре разных даты его рождения - в промежутке от 1720 до 1726 года, и три даты его кончины: от 1792 – до 1804 года.

*Фельдмаршал Михаил
Каменский*

Но и то, что удалось узнать о нём из разных источников, позволяет нам ощутить личность неординарную и разностороннюю. Военную службу Аким Апухтин начал в 1737 году и очень быстро проявил себя как способный специалист в деле снабжения армейских частей продовольствием. За 30 лет он добрался до чина обер-кригскомиссара – старшего военного чиновника по снабжению войск деньгами, обмундированием, снаряжением, ручным оружием, обозным и лагерным снаряжением, госпиталями.

В 1768 году началась очередная русско-турецкая война, которая стала переломным событием в жизни Акима Апухтина. Впрочем, как и в судьбе уже упоминавшихся выше Емельяна Пугачёва и Михаила Каменского. Аким Иванович Апухтин получил в этом году чин генерал-майора и перешёл в регулярную армию. Такое же звание имел в это время и Михаил Каменский. И оба они, находясь во Второй русской армии под командованием графа Панина, участвовали в осаде турецкой крепости Бендеры в сентябре 1770 года.

Вполне возможно, тогда произошла первая встреча двух генералов. И, вполне вероятно, с ними обоими мог увидеться хорунжий (*в те годы – младший офицерский чин у казаков – А. П.*) Емельян Пугачёв, который отличился при взятии Бендер 16 сентября 1770 года и получил благодарность от командира казачьего отряда полковника Кутейникова.

В 1773 году, в ходе продолжавшейся русско-турецкой войны, Михаил Каменский и Аким Апухтин одновремен-

но получили очередной чин – генерал-поручика. В этом же году Апухтин стал членом Военной коллегии, и его подпись красовалась отныне на документах о награждении отличившихся в боях (*в том числе, несколько раз в списках был и Михаил Федотович Каменский*).

Решение единогласное: «Четвертовать...»

Сражения с турками ещё шли, когда Емельян Пугачёв, объявив себя императором Петром III и защитником народа, сумел со своими сторонниками на какое-то время захватить обширные территории на юго-востоке России. Императрица Екатерина II и помещики российские натерпелись страху за тот год, пока длилось пугачёвское восстание.

Гравюра с картины А.Шарлеманя - Казнь Пугачёва

Схваченного в результате предательства Пугачёва несколько раз допросили, записывая его показания, а по окончании следствия Екатерина II 19 декабря 1774 года определила состав суда. Среди 11 «персон первых трёх классов» (*имеется в виду «Табель о рангах» - А. П.*) оказались и два старых знакомых – генерал-поручики Михаил Каменский и Аким Апухтин.

Первое заседание суда состоялось 30 декабря 1774 года в Тронном зале Кремлевского дворца. Были оглашены и рассмотрены результаты следствия. В этот день Каменский и Апухтин, изучая протоколы допросов Пугачёва, с удивлением узнали о том, что он – участник Семилетней и русско-турецкой войн, да к тому же, отличившийся при взятии хорошо знакомой им крепости Бендеры.

31 декабря утром в суд доставили Пугачёва. Стоя на коленях, он признал свои преступления, после чего суд единодушно принял решение: *«Емельку Пугачёва четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырём частям города и положить на колёса, а после на тех местах сжечь»*.

Казнь состоялась 10 (21) января 1775 года на Болотной площади, той самой, отличившейся совсем недавно событиями другого рода. Присутствовали ли на казни Каменский и Апухтин – не известно.

Дальнейшие пути двух земляков-генералов разошлись. Михаил Федотович Каменский ещё долго продолжал военную карьеру, удачно участвуя в битвах и дослужившись при Павле I до фельдмаршала.

«Воровство и предерзости» искоренял

Аким Иванович Апухтин, оставив Военную Коллегию, в декабре 1782 года был назначен Симбирским и Уфимским генерал-губернатором.

Это было время, когда только-только Екатерина II провела административную реформу: появились наместничества и генерал-губернаторства. Генерал-поручик Апухтин стал одним из пионеров на своём посту, главное предназначение которого заключалась в охране юго-восточных границ России. Непокойствие степи в 1782–1784 годах достигло крайних пределов, «воровство и предерзости» встречались на каждом шагу. И, надо отдать должное Акиму Ивановичу: многое из

порученного Императрицей ему удалось сделать за короткий срок, пока в конце 1784 года он не ушёл в отставку. Поселился Апухтин в Москве, где и жил до самой кончины.

Литературу – любил, сына - воспитал

А теперь надо несколько слов сказать об увлечении Акима Ивановича, которое было свойственно многим представителям рода Апухтиных. Он любил литературу, театр, и именно ему принадлежит заслуга ознакомления русского читателя с польской просветительской драматургией, с комедиями в «польском вкусе». Причём, Апухтин переводил исключительно пьесы одного автора, Францишека Богомольца: «Мот, или Расточитель», «Брак по календарю», «Из одной чрезвычайности в другую». Была ли хоть одна из этих пьес поставлена на сцене театра – сведений нет.

Сын Акима Ивановича, Дмитрий Акимович Апухтин, жил в родовой усадьбе в Болховском уезде, дважды избирался болховским уездным предводителем дворянства. В 1812 году в чине капитана он поступил в ополчение и был назначен командиром батальона в полку князя Гагарина, а затем находился при командире гвардейского корпуса А. П. Ермолове, выполняя его поручения. В сражениях Дмитрий Акимович *«вел себя, по аттестации Ермолова, как храбрый и расторопный офицер»*: при Бородине был контужен в ногу и награжден медалью, за битву под Лейпцигом удостоился ордена Анны 3-й степени, за взятие Парижа получил орден Владимира 4-го класса с бантом.

Р.С. Возвращаясь к Пугачёвой. Если бы Алла Борисовна спела о своём знаменитом однофамильце, уверен: успех был бы грандиозный.

Как на Орловщине на медведей охотились

200 лет назад бурый медведь на Орловщине был обычным зверем (пусть и самым большим), и охотились на него так же постоянно, как на волка или лису, но при более серьёзной подготовке. Чучело Мишки в областном краеведческом музее – напоминание о тех, ушедших в легендарное прошлое, временах, когда для любого орловского охотника-помещика было делом чести «завалить» хотя бы одного косолапого.

«Домашний памятник» Николая Левшина

Об одной из таких охот на медведей я с удовольствием прочитал в журнале «Русская старина» за 1873 год. Автором записок, изданных под заголовком «Домашний памятник», оказался Николай Левшин. И прежде, чем перейти к его рассказу непосредственно о самой охоте, необходимо несколько слов посвятить автору этих незаурядных воспоминаний первой половины XIX века.

Николай Гаврилович Левшин родился в Москве 2-го января 1788 года в известной на Орловщине дворянской семье. Военную службу он начал в лейб-гвардии егерском полку, будучи записан в него, по обычаю того времени, еще с младенчества. В 1805 году Левшин совершил поход в Австрию и принимал участие в сражении 20-го ноября у местечка Аустерлиц, а спустя два года, во вре-

Медведь в краеведческом музее

мя похода в Пруссию, в сражении при селении Ломиттен, был ранен в грудь. За мужество и храбрость в боях Николай Гаврилович был награждён орденом Святой Анны 3-ей степени и золотым оружием «За храбрость».

Последствия ранения сказались позже, и Левшин в 1810 году был уволен со службы с правом ношения мундира. В 1812 году, когда Наполеон двинулся на Россию, отставной военный счел себя обязанным возвратиться в ряды действующей армии. Он поступил в ополчение и находился на службе по 1814 год. За границей Николай Гаврилович обвенчался с Изидорой Августовной Людвиг, дочерью саксонского сенатора. Выйдя снова в отставку, он поселился в своем имении, в селе Введенском (*Коноплянка тож, Болховского уезда Орловской губернии – А. П.*).

Имение в селе Введенском принадлежало ещё его деду и бабке по материнской линии – Петру Петровичу и Екатерине Алексеевне Апухтиным (*раньше писали – Опухтины – А. П.*). Предки Апухтиных выстроили в этом селе Введенскую церковь. Петр Петрович и Екатерина Алексеевна Апухтины, кстати, были, одновременно, прадедом и прабабкой Ивана Сергеевича Тургенева (*по линии отца, Сергея Николаевича – А. П.*). Николай Гаврилович в своём «Домашнем памятнике» родственникам посвятил много добрых слов (*о писателе Тургеневе в момент написания записок он ещё, конечно, и не подозревал – А. П.*). Левшин, постоянно проживая во Введенском, примерно с 1840 года начал вести свои записи. Скончался Николай Гаврилович в 1845 году. Отрывок из его «Домашнего памятника» я и предлагаю читателям.

Маленький адъютант и большие охотники

«Отец мой (*Гаврил Федулович Левшин, премьер-майор и коллежский асессор, болховский помещик – А. П.*) был с самых молодых лет и до старости страстный охотник псовый. Как осень начнется, то есть, когда хлеб уже с поля

соберут, тут охота начинается; человек 20 псарей и около сотни собак всегда готовы на увеселение. Веселье это довольно часто обращалось в горе не малое, ибо когда пропустят зайца, а спаси Боже, лисицу, то тут же всех перепорют их же плетками.

Родитель меня довольно часто брал на охоту, и я исполнял должность маленького адъютанта; только и доставалось же мне иногда за малейшую неисправность, была беда! словом сказать, все, окружающие родителя, трепетали. Должность моя состояла в том, чтобы я всякую неисправность в сбруе и лошади родительской прежде всех (усмотрел). Собаки своры родительской тоже были под моим ведением. Все охотники радовались сердечно, когда кто из соседей приезживал охотиться с батюшкой, ибо тогда он был веселее и не так взыскателен. Езжали же следующие: Николай Сергеевич Кологривов, который был нраву самого хорошего, добродушный и весельчак. Фигура его была престранная: толщины необъятной, голова и лицо несоразмерно большие и кривой. Он так был толст, что только и была у него одна вороная лошадь, которая в осенний короткий день едва могла ему выслуживать поле, а скакать под ним почти не могла, да он и не хотел рисковать; какой ни был горячий охотник, но скачки боялся, особенно после падения его в овраг с лошадью. Кологривов, наскакавшись тогда, с лошадью упал в овраг лесной, прямо на претолстую колоду; лошадь его на сучьях остановилась мертва, что и спасло седока, ибо он сидел на мертвой лошади невредим до тех пор, пока его, опутав веревками, стащили с лошади прямо вверх из оврага. Когда опасность миновала, то все много хохотали; однако Кологривов долго после того не ездил на охоту, да и лошади другой не мог скоро приискать.

Второй сосед и охотник был из с. Введенского — П. В. Матвеев. Сей не был еще богат, как ныне он сделался; и, помня, что он не потомок славных Матвеевых, не церемонился

много, и часто забавлял, бывало, родителя моего сражением с псарем Федотом, по прозванию «Дедюля»...

Третий камрад на охоте был Федор Артемьев Гнездилов, однодворец. Этот был настоящий умный шут, какие всегда в тот век еще бывали при домах феодальных господ. Гнездилов всех умел имитовать очень ловко и передразнивать так похоже, что батюшка всегда много смеялся. Особенно умел отлично представлять богатого соседа, дурака Чулкова, как он умывается и чистит зубы по несколько часов сряду. Этот же Гнездилов был не пьяница, но только не бескорыстный.

Редкое поле происходило без баталии, — большею частью, вся прислуга кулаком глаза утирала и вздыхала. Травили лисиц и волков, даже иногда и медведей, почти ежегодно, но с большой опасностью.

«Лисица» и три медведя

В 1801 году, когда еще казенная засека была точно дремучий лес, медведи осенью выходили всегда кормиться по небольшим лесам и ежегодно приходили они и в леса села Введенского. В сем году пришли три в Плоховский лес, что за Прилепами, прямо против дому. В тот час ловчий и лесник донесли о сем. В несколько минут вся охота была в готовности: люди с ружьями, с рогатинами и батюшка на коне. Обыкновенно пустят в остров гончих собак 70 и более и оне гонят зверей до того, что оне совсем опешают. Народ же и все верховые охотники, окружа лес, стоят на опушке, дабы зверей из лесу не выпускать. Вдруг раздается крик, что убили лисицу на опушке, в кустах против лугу, где протекает река Орс. Батюшка первый прискакал на свалку. Что же увидел? Полумертвого человека. Камердинер Алексей, по прозвищу «лисица», валялся окровавленный. Повар, сидя недалеко от спрятавшегося в кустах камердинера и увидев, что что-то шевелится, ударил во всю силу дубиной и чуть «лисицу» до смерти не убил. Долго был о сем толк боль-

шой: с умыслом ли повар хватил так ловко, или в азарте, сгоряча? Впрочем, известно, что этого камердинера-«лисицу» никто терпеть не мог, ибо он был самый злой человек, ябедник и доносчик.

Между тем, за медведями гонялись беспрестанно и ввечеру (это было в половине октября) утомили их и двух убили в лесу, а третий — убежал чрез поле к деревенскому мосту, где стояла коляска, — ибо сама матушка (*Марья Петровна Левшина, в девичестве – Апухтина – А. П.*) выехала на травлю, не потому, чтобы она желала забавляться спектаклем, но из беспримерной любви к батюшке, не желая его видеть в опасности из окошек дома. Тут близ самой коляски убили и третьего медведя; лошадей, которые весьма старые были, насилу удержали, а матушка лежала в обмороке; тем и кончилось медвежье побоище. Родитель был чрезвычайно весел, сотрудников приказал перепоить вином, а собак — двойной порцией накормить. Алексей-«лисица» был долго болен и долго ходил с обвязанной головой, а медвежьи шкуры, как значительные трофеи, висели долго напоказ; потом из них сшита была для батюшки шуба, которую он до самой кончины изволил носить. В чужих краях медвежье мясо едят охотно, особенно лапки, как лакомый кусок, — теперь и в России уже покушивают; но в то время, сохрани Бог!.. почему и отдали мясо собакам, а сала надрали более двух пудов и продали в аптеку за сущую безделицу».

(Описанная Н. Г. Левшиным охота проходила в окрестностях современных села Коноплянка и деревни Прилепы, вдоль берегов речки Орс – это территория Медведковского сельского поселения Болховского района, трудно сейчас вообразить, что сюда заходили медведи, но так было – А. П.)

В «Домашнем памятнике» Левшина есть ещё несколько интересных моментов, касающихся знаменитых личностей России, живших на Орловской земле. Об одном из них - известном ученом Ефиме Дмитриевиче Войтяховском, пре-

подзабытой как в России, так и в нашем крае уже к началу XX века, но такой интересной, что не вспомнить о ней было бы грешно.

Что известно нам о Ефиме Дмитриевиче Войтяховском из биографических словарей? То, что он *«22 года прослужил в артиллерии, а его «Теоретический и Практический курс чистой математики...» (1786—1790 годы) выдержал несколько изданий. Благодаря полноте и удачному расположению материала, а также значительному количеству интересных и занимательных задач, этот курс был одним из самых распространенных пособий для русской средней школы на протяжении почти 40 лет». И это всё.*

Однако герой войн с французами Николай Гаврилович Левшин, с которым я познакомил читателей в *предыдущем* очерке *«Как на Орловщине на медведей охотились»*, оставил для нас в своих воспоминаниях живой образ человека, обучавшего точным наукам не только его самого, но и многих других известных личностей. Вот отрывок из «Домашнего памятника» Н. Г. Левшина, посвящённый забытому учёному.

Из бедных шляхтичей – в профессора

«В продолжение пребывания моего дома, то есть до конца 1803 года, брал я вместе с покойным братом Петром Гавриловичем уроки математики у известного ученого — господина штык-юнкера Ефима Дмитриевича Войтяховского.

Нередко вспоминаю я о сем почтенном человеке, а участь его в старости не была завидная. Ефим Дмитриевич был бедный белорусский шляхтич; необыкновенным своим прилежанием к высоким наукам, в особенности, к математике, открыл себе путь пространный по части глубокого ученья и сделался в царствование императора Павла I известнейшим математиком, занимал кафедру профессорскую, был учителем их императорских высочеств и всех знатных господ, в

числе коих были его ученики граф Николай Михайлович Каменский *(да, тот самый, один из трёх наших Каменских-генералов – А. П.)*, кажется, и Ермолов *(Алексей Петрович)*, также и граф Кутайсов *(два последних – герои войны 1812 года, граф Александр Иванович Кутайсов, генерал-майор, к тому же, героически погиб на Бородинском поле – А. П.)*.

Милостями государя императора Ефим Дмитриевич был осыпан, подарки были у него дорогие: перстни, табакерки с портретами императорской фамилии, между коими одна была осыпана бриллиантами, с видом дворца села Павловска, стоящая более 5 000 рублей. Сими подарками Войтяховский всегда гордился и с величайшим удовольствием, показывая их, рассказывал случаи, по которым подарки получал, именно тогда, как царственные юноши экзамены выдерживали при самом императоре в науках математических.

Основатель хутора «Павлодар»

Помнится, что в 1802 году Ефим Дмитриевич купил сельцо Куудиново *(на границе уездов Болховского и Козельского)*, близ которого пожалована была ему государем дача *(в настоящее время – деревня Боровского сельского поселения Болховского района – А. П.)*. Земли лесные, рядом с казенной Дубенской засекой: тут он выстроил себе хутора, которые назвал: ***«Павлодаром»***.

(Здесь я немного дополню автора воспоминаний, не назвавшего причины такого имени. Всю жизнь Ефим Дмитриевич Войтяховский считал себя обязанным императору Павлу I, естественно, поэтому и отблагодарил, таким образом, царя – А. П.)

Сельцо «Павлодар» и до сего времени существует, также на границе Козельского и Болховского уездов. Оно принадлежит в настоящее время господам Апухтиным и досталось им по наследству от их матери, Марии Андреевны Желябужской, к которой перешло по дарственной от её деда Алексея

Ивановича Желябужского, приобретшего его куплей от господина Чернавского, к которому также перешло по купле от господина Войтяховского-сына (*тут автор воспоминавший проследил всю цепочку перехода имени Павлодар из одних рук в другие – А. П.*).

В селе Кудинове Ефим Дмитриевич выстроил себе дом, развел сад и воду провел чистую.

Сад теперь значительно вырос, а план его все тот же и не изменился до сего времени; но садовые беседки, гrotы и вообще затей прошлого века от времени разрушились. Дом находится все на том же месте, и хотя несколько изменил свой наружный вид, но его главный корпус, все-таки, постройки Ефима Дмитриевича Войтяховского.

Дом же наполнен был предметами учености его: моделями, инструментами, машинами, хорошими гравюрами и картинами дорогами.

«Кончил жизнь, тоскуя сильно о несчастьи своём...»

Около двадцати лет наслаждался Войтяховский плодами своих полезных трудов, был жизни весьма скромной и в 70 лет кончил жизнь, тоскуя сильно о несчастьи своем: единственный сын его, Федор Ефимович, не был к нему почтителен, находился всегда в отлучке в столицах и мотал шибко, — а старик Войтяховский был скупенек и сие столь сильно огорчало его всегда, что он открыто говорил, что хочет сына своего лишить наследства; но батюшка мой (*Г.Ф.Левшин – А. П.*) отсоветовал ему. По праву наследства, сын завладел имением как недвижимым, так и движимым, и года в два промотал и умер в бедности.

Как сейчас гляжу, Ефим Дмитриевич всегда одевался по-старинному: в немецкие разноцветные кафтаны, с стеклянными и бронзовыми пуговицами, напудрен, с буклями и длинной косой; перстень бриллиантовый на пальце, жало-

ванная табакерка в глазетовом жилете и часы жалованные, с бриллиантовыми брелоками; шуба и шапка соболя, верх бархатный. Бывши детьми, я с братьями и сестрами каждый праздник, бывало, ждем приезда Войтяховского, как великой радости, чтобы насмотреться на его блестящий наряд; он бывал в доме нашем (в селе Введенском, Коноплянка тож – Болховского уезда – А. П.) весьма часто.

Я уже был в гвардии, в службе, когда Войтяховский скончался (это произошло около 1812 года, точная дата неизвестна – А. П.); он погребен на общем кладбище, Болховского уезда, в селе Луневе (ныне – Боровского сельского поселения Болховского района – А. П.). Исчезло все, как большей частью все исчезает, как дым: о Войтяховском все забыли, а его «Курс чистой математики, содержащий арифметику, геометрию и алгебру, с прибавлением фортификации», впервые опубликованный в Москве в 1786 году и выдержавший несколько изданий, оставлен; редко кто о нем что знает (кстати, это сочинение артиллерии штык-юнкера и партикулярного в Москве благородного юношества учителя математики Ефима Войтяховского выставлено недавно на одном из аукционов за 50 тысяч рублей в качестве начальной цены – А. П.) Имение его разошлось по рукам наследников, - не осталось ничего теперь и помянуть некому!

Учитель Ефим Дмитриевич был строгий; бывало, едешь к нему с заданным уроком каждую среду и субботу, и, подъезжая к дому, дрожь берет, если не умел без него задачу решить. Я очень мало понимал глубокую науку, и мне сильно доставалось терпеть брань неумолкаемую; покойный же брат Петр Гаврилович учился очень хорошо и свободно проходил все правила арифметики. Недолго я надоедал учителю своему, однако же, года полтора ездил два раза в неделю, ибо недоученного меня по всем наукам, даже и по русской грамоте, родители решили скорее отдать в военную службу

бу, примолвив, как сейчас помню: «военная служба — душа всему, там всему выучат». Сказано и сделано».

Вот так, уроками у известнейшего русского математика закончилось обучение будущего героя войн с французами.

Что касается имени Ефима Дмитриевича Войтяховского в деревне Кудиновой, перешедшего тоже к другим владельцам, то от всего прошлого великолетия остались лишь воспоминания Николая Левшина — «Домашний памятник» известнейшему русскому учёному, математику и педагогу, научившему делать точные расчёты при артиллерийской стрельбе наших генералов Николая Каменского и Алексея Ермолова. Своё умение они не раз потом в сражениях подтверждали. Так что, ученики-читатели — не смейте забывать учителей!

Генерал Иван Ершов

Во многих источниках год рождения этого генерала указан неверно, причём, называются даты с большим разрывом по времени: от 1771 до 1781 года. На самом же деле правильной следует считать дату 27 декабря 1777 года, поскольку именно она указана в собственноручном послужном списке Ивана Захаровича Ершова.

Он родился в Москве, в семье дворян Орловской губернии, которые умерли в раннем детстве мальчика. Дядя-опекун отправил племянника в московский пансион Бартоли, в котором Иван учился до 10-летнего возраста.

В 1786 году, по обычаю дворянских семей того времени, он был записан унтер-офицером в лейб-гвардии Конный полк. А непосредственная военная карьера Ивана Ершова началась в 1799 году, когда, в составе корпуса Римско-Корсакова, он принял участие в знаменитом Швейцарском походе.

В кампании 1807 года, уже служа в Кавалергардском полку, Ершов принял участие в сражениях при Гейльсберге, Гуттшадте и Фридланде. Отечественную войну 1812 года Иван Захарович встретил в чине полковника, командуя запасным эскадронам Кавалергардского полка при корпусе графа Витгенштейна.

Генерал Ершов Иван Захарович

6 августа в сражении под Полоцком он произвёл с дивизионом кирасир блестящую атаку на вражескую батарею, захватив 15 орудий, за что 4 сентября удостоился ордена св. Георгия 4-й степени. Вот как в наградной реляции был описан подвиг полковника Ершова: *«В воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в кампанию против французских войск в 1812 году, в сражении при Полоцке августа 5 и 6, где с эскадронам Кавалергардского полка, подкрепив стрелков, принудил отступить неприятельскую колонну и действовал с отличною неустрашимостию при взятии батареи».*

Кавалергарды Ершова отличились затем во взятии Полоцка, в боях при Чашниках, Смолянах, Лукомле и Березине, а их командир был награждён орденами св. Анны 2-й степени, св. Владимира 3-й степени и бриллиантами к ордену св. Анны 2-й степени. В начале 1813 года его эскадрону командование пожаловало Георгиевский штандарт с надписью: *«За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года».*

В 1813 году, уже в качестве командира Кавалергардского полка, Ершов участвовал в заграничных походах и сражениях при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме и за боевые отличия был 15 сентября произведён в генерал-майоры. Командированный затем в Польскую армию, находясь в отряде генерала Чаплица, он участвовал в блокаде Модлина и Гамбурга.

После возвращения из Заграничных походов Иван Захарович продолжил военную карьеру, дослужившись к 1825 году до генерал-лейтенанта. 16 декабря 1833 года в этом чине император Николай I уволил Ершова от службы – с мундиром и сохранением полного жалованья.

Кавалер многих русских орденов и прусского ордена «Пур ле мерит» был к этому времени состоятельным помещиком. Ему принадлежали имения в Тульском и Венёвском уездах Тульской губернии (400 душ крестьян), в Кирсановском уезде Тамбовской губернии (700 душ), в Подольском уезде Московской губернии (части сёл Коледино и Шипчинки).

Однако поселился Иван Захарович в своём орловском поместье, в селе Алешня Болховского уезда. Здесь он и прожил почти 20 лет вместе с красавицей женой Евдокией Семёновной Жигулиной, от брака с которой имел двух сыновей – Ивана и Николая.

По сведениям Николая Михайловича Чернова, Ершов, живя в имении, познакомился и общался с Иваном Сергеевичем Тургеневым, отец которого был сослуживцем Ершова. Некоторые из черт характера отставного генерал-лейтенанта послужили писателю в качестве составляющих образа Кирсанова-деда (роман «Отцы и дети»).

Супруги Ершovy, кроме Тургенева, были знакомы также и с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Из Алешни Иван Захарович изредка выезжал в Москву, где в доме на Петровке жил его сын Иван, женатый на княжне Варваре Вяземской. Когда у сына и невестки родился

уже пятый ребёнок – дочь Вера, генерал присутствовал во время крещения её в Московской Георгиевской церкви, что на Всполье, и стал восприемником родной внучки. Это был последний приезд Ершова в Москву.

Иван Захарович скончался 18 января 1852 года в селе Алёшня, а похоронили героя войн с Наполеоном на кладбище Донского монастыря в Москве.

Приложение

Наполеоновский маршал Сен-Сир о русских во время сражения под Полоцком 5-6 (17-18) августа 1812 года

«Русские показали в сем деле постоянное мужество и личную храбрость, каких бывает мало примеров в войсках других народов. Их батальоны, взятые врасплох, при первой атаке отрезанные одни от других, потому что мы прорвались сквозь их линии, не расстроились и, сражаясь, отступали чрезвычайно спокойно, оказывая со всех сторон сопротивление с таким мужеством, которое, повторяю, свойственно одним только русским. Они совершали чудеса храбрости, но не могли противостоять единовременной атаке четырех дивизий, шедших совокупно вперед и тяжестью своею подавлявших высылаемые против них войска».
[Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны 1812 года. Часть I, изд. третье. СПб. 1843. С. 383.]

«Откуда есть пошла каша гурьевская?»

Какой русский не любит кушать кашу? Или – в противном случае – он совсем не русский.

Каш этих, самых разных видов, – великое множество. Но только одна имеет имя собственное – гурьевская. Вот о ней-то, одной из самых знаменитых каш России, и пойдёт далее речь.

«Лучше ничего ещё в жизни не пробовал...»

Итак, давно это было. В самом конце зимы 1822 года министр финансов Российской империи, действительный тайный советник и кавалер, граф Дмитрий Александрович Гурьев, находясь по важным государственным делам в Орловской губернии, гостил у болховского предводителя

Дмитрий Александрович Гурьев

дворянства Петра Денисовича Юрасовского. Почему именно у него? Да Бог его знает! Возможно, потому, что Пётр Денисович считался одним из самых известных и богатых помещиков Орловщины. Его отец, Денис Мартынович, жалованный чином боярина Московского, уже к концу 17 века был владельцем земель значительной части Болховского уезда. Помещики Юрасовские, чьи

главная усадьба находилась в сельце Морозово, славились у современников своим крепостным театром, отличавшимся прекрасными актёрами и замечательным репертуаром. А

балетную труппу театра и духовный хор регулярно вывозили в Орёл, - для выступления в разных церквях и перед архиереем. Из семьи Юрасовских вышли впоследствии талантливые учёные, медики, музыканты, военные. В общем, славное было семейство.

Вот к одному из его представителей – 52-ухлетнему Петру Денисовичу, отставному майору Оренбургского драгунского полка, и его жене Варваре Никитичне, и пожаловал на обед министр финансов России Дмитрий Александрович Гурьев.

Болховскому предводителю дворянства не хотелось ударить в грязь лицом перед гостем, и он вовсю расстарался для графа, известного своей любовью к гастрономии. Хозяин приготовил великое множество блюд, и желудок гофмейстера Двора Его Императорского Величества вполне был удовлетворён, но Пётр Денисович Юрасовский в самом конце застолья смог удивить привередливого столичного проверяющего.

Подали Гурьеву неизвестное ему доселе блюдо – какую-то кашу. И министру так понравилось кушанье, что он решил: «Лучше ничего ещё в жизни не пробовал!» И это, несмотря на то, что мотаясь по долгу службы по заграницам, Гурьев избаловал себя многими заморскими кухнями, и угодить такому гурману надо было сильно постараться. Граф потребовал показать ему повара, приготовившего такую кашу. Им оказался крепостной крестьянин Петра Юрасовского – Захар Кузьмин сын Аксенов. При разговоре выяснилось, что этот крестьянин долгое время находился в Москве, где и обучился от московских французов поварскому мастерству. Министру финансов каша понравилась настолько, что он решил повара забрать себе, и потому попросил Петра Юрасовского продать его крепостного.

Мерка золота – за повара

По всей видимости, болховский предводитель дворянства тоже ценил кулинарные способности своего повара, но отказать просто так столичному начальству он не посмел и придумал «отмазу». Три условия выдвинул Пётр Денисович министру финансов: во-первых, повар должен сам дать согласие на выкуп, во-вторых, он мог быть продан только со своими близкими, и, в-третьих, сумму сделки болховский помещик назвал такую, которая казалась ему заведомо невыполнимой для покупателя, - мерка червонцев. В переводе на современный русский язык, это ёмкость объёмом примерно 16 литров. Вот её-то и надо было заполнить полностью золотыми монетами.

Однако, к сильнейшему разочарованию Петра Юрасовского, министр финансов отреагировал мгновенно: «Да, согласен!» Сделка была совершена в Орловской палате гражданского суда 25 марта 1822 года.

Я процитирую начало этой купчей, чуть приблизив её язык к современному: *«Лета 1822, марта, в 4 день, отставной майор Оренбургского драгунского полка Пётр Денисович Юрасовский, продал я действительному тайному советнику и кавалеру, графу Дмитрию Александровичу Гурьеву принадлежащую мне, доставшуюся по наследству от матери моей Татьяны Григорьевны Юрасовой, крепостную крестьянскую семью из деревни Сурьянино: Захара Кузьмина сына Аксенова, 53 лет, с женою его Домной, 49 лет, дочерьми: Акулиною, 29, и Василисою, 27, и сыном Сидором, 23 лет, с женою последнего Матрёной, 21 года, и малолетним сыном их Карпушкой – всего 2 человека, 4 бабы и 1 ребёнок. А взял я с него, кавалера, графа Гурьева за оную семью крепостных людей ходячею российской монетою всё, что полагается по уговору – всё без остатку...»* (сумма в купчей не названа, возможно, как раз по причине её «заоблачности» - А.П.).

Губернатор – в качестве свидетеля

А теперь придётся, в дополнение к приведённой информации, сказать ещё несколько слов, потому что опубликованные в открытых источниках сведения, как ни странно, не полны и не точны (*даже имя и отчество болховского предводителя дворянства искажены – А.П.*). Между тем, появившаяся ещё в январском номере журнала «Исторический вестник» за 1900 год заметка князя А.Л.Голицына под названием «Историческая справка о Гурьевской каше» позволяет расставить всё по своим местам. Именно из неё я взял процитированный выше документ, который полностью подтверждает факт самой сделки, называет имена покупателя и продавца и, кроме того, содержит моменты, проигнорированные исследователями. Дело в том, что в заключительной части купчей названы имена свидетелей (гарантов), присутствовавших во время её совершения.

Этими людьми оказались очень уважаемые личности. Мало того, что одним из них был Мышкинский уездный предводитель дворянства 1822 года лейтенант Афанасий Башмаков (Ярославская губерния), но другими свидетелями стали орловский помещик, полковник в отставке, Михаил Петрович Бахтин и действительный статский советник Николай Иванович Шредер. Михаил Петрович Бахтин – это тот самый благотворитель, который спустя 20 лет пожертвовал большую сумму денег на строительство Орловского кадетского корпуса и отмечен был императором Николаем I специальной медалью и чином генерал-майора.

Что касается Николая Ивановича Шредера, то он в те годы являлся орловским губернатором и стал популярен в местном обществе как зачинатель многих известных дел в губернском центре. По его инициативе с крутого спуска к Оке был сделан пологий спуск, от которого на другую сторону реки был переброшен мост. Мост и съезд с горы стали называться Балашовыми – по фамилии генерал-губернато-

ра, управлявшего тогда пятью губерниями, в том числе и Орловской.

При Шредере появились в Орле каменные тротуары, и стал наводиться порядок на городских улицах. Николай Иванович сумел вдохновить дворян и купцов на сбор средств на «устройство в губернском центре места для общественного увеселения и прогулки», в результате чего весной 1823 года состоялось торжественное открытие городского сада с гуляниями, иллюминацией и музыкой. Жители Орла в благодарность инициатору и основателю сада и для сохранения памяти о нём назвали сад «губернаторским-Шредерским».

Чтобы первое лицо губернии выступило в качестве свидетеля при заключении обычной купчей на продажу семьи крепостных крестьян, требовались очень серьёзные основания. Вполне возможно, что сумма сделки действительно была высока, и потому гарантами её (во избежание всех и всяческих недоразумений) выступили очень уважаемые в Орловской губернии лица, названные мною выше.

Пострадал из-за желудка

Наверное, по окончании всех переговоров и подписаний остались довольны обе стороны: граф Гурьев теперь хоть каждый день, при желании, мог вкушать полюбившуюся ему кашу, а болховский предводитель дворянства Юрасовский несколько увеличил размеры своего состояния.

Впрочем, как пишут некоторые историки, министру финансов вскоре аукнулась эта невиданная для России сделка: его недоброжелатели «накатали телегу» императору, и ровно через год Александр I освободил графа Гурьева от высокой должности. Но зато с ним остались искусный повар Захар Аксёнов и его любимая каша, очень несправедливо получившая вскоре имя собственное (спрашивается – за что? За

то, как написал князь Голицын, что бывший министр «уничтожил невероятное количество ея – и только» - А.П.).

Правда, наслаждался новым блюдом бывший министр финансов России недолго – умер спустя два с половиной года после отстранения от дел государственных. Может быть, годы сказались, а может, огорчился сильно, и даже вкушаемая каша не помогла.

А вот Пётр Денисович Юрасовский, после той прогремевшей на всю России истории, прожил ещё 20 с лишним лет и, близясь к завершению земного пути, решил часть своего богатства пожертвовать на нужды богоугодные. В его имении в селе Кривчье (Кривчье, Кравча) Болховского уезда он построил приходской храм – каменный, холодный, освящённый во имя Происхождения честных древ Креста Господня (первый Спас).

Церковь бывший болховский предводитель построить успел – и скончался вскоре, а храмостроительство продолжила его жена, Варвара Никитична. На её средства был сооружён в 1850 году придельный алтарь, освящённый во имя святителей Московских – Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. Что ж, вполне возможно, эти богоугодные деяния удались, в какой-то мере, благодаря большому любителю известной теперь, читатель, и тебе каши.

Жаль, что красивая церковь в селе Кривчье не сохранилась.

А вот гурьевская каша гурманами востребована на протяжении уже 200 лет.

Большим почитателем её был, к примеру, император Александр III.

А мой хороший знакомый из Воронежа, Олег Волков, написал стихотворение о гурьевской каше:

Ничего не приукрашу,
Расскажу, а Вам решать,
Наша Гурьевская каша
Бесподобно хороша.

В министерском экипаже
Гурьев в Болхов приезжал.
Враз гурмана ошарашил
Повар, истинный левша.

Приукрасил чудо наше
Снятой пенкой, чуть дыша.
Мед, цукаты и фисташки:
В блюдо вложена душа.

Чудо - повар! Чудо - каша!
Граф, рецептом дорожа,
Не скупясь, червонцев чашу
Заплатил, домой спеша.

Он поста лишился даже,
Скупкой золота греша.
...Стольный город нашу кашу
С наслаждением вкушал.

Классический рецепт гурьевской каши легко найти в интернете. Вот такая получилась история о вкусной пище...

Карповы – знакомые семьи Тургеневых

Знаменитый русский писатель Иван Сергеевич Тургенев в течение всей своей плодотворной жизни успел познакомиться (как шапочно, так и достаточно близко) с множеством интересных или совсем незначительных личностей из самых разных слоёв российского общества. Некоторые из них были соседями по имениям его родителей. Вот об одном из таких семейств с очень распространённой на Орловщине дворянской фамилией «Карповы» и пойдёт далее речь.

120 четей в вотчину...

Известный тургеневед Николай Чернов называл их «провинциальными нигилистами» и говорил, что «в Мценске и Орле они пользовались скандальной известностью». Впрочем, на самом ли деле они были скандалистами, или людская молва сделала их таковыми – об этом история умалчивает. А пока несколько слов скажу о старинном роде дворян Карповых. Приводимую ниже информацию я почерпнул в протоколах Орловского дворянского депутатского собрания за 1827, 1830, 1851 и 1866 годы, когда на его заседаниях рассматривались дела о дворянстве представителей этого семейства.

Оказалось, что предок Карповых, Фёдор Афанасьевич, имел поместье в деревне Булгаковой и в пустошах Абакумовской и Каравиенки Калужского уезда. За верную службу царь Михаил Фёдорович Романов своей грамотой от 17 января 1622 года пожаловал ему это поместье площадью 120 четей¹ (*четь – 0,5 десятины – А. П.*) в вотчину. На всякий случай объясню разницу: поместье как земельное владение давалось за службу и могло быть отобрано с её прекращением, а вотчина – это наследственное земельное владение.

¹ ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.16, л.л.163-165

Кроме калужского имения, уже через два года за Фёдором Афанасьевичем Карповым значилось поместье и в Болховском уезде – «...пустошь, что была деревня Вязовая»², в котором насчитывалась 201 десятина земли (в том числе – 67 десятин пашни). Потомки Ф.А.Карпова продолжали верно служить царям: сын, Андрей Фёдорович – «на коне с саблею», внуки, Андрей Андреевич и Иван Андреевич – числились по «московскому списку». И потому понемногу увеличивались в размерах карповские земельные владения: в XIX веке их площадь приблизилась к тысяче десятин.

Деревня же Вязовая Болховского уезда, после постройки в ней Андреем Ивановичем Карповым Богородице-Владимирского храма, превратилось в село (*в большинстве документов оно называлось Вязилки – А. П.*), рядом с которым была выстроена Карповыми усадьба.

Почётный смотритель Болховского училища

После смерти братьев Андрея и Ивана Андреевичей Карповых их имение в 1805 году перешло по наследству к правнуку основателя рода – Дмитрию Ивановичу Карпову. В 1806 году он числился коллежским асессором, и ему принадлежало в селе Вязилки и близлежащем сельце Каменка (Болховского уезда) 525 крепостных крестьян. Кроме того, усадьбу и помещичий дом обслуживало 76 его дворовых людей³. То есть, вопреки мнению некоторых тургеневедов о небольшом богатстве Карповых, это семейство в начале XIX века обладало очень приличным состоянием. Правда, за 10 последующих лет количество крепостных и дворовых людей, принадлежавших Дмитрию Ивановичу, заметно уменьшилось – до 432-ух душ в 1815 году⁴, что говорит или о не слишком умелой хо-

² ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.16, л.л.163-165

³ ГАОО, Ф.101, оп.1, ед.хр.330

⁴ ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр.330

зяйственной деятельности, или о каких-то иных проблемах.

Вполне возможно, что в молодые годы Дмитрий Карпов мало внимания уделял хозяйству – по причине занятости на службе. Как следует из послужного списка Д.И. Карпова за 1829 год, он начал её актуариусом Государственной коллегии иностранных дел в 1803 году, затем был произведён в переводчики и впоследствии перемещён в Московский архив, откуда уволился в чине коллежского асессора в апреле 1808 года.

В 1819 году Карпов вновь определился на службу и в 1825 году получил чин надворного советника (седьмой в «Табели о рангах»)⁵, а к 1838 году – уже и коллежского советника (шестой в «Табели о рангах», что соответствовало званию полковника в армии – А. П.). Кроме того, Дмитрий Иванович Карпов, несколько лет занимая должность «Почётного смотрителя Болховского уездного училища», вложил в его благоустройство более 40 000 рублей. За такое значительное пожертвование он 22 марта 1835 года «Всемилоостивейше был пожалован Кавалером ордена Святого Владимира 4-ой степени»⁶. Орден орденом – но затраты Дмитрий Иванович понёс солидные.

Если же к этим расходам приплюсовать ежегодные балы и праздники, которые проводились в имении Карповых по инициативе супруги хозяина, Марии Михайловны (урождённой Ждановой, а не Шишкиной, как долгое время считалось – А. П.), и увлечение самого Дмитрия Ивановича картами, то, наверное, можно понять причины некоторого «усыхания» полученного наследства.

Здесь, в подтверждение этой мысли, приведу большую цитату из книги М.Гершензона «Декабрист Кривцов и его

⁵ ГАОО, ф.500, оп.1, ед.хр.2, л.181об.-182

⁶ ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.28, л. 18

брatья» (Москва. Издание М. и С. Сабашниковых, 1914, стр.260-261):

«...Дмитрий Иванович Карпов был несчастлив в супружестве, но, будучи, вместе с тем, ума самодовольно ограниченного, долго не замечал своего несчастья; в Вязовом балы сменялись праздниками, гости-соседи заживались по неделям, было людно, шумно и весело; а дородная Марья Михайловна походя наставляла рога супругу, а имение таяло с необыкновенной быстротой. Наконец, в 1834 году плотина прорвалась, что-то случилось. *Дмитрий Иванович узнал и заболел, как видно, серьёзным нервным расстройством... Он вдруг всё сообразил: что с его женою не дружит ни одна порядочная женщина в уезде, что девочки уже на возрасте, и надо их учить, а имение разорено, и нельзя переехать в Москву для их воспитания и т.д.*

Но этот пароксизм прошёл скоро, через несколько месяцев всё вошло в колею, Дмитрий Иванович опять стал здоров и весел, - однако не надолго: года полтора спустя Вера Ивановна (сестра Д.И.Карпова, мать декабриста С.И. Кривцова – А. П.) сообщала Сергею, что Дм.Ив. в Москве разводится с женою, ...ибо уже с год поговаривали, что она живёт с другим; она и обеих дочерей увезла с собою, но он их чрез начальство отнял. «Мне», - пишет она, - «его и жаль, и не жаль: сам причиной – взял девчонку от беспутной матери, дал волю летать одной, где хочет, а когда бывали в Москве, самого его зря выгонит, а другая вгонит: всякой день на игре, а она одна да одна, - и зачала искать других мужьёв; тем и кончилось. Он будет из Москвы на следующей неделе; авось одумается и перестанет там беспутно играть. Прошедший год он на 300 000 продал имения, и всё это пошло на карты и на ея распутство. Поднял бы покойного батюшку, он бы у него спросил: куда ты моё имение и деньги девал? И узнавши, славно бы отодрал плетью, истинно того стоит: глупому сыну не в помощь богатство».

Между тем, семья у Дмитрия Ивановича и Марии Михайловны была большая: шестеро детей (Николай, Елизавета, Аркадий, Павел, Наталья, Сергей), на воспитание и образование которых требовались немалые средства. А семейная жизнь родителей, дав вначале трещину, потом и вообще пошла под откос. Громкий бракоразводный процесс, о котором судачили в Москве на каждом углу, длился почти два года (1834-1835) и закончился тем, что супруги разъехались окончательно. Вполне возможно, что к этому периоду относится один любопытный эпизод, зафиксированный в Орловской палате гражданского суда и найденный исследователем Е.Н.Ашихминой: «...г-жа Карпова Марья Михайловна должна была 8 рублей 35 копеек, и Орловская палата гражданского суда без прелиминариев ка-а-ак начала продавать ее вещи, описанные предварительно! И ее гроднаплевое платье, цвета бланжевого, и голубое старое с аграмантом, и блузу, и турецкие шали, две штуки, одна была белая, «ковровая», и ее тюлевые чепцы, и мантилью белого цвета, и юбки, извините, канифасные и даже рубашки ткацкие и простыню» (<http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=2060&st=80>). Вот такие были строгие и справедливые законы в Российской империи – даже за пустячный долг ты обязан был расчитаться.

«Пена на квасу...»

Но, несмотря на пересуды соседней о Карповых, Варвара Петровна Тургенева, у которой у самой не всё ладно было в семье, выделяла среди соседок по имениям именно Марию Михайловну Карпову, родственницу и близкую приятельницу – как равную, образованную собеседницу, часто писала ей письма.

В 2012 году Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И.С.Тургенева «Спасское – Лутовиново» выпустил книгу размером более 500 страниц под названием «Твой друг и мать Варвара Тургенева. Письма

В.П.Тургеневой к И.С.Тургеневу (1838-1844)». Много раз в этом солидном издании упоминается имя Марии Михайловны Карповой и членов её семейства, приводятся отрывки из писем Варвары Петровны к подруге. Своенравная и властная в обращении с многими, здесь, на бумаге, она делилась с родственницей всеми новостями – как общественными, так и личными, рассказывала о муже, о детях и взаимоотношениях с ними, писала, что из многих соседей стремится посещать именно Карповых (хотя «не знает, почему» - А. П.).

Одно время Варвара Петровна даже выражала желание купить домик в Болхове и поселиться рядом с Марией Михайловной (к сожалению, мне пока не удалось определить, на какой из болховских улиц находился дом Карповых, но, по крайней мере, не во второй части города, списки улиц и домовладений которой сохранились – *их я проверил* – А. П.).

Мать писателя опекала и детей своей приятельницы. По словам тургенева Н. М. Чернова, старший из сыновей Карповых, Николай (по прозвищу «Мягкий»), будучи ровесником Ивана Тургенева, жил у своих троюродных в Москве и, по всей видимости, обучался у их домашних наставников¹. Впоследствии Николай Карпов закончил Московский университет, увлекался литературой и любил рассуждать о ней.

В эпоху появления романа «Отцы и дети» Николая и второго по старшинству брата, Аркадия, Карповых в орловской провинции часто сравнивали с Кирсановыми, персонажами этого популярного тургеньевского произведения. Как раз тогда в Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии поступил доклад «О распространении нигилизма между молодёжью и дамами в Орловской губернии», в котором сообщалось о Николае Карпове. Якобы он первым в Орле провёл идею о нигилизме. Николай и Аркадий Карповы считались «союзниками Чернышевского» и активно (в меру своего понимания) пропагандировали на Орловщине

¹ Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр.184

прогрессивные взгляды. Впрочем, впоследствии они очень быстро от этих взглядов отказались, став яркими критиками «нигилизма».

Афанасий Фет считал Аркадия Карпова «умницей и передовым». Аркадий Дмитриевич был членом по крестьянским делам Присутствия, назначенным «с Высочайшего соизволения», с 1861 года занимался самыми важными и трудными делами, связанными в губернии с проведением в жизнь реформ по отмене крепостного права вместе со своим двоюродным братом, декабристом Сергеем Кривцовым, выбранным на эту должность представителями орловского дворянства.

Иван Сергеевич Тургенев хорошо знал обоих братьев и достаточно точно оценил их «духовные» метания: «... Все наши так называемые направления – словно пена на квасу: смотришь – вся поверхность покрыта – а там и ничего нет, и след простыл»².

Николай Дмитриевич Карпов, в истории русской литературы известен также дружбой с нашим поэтом-земляком Алексеем Апухтиным. По словам Владимира, брата поэта, Николай Карпов был с детства близким другом их семьи и имел «большое влияние на жизнь Алексея» (Письмо к А. В. Жиркевичу от 1 мая 1908 года, Государственный музей Льва Николаевича Толстого, архив А. В. Жиркевича). Известны два стихотворения Апухтина, посвящённые его товарищу. Замечательное лирическое «В ожидании грозы» было написано в 1856 году. А печально-элегическое, «Памяти Н. Д. Карпова», появилось на свет 17 лет спустя, после скоропостижной смерти Николая Дмитриевича. Я процитирую из него два четверостишия (полностью с обоими стихотворениями ты, читатель, можешь познакомиться в *приложении – А. П.*):

² Тургенев И.С. Письма, Т.7, стр.10

*Полвека прожил ты, но каждый день милей
Казалась жизнь тебе, - ты до конца был молод.
Как не было седины на голове твоей,
Так сердца твоего не тронул жизни холод.*

*Мне так дика, чужда твоей кончины весть,
Так долго об руку с тобой, я шел на свете,
Что, вылив из души невольно строки эти,
Я всё еще хочу тебе же их прочесть!**

Загадки одной вдовы

Отставной поручик Аркадий Дмитриевич Карпов прожил ещё меньше брата и умер в 40 лет, оставив вдовой жену с пятью несовершеннолетними детьми (младшему, Дмитрию, шёл только пятый год – А. П.).

Вот здесь возникает очень любопытный момент. Тургеневед Н. М.Чернов в очерке «Провинциальные нигилисты» пишет (цитирую отрывок): «Екатерина Никаноровна Шеншина, в замужестве – Карпова, - из болховской ветви рода, скорее однофамильцев, чем родственников Фета. После смерти Аркадия она вышла замуж за Н.П.Барышникова. Тоже из круга знакомых Тургенева»³. А в своей «Спасско-Лутовиновской хронике» Николай Михайлович сообщал, что Е.Н. Шеншина оставила Н. П. Барышникова и вышла замуж за Карпова⁴. Чернов писал, что о ней шли не очень хорошие слухи, якобы «занималась распутством»⁵.

Но документ, обнаруженный мною в ГАОО, позволяет сказать, что женой Аркадия Дмитриевича Карпова была совсем другая женщина. Итак, снова цитирую:

«1866 года, февраля 22 дня, по Указу Его Императорского Величества, Орловское Дворянское Депутатское Собрание слушали дело о дворянстве детей умершего поручика Ар-

³ Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 186-187

⁴ Чернов Н.М. Спасско-Лутовиновская хроника. 1999, стр.216

⁵ Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 186

кадия Дмитриевича Карпова: Марии, Натальи, Елисаветы, Юлии и Дмитрия. Обстоятельства дела сего следующие:

Поручик Карпов, собранием Сим, по определению 20 мая 1829 года внесён в 6-ую часть дворянской родословной книги. В 11-ый день октября 1865 года **вдова поручика, Татьяна Михайловна Карпова** (выделяю – А. П.), вошла в Депутатское собрание с прошением о внесении в дворянскую родословную книгу детей ея: Марии, Натальи, Елисаветы, Юлии и Дмитрия и выдаче им документов о дворянстве, причём, представила Указ об отставке умершего мужа, поручика Аркадия Дмитриевича Карпова, данный ему 5 сентября 1846 года за №5730 и метрические свидетельства Орловской духовной Косистории от 24 февраля 1864 года за №№ 1762, 1763, 1764, 1765 и 1766 о рождении помянутых детей ея»⁶.

Н. М. Чернов, говоря о жене Аркадия Карпова, ссылался на доклад «О распространении нигилизма в Орловской губернии»⁷, но, видимо, в него (или в интерпретации самого документа) вкрались явные ошибки. И, вполне вероятно, теперь с чистой совестью можно реабилитировать вдову покойного поручика.

Полковнику, однако, пишут

Отдельно стоит сказать, конечно, и о самом младшем из братьев Карповых – Сергее, которого Иван Сергеевич Тургенев также хорошо знал и изредка писал ему письма.

Выше я говорил, что Варвара Петровна опекала старшего из сыновей Карповых – Николая. Но, если судить по её письмам Марии Михайловне Карповой, то и младшего Сергея она тоже не оставляла без внимания. Когда в апреле 1845 года В. П. Тургенева побывала на одном из концертов французской певицы Полины Виардо в Москве, она сообщила М.

⁶ ГАОО, ф.68, опись 1, ед.хран.42, л.л.9-10

⁷ О распространении нигилизма в Орловской губернии, РГА, ф.109, оп.5, ед.хр.253

Карпов С. Д. (в виде ладьи)

М. Карповой: «Твой Серёжа весь праздник был у меня. Я его возила с собою в концерт Виардо в ложу 1-ого яруса или бель-этаж. Наряды дам, пение Виардо – всё его приводило в восхищение...»⁸.

Иван Сергеевич Тургенев время от времени узнавал, как идут дела у его знакомого, тем более, что Сергей Дмитриевич Карпов пописывал заметки в газеты и журналы, составил «Начальный курс географии». 7/19 мая 1868 года Тургенев сообщал Г.К.Репинскому, работавшему совместно с А. М. Скабичевским над составлением «Летописи Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным с 1859 по 1884 год» сведения о Карпове: «Сергей Дмитриевич Карпов был два года тому назад полковником в стрелковом батальоне е.и.в. Если он не вышел в отставку, то адрес его легко узнать. Имение его находится в Болховском уезде Орловской губернии»⁹.

В отставку С. Д. Карпов действительно уходил, служил по статской части, но с началом русско-турецкой войны вернулся армию. В сражении под Плевной, под началом М. Д. Скобелева, Сергей Дмитриевич был командиром батальона.

Известно письмо Владимира Николаевича Апухтина (брата поэта А. Н. Апухтина – А. П.), в котором он рассказывает о некоторых странностях в поведении полковника Карпова на Балканах: «Интересно было бы описать личность нашего командира батальона и его, между прочим, проделку со Скобелевым и Радецким, когда Карпов после сражения

⁸ РГАЛИ, Ф.509. Оп.1, №172

⁹ Письма И.С.Тургенева (Т.VIII, стр. 198-199)

под Шейново явился непрошенный на военный совет и преподнёс Скобелеву мёду, Радецкому – «фиги», финики, взятые в турецком лагере. Да и вообще, всё командование батальоном Карповым был целый ряд юмористических выходов. Карпов был личностью образованной, но немного помешанной. Он, бедный, и кончил свою жизнь в Николаевской больнице умалишённых.

Его прошлое во время польского восстания не лишено исторического значения. Ведь он был послан со знамёнами к Императору Александру II и тогда отличился тем, что рассказал Государю целый ряд военных походов, но когда Государь заставил повторить этот рассказ Государыне, он всё переврал, хотя тут же получил золотое оружие, но потерял флигель-адъютантство, которое, наверное, получил бы, если бы сумел рассказать более правдоподобно. К нам он поступил прямо под Плевной, после 15 лет отставки... Перед поездкой в действующую армию Карпов заехал к Алексею Николаевичу (Апухтину – А. П.), уселся у него на кровати, крутил на нём себе папиросы, осыпая Алексея Николаевича табаком, и всё рассказывал о своём сыне, то он у него был Митя, то Коля и т.д.»¹⁰.

В вышедшем из печати в 2009 году сборнике «И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы» был опубликован материал директора музея И. С. Тургенева Е. Г. Мельник

*Карпов С.Д и дочь губернатора
Е.В.Сафонович*

¹⁰ Подлесских-Жиркевич Н. Г., Маричева Л.М. Новые материалы об А.Н.Апухтине (Вопросы литературы, 1999, №3, стр.159-160).

«С.Д.Карпов – орловский знакомый Тургенева», в котором она поместила неизвестное до этого времени письмо Сергея Карпова к писателю от 6 (18) апреля 1875 года. Письмо я привожу в Приложениях к данной главе.

В этой же статье Елена Григорьевна останавливается и на так называемом «Орловском альбоме», хранящемся в собрании Орловского объединённого литературного музея И. С.Тургенева. В альбоме представлена серия из 12 рисунков, относящихся к жизни орловского общества времён правления губернатора В. И. Сафоновича. Рисунки подписаны, и на двух из них помещён как раз Сергей Карпов. На первом из шаржей он так увлечён танцами или чем-то ещё, что уносится в обнимку с платьем партнёрши, бросая её смущённую и в нижнем белье. На другом рисунке Сергей Карпов аллегорически представлен в виде ладьи на шахматной доске. Вполне возможно, что это единственные изображения младшего из сыновей карповского семейства.

Сёстры Карповы:

возлюбленная одного писателя и жена - другого

И, наконец, несколько слов о сёстрах Карповых. Старшую, Елизавету, 1822 года рождения, Варвара Петровна Тургенева метила себе в невестки (знала, что сын Иван какое-то время был влюблён в неё). Тургенев писал в письмах Полине Виардо о Елизавете Карповой как о своей прежней страсти. Близкое знакомство тогда начинающего литератора с новой возлюбленной состоялось, по всей вероятности, в 1841 году, о чём он упоминает в своих письмах к Е.Фроловой. Однако, в силу разных обстоятельств, - не срослось.

Елизавета Дмитриевна впоследствии вышла замуж за помещика Николая Никитича Шеншина, жившего в селе Ближнее Волково, неподалёку от Мценска, стала образцовой матерью и замечательной хозяйкой. Дом Шеншиных посещали Тургенев и Фет.

И. П. Борисов, знакомый Ивана Сергеевича, тоже однажды побывавший в Ближнем Волково и беседовавший с Елизаветой Шеншиной, сообщал Тургеневу: «Она много о Вас вспоминала, о Вашем детстве, юности. Я впервые узнал, что Вы такой давний их знакомый»¹¹. Николай Михайлович Чернов, известный исследователь творчества Тургенева, предположил, что, вполне возможно, именно Лизу Шеншину (Карпову) вспоминал писатель, когда сочинял своё бессмертное «Как хороши, как свежи были розы...»¹².

Младшая из сестёр Карповых, Наталья, была, по словам упоминавшегося Н. М. Чернова, девицей «сильного, агрессивного характера, с фантазиями и причудами», называла себя «кузиной» Тургенева (и он её – так же, что было недалеко от истины – А. П.) и любила сравнивать себя с Малютой Скуратовым¹³. Она связала свою судьбу с выходцем из западных российских губерний Александром Нилусом, сыном генерал-майора.

В июне 1853 года И. С. Тургенев присутствовал в качестве шафера на их свадьбе¹⁴. Недавно удалось обнаружить копию метрической записи, сделанной тогда в Успенской церкви села Лунёво Болховского уезда. Священник этого храма, отец Сергей Успенский обвенчал *«бывшего старшего чиновника особых поручений при Калужском губернаторе, титулярного советника Александра Петровича Нилуса, 38 лет, и Болховского уезда сельца Вязового умершего надворного советника Дмитрия Ивановича Карпова дочь, девицу Наталью Дмитриевну Карпову, 26 лет»*. Поручителями по жениху записаны Иван Сергеевич Тургенев и Владимир Александрович Шеншин, выпускник Московского университета, соученик и друг М. Ю. Лермонтова.

¹¹ Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 184.

¹² Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 184.

¹³ Чернов Н.М. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева. 2003, стр. 189.

¹⁴ Письма И.С.Тургенева (Т.II. стр.241)

От брака Александра Петровича и Натальи Дмитриевны Нилус родился 25 августа 1862 года всемирно известный ныне религиозный писатель Сергей Нилус. Однако вскоре семья распалась. Но это – уже отдельная история. Вот такие они были – знакомые и родственники семейств Тургеневых, Кривцовых, Шеншиных, Нилусов, - калужские и болховские дворяне Карповы.

Приложения

***Письмо С.Д.Карпова И.С.Тургеневу
6 (18) апреля 1875 года. Дисна
(Рукописный отдел ИРЛИ, №5839)***

*6/18 апреля 1875 года,
Вилинской губернии, г.Дисна*

Многоуважаемый и дорогой Иван Сергеевич!

После разных скитаний по Германии мы только что вчера очутились в своём гнезде, и первым долгом счёл душевно поблагодарить Вас за оказанную мне помощь и выслать следуемые Вам деньги. Пожалуйста, не сетуйте на меня, дорогой Иван Сергеевич, что я посылаю Вам русскими деньгами, а не франками и тем затрудняю Вас и доставляю хлопоты, но ей богу, решительно нигде не достал французских денег и волей-неволей высылаю нашими (далее – С. Д. делает расчет, переводя 73 рубля во франки: 73 рубля = 251 франку 12 сантимам – А. П.).

В случае же, если курс ещё упал, а равно, что Вы доплатите за доставку денег, так как у нас оплачивается только до границы, будьте так добры сказать Маргарите (неустановленное лицо – А. П.) при свидании в Францисбаде, и она с благодарностью Вам возвратит. Если будет у

Вас свободная минутка в Карлсбаде, не забудьте её, навстите, чем доставите ей несказанное удовольствие. Она едет туда в половине июня месяца и, по всей вероятности, пробудет около 6-и недель.

Ещё раз благодарю Вас, дорогой мой, за Вашу доброту и расположение ко мне, истинно ценю его. Жму крепко Вашу руку, и верьте в искренность чувств уважения и признательности.

С. Карпов.

Маргарита посылает Вам свой поклон и говорит «до свидания». Какие здесь ещё снега и морозы, если бы Вы знали – просто ни на что не похоже! А что самое отвратительное это то, что каждый день валит хлопьями снег.

*Стихотворения Алексея Апухтина,
посвящённые Николаю Карпову*

Ожидание грозы

Н. Д. Карпову

Ночь близка... На небе черном
Серых туч ползет громада;
Всё молчит в лесу нагорном,
В глубине пустого сада.

Тьмой и сном объята воды...
Душен воздух... Вечер длится...
В этом отдыхе природы
Что-то грозное таится.

Ночь настанет. Черной тучей
Пыль поднимется сильнее,
Липы с силою могучей
Зашатаются в аллее.

Дождь закапает над нами
И, собираясь понемногу,
Хлынет мутными ручьями
На пылящую дорогу.

Неба пасмурные своды
Ярким светом озарятся:
Забушуют эти воды,
Блеском неба загорятся,

И, пока с краев до края
Будут пламенем объаты,
Загудят, не умолкая,
Грома тяжкие раскаты.

(16 июля 1856)

Памяти Н. Д. Карпова

С тех пор, как помню жизнь, я помню и тебя
С улыбкой слушая младенческий мой лепет
И музу детскую навеки любя,
Ты знал мой первый стих и первое сердца трепет

В мятежной юности, кипя избытком сил,
Я гордо в путь пошел с доверчивой душой,
И всюду на пути тебя я находил,
В безоблачный ли день, в ночи ли под грозою.

Как часто, утомясь гонением врагов,
Предавшись горькому, томящему бессилью,
К тебе спасался я, как под родимый кров,
Спасается беглец, покрыт дорожной пылью!

Полвека прожил ты, но каждый день милей
Казалась жизнь тебе, - ты до конца был молод.
Как не было седин на голове твоей,
Так сердца твоего не тронул жизни холод.

Мне так дика, чужда твоей кончины весть,
Так долго об руку с тобой, я шел на свете,
Что, вылив из души невольно строки эти,
Я всё еще хочу тебе же их прочесть!

(1873 год)

Орловский городской голова Дмитрий Карпов

В конце августа – начале сентября 1901 года губернская газета «Орловский вестник» в нескольких номерах подряд (а издание выходило тогда ежедневно) публиковала информацию по вопросу, который, по мнению редакции, стал архиважным в те дни.

«Знаменательный день для Орла»

Вот цитата из материала, напечатанного под рубрикой «Местная хроника» 29 августа:

«День ото дня увеличивается всё больший и больший интерес к предстоящим выборам городского головы. В лавках, магазинах, домах, всюду слышатся вопросы «кто же будет городским головою?», «Кто кандидат, имеющий более прав и шансов?» Такого живого интереса, как нам сообщали люди, стоящие уже многие годы у дел городского самоуправления, никогда не замечалось...

С.К.Живописцев, гласный орловской городской Думы

Особенно важно в глазах населения теперь то обстоятельство, чтобы не попало в головы такое лицо, которое бы смотрело на городское хозяйство, как на источник новых и притом законом не предусмотренных доходов. Вышеуказанное состояние городских дел имеет ещё ту дурную особенность, что оно останавливает лиц, желавших бы посвятить себя на служение города, которых ввиду этого и желательно было бы видеть на должности городского головы, принять на себя эти полномочия. Эти

люди боятся, что они не в силах будут привести их в должный порядок».

31 августа 1901 года газета в той же рубрике сообщила читателям:

«Сегодня – знаменательный день для Орла, от которого во многом зависит его будущее – день выборов городского головы. Господам гласным, которым хорошо известны тяжёлое состояние городского хозяйства и несоответствие его с требованиями жизни и интересами обывателей, следует возможно обдуманнее сделать свой выбор и, сделавши его, настойчиво идти к цели.

Тем же, на которых падёт этот выбор, следует помнить, что помимо чи-

сто личных расчётов, есть расчёты общественные, перед которыми в особенности в такой момент, как переживает Орёл, первые должны уступить место последним...».

По результатам выборов, на следующий день, 1 сентября, «Орловский вестник» объявил: *«Вчера в заседании думы происходили выборы городского головы. Головой избран член суда Дмитрий Аркадьевич Карнов. Выбор был приветствован аплодисментами гласных и собравшейся в большом числе публики. От души поздравляем город с удачным выбором, а уважаемому Дмитрию Аркадьевичу желаем успеха в его ответственной деятельности».*

2 сентября 1901 года в газете были опубликованы некоторые подробности того, как проходили сами выборы. Цитировать на этот раз не буду, просто сообщу, что пер-

Вид на Орловскую городскую думу

воначальных кандидатов было 19 человек. Голосование (баллотировку, как говорили тогда) пришлось проводить дважды. Член окружного суда Дмитрий Карпов набрал 50 избирательных шаров против восьми неизбирательных. Но он согласился принять на себя тяжёлый груз ответственности за городское хозяйство далеко не сразу. Гласным (депутатам городской думы) пришлось трижды, даже с перерывом, уговаривать Дмитрия Аркадьевича принять город под своё руководство и свою ответственность. И только после того, как они все дружно пообещали ему свою постоянную помощь и поддержку, Карпов сказал «да». Вот тогда *«зала огласилась шумными аплодисментами гласных и публики. Всюду водворилось поднятое настроение»*.

Почему же пришлось так настойчиво убеждать нового городского голову? Да потому, что *«в городском самоуправлении все предыдущие годы процветали те же нравы, что и в среде чиновничества: кумовство, взяточничество, казнокрадство. Должности и доходные места были распределены между «своими» людьми: купцами и торговцами, которые блестяще вели собственные дела, но проявляли полную некомпетентность при решении городских проблем. Под этой некомпетентностью скрывались хищения и махинации. Конечно, случались и громкие скандалы, когда какой-нибудь чиновник «зарывался», как это произошло в случае кассира городской управы В. В. Паршина, присвоившего более пяти тысяч рублей казенных денег»*.

Выпускник Училища Правоведения

В общем, новому городскому голове предстояло разгрести настоящие авгиевы конюшни, и он, как здравомыслящий хозяин-практик, это отлично понимал. А теперь, прежде чем перейти непосредственно к тому, что и как делал Дмитрий Аркадьевич Карпов в качестве городского голо-

вы, что ему удалось и что - нет, несколько слов я посвящу биографии моего героя.

Его отец - отставной поручик, помещик Болховского уезда, Аркадий Дмитриевич Карпов, скоропостижно скончался в 40 лет, оставив вдовой жену, Татьяну Михайловну, с пятью несовершеннолетними детьми. Младшим из них и был будущий орловский городской голова.

Семейство Карповых хорошо знали в губернии (*смотри, читатель, предыдущий очерк «Дворяне Карповы – знакомые семейства Тургеневых» - А. П.*). И потому многодетной дворянской вдове пропасть не дали. В 1866 году все четыре дочери и сын получили дворянство, а с течением времени - благодаря заботам матери – и приличное образование.

Дмитрий Карпов 20 мая 1881 года закончил привилегированное Императорское Училище Правоведения (9-ым классом, в числе лучших учеников). Это был 42 выпуск, в котором обучались будущие известные российские политические деятели – член Государственного Совета Виктор Карпов, Министр юстиции и Председатель Государственного Совета Иван Щегловитов, люблинский губернатор Евгений Менкин и другие.

Около пяти лет Дмитрий Аркадьевич Карпов проработал в Санкт-Петербурге присяжным поверенным, а в 1886 году переехал в своё орловское имение, доставшееся ему по наследству (Болховский уезд, Лучанская и Маховицкая волости).

Сельский хозяин, общественник, судья

Здесь, в селе Вязовое (Вязилки) и на хуторе у села Каменка он, не имея специального сельскохозяйственного образования, за короткое время сумел создать высокопро-

дуктивное хозяйство, в котором успешно развивались как растениеводство, так и животноводство.

На своих землях в 1300 десятин Дмитрий Аркадьевич устроил четырёхпольный севооборот. Выращивал рожь,

Орловский вокзал

овёс, просо, гречиху, картофель, овощные культуры. В имении имелись две молочные фермы – на 15 и 50 коров, 70 тёлочек, 50 рабочих лошадей и 8 – выездных, 30 свиней. Был раз-

бит в усадьбе и яблоневый сад на трёх десятинах. На заливных лугах накашивалось необходимое количество сена для всех животных в имении.

Всё многоотраслевое хозяйство успешно работало и приносило владельцу неплохой доход. Молва о крепком хозяйственнике с юридическим образованием пошла по Болховскому уезду, а потом и по всей губернии.

Однако Дмитрий Аркадьевич успевал не только за хозяйством присматривать (там ему помогал управляющий), но и успешно служил в Болховском уездном (*гласный земства – А. П.*) и в губернских учреждениях. С 1892 года он три срока подряд избирался гласным Орловского губернского земского собрания (от Болховского уезда) и несколько лет ответственно исполнял обязанности судьи Орловского окружного суда (*третий участок Орла, в котором состояла 3-я полицейская часть с причислением к ней части города от Очного моста по левую сторону Московской улицы до Московских ворот и слободы Подмонастырской¹ – А. П.*).

О Дмитрие Аркадьевиче Карпове соседи – помещики говорили добрые слова и как о семьянине. Он женился, по понятиям тех лет, рано – в 21 год, но зато по любви. Дети, правда, появились на свет через несколько лет, когда молодые поселились на Орловщине. В 1887 году родилась дочь Татьяна, в 1889 году – сын Аркадий (*это имя было для Карповых родовым – А. П.*) и в 1893 году – сын Яков. Вот в ореоле успешного семьянина, сельского хозяина-практика, знающего юриста и активного общественника и решились гласные Орловской городской думы (*они знали его ещё и как коллегу по думе – А. П.*) доверить Дмитрию Аркадьевичу Карпову должность городского головы.

Та же газета «Орловский вестник» в первые дни после избрания дала ему очень короткую, но тёплую характеристику: *«Член окружного суда, человек образованный, пользующийся симпатиями как местного общества, так и населения города вообще...»*.

Уже через несколько дней новоиспечённый руководитель городского самоуправления начал знакомиться с делами города, не дожидаясь, пока его кандидатуру утвердят в столице (*тогда была такая процедура по линии МВД, и утверждение это произошло лишь 9 ноября 1901 года – А. П.*).

Надо сказать, что журналисты «Орловского вестника» очень внимательно наблюдали за деятельностью нового городского головы и отслеживали буквально каждый его шаг, сообщая во всех подробностях о заседаниях городской думы.

По практике начала XX века гласные на заседания собирались с периодичностью два раза в месяц, причём, - только после основной работы. Поэтому обычно начало обсуждения в городской думе намеченных вопросов назначалось на 8 часов вечера, но из-за опозданий гласных заседание могло легко начаться и в 8.20 и в 8.45. Если вопросов было много, и участники прений никак не могли

успокоиться (*регламента как такового в современном его понятии не существовало – А. П.*), то окончание думских «посиделок» происходило уже после полуночи. Как добирались потом гласные по домам – честно говоря, не знаю, наверное, их ждал экипаж. В общем, усталые, но довольные работой под руководством нового городского головы, разъезжались и расходились избранники по домам.

Ну а том, удалось ли Дмитрию Аркадьевичу Карпову вытащить Орёл из болота и финансовой ямы, в которую бросили городской бюджет его предшественники, – я расскажу далее.

Никакого давления – и это правильно

Обозреватель «Орловского вестника» Павел Чинский – спустя полтора года (11 января 1903 года), подводя первые итоги деятельности нового руководителя, написал:

«...Много надежд город возлагал и на новоизбранного городского голову...»

Ему, как и новому составу думы, пришлось вступить в исполнение своих обязанностей при очень тяжёлых условиях... А помимо этого – масса неотложных нужд... Городские головы обыкновенно, держа в своих руках более половины обывателей, почти повсеместно страдают общим недостатком: едва входят во вкус власти, упиваются ею вином и в думских заседаниях проявляют некоторый деспотизм по отношению к гласным.

Ничего подобного нельзя сказать о Д.А.Карпове, при котором гласные получили полнейшую возможность свободно высказываться по всем вопросам.

Никакого давления в пользу решения вопроса в ту или иную сторону (как это почти всегда бывает) со стороны г.Карпова мы никогда не замечали. И в этом несомненный плюс его деятельности как председателя городской думы.

К минусам же ей нужно отнести замечаемую в деятельности Д.А.Карпова некоторую тенденцию. А именно: в вопросах, касающихся деятельности прежнего состава думы, у Д.А.Карпова всегда прорывается желание выгораживать последнюю.

До известной степени это, конечно, можно отнести только насчёт мягкости г.Карпова, который, к тому же, особенно на первых порах своей деятельности, очутился в незнакомой обстановке, где всё ещё царил прежний управский состав, державший в своих руках и все ключи от тайников орловской управы»...

Здесь я должен уточнить для современного читателя один существенный момент. Дмитрий Аркадьевич Карпов - как городской голова – возглавлял не только городскую думу (законодательный орган), но он председательствовал и в городской управе (исполнительном органе), то есть фактически обладал всей полнотой власти в Орле. С одной стороны – это замечательно, а с другой стороны – чрезвычайно ответственно, поскольку в условиях острейшего дефицита денежных средств новый голова всегда помнил: всё, что примет городская дума под его руководством – ему же и придётся исполнять как руководителю городской управы.

Банк, лавки, арки под дамбами, мельницы и далее по списку...

Орёл в начале XX века был, конечно, намного меньше нынешнего, но у него тоже имелось обширное городское хозяйство, которое необходимо было поддерживать в рабочем состоянии. Для этого требовались денежные средства, а их оказалось с гулькин нос: здорово постарались предыдущие городские правители.

В 1884 году обанкротился Орловский общественный банк, долги которого (свыше трёх миллионов рублей) лег-

ли на город. Ни одному из предыдущих руководителей до Карпова решить за 17 лет эту головную боль не удалось. Дмитрий Аркадьевич знал о ней – именно с неё он и начал.

Городская дума, по предложению Карпова, 6 ноября 1901 года приняла решение о выпуске займа. Для этого нужно было согласовать вопрос с вышестоящими инстанциями. Карпов и гласный Генчель (оба – опытные юристы – А. П.) , получив «добро» своей думы, были направлены в столицу и больше недели вели переговоры с чиновниками. Первая попытка не удалась. Но через год разрешение от Министерства Финансов на выпуск в мае 1903 года городского займа в 1 600 000 рублей было получено. 1 100 000 рублей планировалось направить на погашение долга Орловского общественного банка, а 500 000 рублей шли постройку воинских казарм, устройство водопровода и покрытие дефицита бюджета. Были выпущены облигации на предъявителя достоинством в 100, 500 и 1000 рублей под 4,5 % годовых. Вкладчики бывшего общественного банка получили облигаций на сумму 400 тысяч рублей. Выпуск займа позволил начать оздоровление городского хозяйства.

Это было начало. Но только его было бы недостаточно. Поэтому Дмитрий Аркадьевич, вместе с гласными городской думы и членами новой городской управы, своими активными помощниками - С.К. Живописцевым, И.Н. Гамовым, С.Я. Авдеевым, разработали целый комплекс мер, направленных на пополнение городского бюджета и снижение его дефицита.

Сметная комиссия думы (*сейчас её бы назвали бюджетной – А. П.*) из восьми человек тщательно готовила сметы доходов и расходов на 1902-1904 годы, считая буквально каждый рубль. Когда, к примеру, рассматривался бюджет 1902 года, то Карпов заявил, что согласно параграфа 2 сметы «*о содержании городского общественного управления*» ему определено 500 рублей на разъезды, но он

отказывается, так как предполагает ездить в командировки за свой собственный счёт (*это была хоть и небольшая, но экономия для городского бюджета – А. П.*).

Очень тщательно дума и управа подходили к сдаче в аренду городского имущества и городской земли. В смете доходов на 1904 год, к примеру, кроме средств от стационарных лавок на Ильинской, Кромской и Богоявленской площадях и лавок в Рыбном ряду названы также суммы от арок под дамбами Мариинского и Александровского мостов, Зимнего городского театра, мельниц на реке Орлике, мест стоянки рыбных садков, мест на Орлике и Оке под купальни, под водопойни, для колки льда, для продажи скота на Кромской площади, мест под зимние катки, платьемойни, мест под стоянки легковых, ломовых извозчиков и т.д. и т.п.

При новом голове впервые была применена отдача городского имущества в аренду с торгов. Этим занималась специально созданная городской думой комиссия. Альбумино-кишечное заведение (*занимавшееся переработкой внутренностей животных – А. П.*) при городской скотобойне с 1 января 1902 года было взято в аренду на 6 лет прусским подданным Артуром Руквицем за 4058 рублей (вместо 1080 до этого – почти в четыре раза больше).

Учитывались думой доходы от водопровода, от созданной бактериологической станции. Учёт был строжайший.

Попытались думцы при Карпове возратить в городской бюджет деньги, присвоенные бывшим счетоводом предыдущей управы Василием Паршиным. Азартный картёжник, он за два с половиной года умудрился, при полном отсутствии контроля, присвоить свыше 5500 рублей. Процесс тянулся два года, и примерно половину средств возвратили в кассу прежние члены управы, а от самого Васи Паршина взять ничего не удалось: он оказался гол как сокол.

Всё под контролем

Зато для новой управы была разработана отныне инструкция, по которой можно было осуществлять контроль за её членами. За орловскими городскими богадельнями, где не раз бесследно исчезали немалые средства, при Карпове следила специальная думская комиссия. Ещё одна комиссия контролировала городские учреждения образования.

В общем, если бы Дмитрий Аркадьевич был знаком с работами В.И.Ленина, то наверняка орловский городской голова позаимствовал бы его лозунг – «Учёт и контроль». Благодаря этому появились в городском бюджете небольшие средства для ремонта дорог и мостов, даже для уборки снега (до Карпова никто на него не обращал внимания). К осени 1903 года стараниями городской управы был укреплен берег Оки, прилегающий к Мацневскому переулку, благодаря чему сделался возможным в этих местах проезд. А в 1904 году проводились работы по укреплению берега реки Орлик со стороны 3-ей части города, у устья этой речки. Все три с лишним года руководства городом голова следил за городскими дорогами и благоустройством, укреплял пожарную и санитарную безопасность. При Карпове впервые было опробовано электрическое освещение для жилых домов и положено начало созданию постоянного ассенизационного обоза (*службе вывоза нечистот – А. П.*).

Этой стороной деятельности Дмитрий Аркадьевич Карпов сумел завоевать симпатии горожан и гласных думы. А работников городской управы он сразу «положил на лопатки», увеличив им зарплату и уменьшив рабочий день (*он теперь длился с 10 утра по половины третьего дня – неплохо, не правда ли, читатель? – А. П.*).

Успевал городской голова заниматься и общественными делами: был активным членом Тургеневского комитета и почётным членом распорядительного комитета при подготовке Орловской сельскохозяйственной ярмарки 1903

года, встречался с учащимися с целью пропаганды древо-насаждений и боролся против пьянства, помогал бедным невестам с приданым и заботился о велосипедистах (первые правила для них в Орле появились в 1904 году).

Активная работа Дмитрия Карпова в должности городского головы продолжалась до конца октября 1904 года, после чего он отбыл на службу в столицу, получив назначение на должность судьи Санкт-Петербургского окружного суда.

21 декабря 1904 года газета «Орловский вестник» в рубрике «Местная хроника» сообщила, что *«Третьего дня депутация от городской думы поднесла бывшему городскому голове Д.А.Карпову адрес, редакция которого была одобрена думою 2 ноября. Адрес сложен в роскошную папку с серебряной крышкой, на которой выгравировано: «Дмитрию Аркадьевичу Карпову от орловской городской Думы 1901-1904».*

После отъезда из Орла *(окончательно – в 1905 году – А. П.)* Дмитрий Аркадьевич Карпов служил в Санкт-Петербургском окружном суде *(судьёй и товарищем председателя – А. П.)*, жил в столице. Точная дата его смерти, к сожалению, неизвестна.

Р.С. Что касается четырёх родных сестёр орловского городского головы, то информация имеется пока только по Юлии Аркадьевне Карповой. Она вышла замуж за Евгения Георгиевича Трамбицкого, дворянина Смоленской губернии и сына офицера. Он по окончании Полтавского кадетского корпуса, успел закончить также Николаевское кавалерийское училище и Академию Российского Генштаба. Дослужился до звания генерал-лейтенанта. В годы гражданской войны воевал на стороне белых, эмигрировав затем за границу. Умер в Париже в 1931 году.

Сама Юлия Аркадьевна, закончив курсы Сестёр Милосердия, принимала участие в событиях Первой Мировой

войны и погибла в 1915 году, спасая раненых. У Трамбицких было двое детей: Георгий (1888 года рождения) и Татьяна (1886 года).

Примечания

Памятная книжка Орловской губернии на 1898 год. Орёл, 1898, стр.76

Приложения:

*Должности статского советника
Дмитрия Аркадьевича Карпова, которые он
занимал
с 1890 по 1906 год в Орловской губернии:*

Секретарь Орловского окружного суда (1890)

Гласный Орловской городской Думы (1898 – 1905 годы)

Городской голова (1901-1904)

Орловский городской судья 3-ого участка (1893-1895 годы)

Губернское по квартирному налогу Присутствие – член (1900-1902 годы)

Губернский гласный от Болховского уезда (с 1898 по 1905 год)

Николаевская женская гимназия – Почётный попечитель (1902)

Орловский уездный училищный Совет и подведомственные ему учебные заведения в городе – член от городского общества (с 1902 по 1905 годы)

Орловское благотворительное общество – Почётный член (с 1902 по 1905 годы), в этом же обществе – и его жена – Н.Я.Карпова

Местное управление Общества Красного Креста, состоящего под Высочайшим Покровительством Ея Импе-

раторского Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны, - член (1902 - 1906 годы)

Орловская Община сестёр милосердия Красного креста – член Попечительской общины (1902 -1906 годы)

Орловское отделение состоящего под Августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны, Попечительство Марии Александровны о слепых – член от городского общества (1902-1905 годы)

Орловское отделение Государственного банка, член комитета по сельскохозяйственным кредитам (1905-1906 годы)

Орловский губернский комитет «О нуждах сельскохозяйственной промышленности», один из членов

Орловский Окружный суд (для уездов: Орловского, Мценского, Болховского, Карачевского, Брянского, Трубчевского, Севского, Дмитровского, Кромского и Малоархангельского) – член суда (1903-1906 годы)

Почётный Мировой судья Болховского уезда (по Ведомству Орловского Окружного суда) (с 1890 по 1906 включительно)

Гласный Болховского уездного земства (с 1893 по 1905 год)
(Источники:

Памятные книжки и Адрес-Календари Орловской губернии на 1890, 1893, 1895, 1897, 1898, 1899, 1900, 1902, 1903, 1904, 1905, 1907 годы. Орёл. Типография Губернского Правления).

В годы жизни и работы в Орле Дмитрий Аркадьевич Карнов с семейством проживал на улице Верхне-Дворянской, в собственном доме (3-я часть Орла, квартал №15, строение №172 в 1901 году: каменные дом и флигель, деревянный флигель и службы - стоимостью 4800 рублей, недвижимость была записана на его жену, Наталью Яковлевну Карнову – А. П.).

Дворяне Карповы и Леонид Андреев

Я даже не предполагал, что в книге о Карповых буду касаться и тайны появления на свет писателя Леонида Андреева. Но судьба распорядилась иначе. Вначале я встретил робкое упоминание об этом где-то в дебрях интернета, потом была найденная статья, а следом состоялось и моё участие в октябре 2014 года в очередной конференции историков-архивистов, на которой с докладом «Отец Леонида Андреева: мифы и реальность» выступала научный сотрудник Дома Леонида Андреева в Орле Надежда Константиновна Деулина. В её сообщении в концентрированном виде нашла своё отражение проблема, которую я не хотел трогать в силу её деликатности. Но учёные к такого рода вещам относятся спокойно – просто как к исследованию.

Первой ещё в 2000 году попыталась разгадать тайну появления на свет Леонида Андреева старший научный сотрудник Государственного литературного музея И.С.Тургенева Лидия Валентиновна Иванова («Даниил Андреев в культуре XX века», Москва, «Мир Урании», 2000, стр.317). Надежда Константиновна Деулина попыталась обобщить основные факты, накопившиеся за прошедшие почти полтора десятка лет с момента появления статьи Л.В.Ивановой.

Я, ничего не добавляя своего, решил в этой главе просто процитировать основные положения упомянутой выше статьи Н.К.Деулиной, а читатель окончательные выводы сделает сам.

«Отец писателя Леонида Андреева: мифы и реальность»

В становлении личности известного русского писателя Леонида Андреева значительную роль сыграл его отец. Однажды в разговоре со своим младшим братом Леонид Нико-

лаевич сказал: *«Отец будущность мою предвидел настолько, что считаю его первым поклонником моего таланта»*¹⁵.

К сожалению, об отце Леонида Андреева - Николае Ивановиче - мещанине «в звании частного землемера и таксатора», а также о его родителях, известно очень мало. О происхождении рода Андреевых ходят легенды.

20 января 1972 года старший сын Леонида Андреева Вадим писал Л.Н. Афониному¹⁶: *«После того, как я в первый раз прочёл «Дворянское гнездо» - отец сказал мне: «вот и мы, Андреевы, связаны с Дворянским гнездом, и время то же – 1840-е годы». От него же слышал фамилию Карповых. И как я понял – Карпов - фактиче-*

Писатель Леонид Андреев (портрет работы Ильи Репина)

ский отец Николая Ивановича. <...>. Не помню уже, где я вычитал, что один из Карповых был послом при Богдане Хмельницком и что Карповы – рюриковичи. Однако Карповы – фамилия, вероятно, довольно распространённая, и орловский Карпов, быть может, к московскому послу XVIII века никакого отношения не имеет. <...>. Если, действительно, ни в каких документах, связанных с Орловской губернией, нет имени помещиков Карповых, то не знаю, что и думать. Кроме того, отец упоминал, что однажды, в очень трудную минуту он обратился за помощью к родственни-

¹⁵ Андреев А.Н. О Леониде Андрееве. Автограф // ОГЛИМТ. Ф. 12. КП № 46843 оф. Л.4-5.

¹⁶ Афонин Леонид Николаевич (1918–1975) – учёный, педагог и публицист, исследователь жизни и творчества Леонида Андреева.

кам своего деда Нилусам – м[ожет] б[ыть], эта ниточка приведёт к Карповым?»¹⁷.

В дворянских родословных книгах Орловской губернии, хранящихся в ГАОО, записано, что первые земельные владения здесь появляются уже в XVI—XVII вв. К числу первых орловских землевладельцев относятся и Карповы.

В Орловской губернии было несколько семей помещиков Карповых. В журналах Орловского Дворянского Депутатского собрания хранятся прошения о внесении в 6-ю часть Орловской дворянской родословной книги (эта часть считалась самой привилегированной) детей «Коллежского советника и Кавалера Дмитрия Ивановича Карпова» с доказательствами древности их рода¹⁸. Есть и другие интересные сведения об этих дворянах из Болховского уезда нашей губернии - ДмитриИ Ивановиче, его жене Марии Михайловне и их детях: Николае, Елизавете, Аркадии, Павле, Наталье и Сергее.

Известно, что младшая дочь Карповых Наталья стала женой мценского помещика Александра Петровича Нилуса, матерью православного писателя Сергея Нилуса¹⁹. Второй её сын, Дмитрий Нилус, был членом Орловского окружного суда, позже Московского окружного суда, в котором некоторое время служил и Леонид Андреев. Скорее всего, именно Дмитрий Александрович Нилус помог в трудный период жизни внуку своего родного дяди – одного из братьев Карповых.

В 2000 году старший научный сотрудник Государственного литературного музея И.С.Тургенева Лидия Валентиновна Иванова высказала предположение, что отцом Ни-

¹⁷ Творчество Леонида Андреева: Исследования и материалы. – Курск, 1983. – С. 157

¹⁸ ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 45 и др.

¹⁹ Нилус Сергей Александрович (1862–1929) – русский мыслитель, духовный писатель и общественный деятель. Один из выдающихся поборников идеалов Святой Руси.

колая Ивановича Андреева мог быть Аркадий Дмитриевич Карпов²⁰.

Учитывая факты, которые приводит в своём дневнике Леонид Андреев (см. ниже), и, соединив их с найденными архивными документами, можно уже с полной уверенностью сказать, что отцом Н.И. Андреева действительно является А.Д. Карпов.

В книге Л.Н. Кен и Л.Э. Рогова «Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками»²¹ есть ссылка на юношеский дневник писателя. В нём он пишет, что отец: *«был незаконнорожденным сыном некоего Карпова, представлявшего собой чистейший тип русского большого барина и хлебосола, бывшего одно время предводителем орловского дворянства и погибшего от своей излишней склонности к женищинам, одной из которых, Барышниковой, своей брошенной любовницей, он был отравлен. История его связи с моей бабушкой проста: он был помещик, она крепостная девушка-красавица, она ему понравилась, и через девять месяцев на свет явился мой отец. Впрочем, как говорят, он очень любил бабушку, и даже собирался жениться, да судьба, как водится, помешала: ради поправления своих расстроенных финансов и поддержания дворянской чести ему пришлось жениться на каком-то уроде, всё достоинство которого состояло в ста тысячах приданого. Бабушку он для очистки совести выдал за какого-то сапожника и, давши отцу кое-какое образование, умер»*²².

Аркадий Дмитриевич Карпов, хоть и не был предводителем дворянства, но, назначенный «с Высочайшего соизволения», был членом по крестьянским делам Присутствия,

²⁰ Иванова Л.В. Семейные корни Даниила Андреева // Сб. «Даниил Андреев в культуре XX века». - М.: Мир Урании, 2000. - 317 с.

²¹ Кен Л.Н. и Рогов Л.Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. – СПб.: ООО «Издательско-полиграфическая компания “КОСТА”», 2010. – С. 7.

²² Андреев Л. Дневник. Ч. 1-я. 12 марта 1890 – 30 июня 1890; 21 сентября 1898 // РАЛ. MS. 606 / Е.1. Л.53.

с 1861 года занимался самыми важными и трудными делами, связанными с проведением в жизнь реформ по отмене крепостного права в губернии²³. А.А. Фет называл его «губернским умником», человеком, приверженным ко всему, что считалось передовым. Сотрудники местного жандармского отделения утверждали, что Аркадий Карпов первым в Орле провёл «идею нигилизма»²⁴.

В январе 1849 года в «Орловских губернских ведомостях» появилась информация: *«Поручик Аркадий, чиновник 14 класса Николай и несовершеннолетний Сергей Дмитриевы Карповы продали Ротмистру Лукьяну Ильину Константинову Орловского уезда сельцо Денисово»*²⁵. Но сумма, вырученная от продажи и разделённая между братьями, видимо, не поправила финансового положения молодого поручика А.Д. Карпова, и вскоре он женился.

Леонид Андреев в дневнике указывает на то, что Карпов умер, *«давши отцу кое-какое образование»*. Действительно, в 1861 году Николай Иванович поступил в Орловскую мужскую гимназию на довольно престижные землемерно-таксаторские классы. Учились в этих классах по 6 лет, набирали всего по 5 человек в год. И решающую роль при поступлении могла сыграть «протекция» А. Д. Карпова. В ноябре 1866 года (за год до окончания обучения) экзаменационная комиссия землемерно-таксаторских классов принимает решение: *«Испросить у господина управляющего межевым корпусом разрешение на выдачу ученику Николаю Андрееву стипендии по восьми рублей в месяц по вниманию к его крайней бедности»*²⁶. Скорее всего, после

²³ Иванова Л.В. Указ. соч.

²⁴ И.С. Тургенев в Орле / Сост. и автор текста Л.М. Александрова. – Орёл: Издатель Александр Воробьев, 2008. – С. 79.

²⁵ Ашихмина Е.Н. В этом странном городе... [Текст]: в 3-х книгах. Кн.3. На службе. Родом из Орла: герои и сюжеты / Е. Н. Ашихмина; науч. ред. – И. Л. Ашихмин. – Орел: Издатель Александр Воробьев, 2012. – С.46.

²⁶ Афонин Л.Н. Леонид Андреев (из неопубликованного). – Орёл: Издатель Александр Воробьев, 2008. – С.13.

смерти А.Д. Карпова помощь «побочному сыну» прекратилась, чем и было вызвано появление этого документа. Стипендия была назначена, обучение продолжилось, и 25 октября 1867 года «18-летнему мещанину Николаю Андрееву» было выдано свидетельство об окончании землемерно-таксаторских классов²⁷.

Согласно этому документу, Николай Иванович родился в 1849 году, фактически перед самой женитьбой А.Д. Карпова, что подтверждает дневниковые записи Леонида Андреева. Ранее годом рождения Николая Ивановича считали 1847 год.

Вскоре после окончания землемерно-таксаторских классов Николай Иванович познакомился с весёлой, жизнерадостной, обладающей неистощимой фантазией девушкой – Настенькой Пацковской. Между молодыми людьми вспыхнуло большое чувство, и 25 октября 1870 года они повенчались в Успенской (Михаило-Архангельской) церкви.

В ГАОО хранится «брачный обыск» № 30, в котором также указывается возраст «брачующихся»:

«Жених - мещанин, в звании частного землемера и таксатора, Николай Иванов Андреев православного вероисповедания жительствоует в приходе нашей церкви.

Невеста - дочь умершего Губернского Секретаря Николая Гаврилова Пацковского девица Анастасия Николаева православного вероисповедания.

Возраст к супружеству имеют совершенный, и именно жених двадцати одного года, а невеста двадцати лет»²⁸.

9/21 августа 1871 года у молодой четы Андреевых родился сын Леонид. Анастасия Николаевна так вспоминала об этом времени: «Скажу откровенно, в год рождения Леонида и после частенько мы с мужем голодали»²⁹. Они с

²⁷ ОГЛИМТ. Ф.12. № 20487.

²⁸ Ветошко А. Брачный обыск: Новое о родителях писателя Л. Н. Андреева // Просторы России. 1996. 11-17 авг. (№32). С.9.

²⁹ Афонин Л.Н. Указ. соч. – С.11.

трудом выбрались из нищеты – Николай Иванович поступил на службу в Орловский городской общественный банк, построил дом на 2-й Пушкарной и начал обзаводиться хозяйством.

Несколько лет понадобилось Николаю Ивановичу, чтобы выстроить свои «хоромы», выделявшиеся среди соседских домишек. Просторный (в 10 комнат) дом на высоком каменном фундаменте был украшен затейливой резьбой. Местные жители называли дом Андреевых «барской усадьбой». Николай Иванович был для своего времени довольно прогрессивным и увлекающимся человеком, интересовался всем новым. Эти качества были присущи и его старшему сыну. На чердаке отец писателя соорудил телескоп и часами смотрел на звёзды.

Что собой представляла жизнь Орла тех лет, написал актёр В.Н. Давыдов, побывавший в губернском городе во время своих гастролей:

«Живописный Орел мне нравился, хотя удобств в городе не было никаких. Непролазная грязь, отсутствие водопровода, газа и уборных делали жизнь не особенно привлекательной, но орловцы, видно, привыкли ко всему этому и недочетов городского благоустройства совершенно не ощущали... Общественной жизни почти не было. Здесь жители ценили домашний уют, тепло семейного очага и деревню... По домам играли в картишки, занимались разведением тирольских канареек, по вечерам любители ходили друг к другу слушать их пение, некоторые возились с цветами и любили похвастаться цветущей камелией или азалией. Все жили за ставнями, жили тепло, сытно и уютно».

(Цитата по книге Алексея Митрофанова «Повседневная жизнь русского провинциального города в XIX веке. Пореформенный период» - <http://www.litmir.net/br/?b=177746&p=9>).

В автобиографии Леонид Андреев писал: «<...> отец мой был человеком ясного ума, сильной воли и огромного

бесстрашия, но к художественному творчеству в какой бы то ни было форме, склонности не имел. Книги, однако, любил и читал много, к природе же относился с глубочайшим вниманием и той проникновенной любовью, источник которой находился в его мужицко-помещичьей крови»³⁰.

Любил Николай Иванович и пошутить, подчас эти шутки были довольно небезобидными. «Так пришивал пьяных к тюфякам, на которые их клали, и пришивал очень крепко; связывал веревками им ноги, после чего будил их самым неожиданным и диким образом: то ударит в железный лист, то затрубит в трубу, то обдаст всех холодной водой. И от души смеялся, когда кто-то из них вдруг вскочит на ноги и тут же упадёт опять; а кто спьяну, не поняв в чём дело, потащит за собою тюфяк»³¹.

В детстве Леонид принимал участие практически во всех проделках отца. И именно от отца унаследовал любовь к розыгрышам и мистификации. В старших классах гимназии молодой Андреев начинает задумываться о жизни и ведёт длинные и частые беседы с отцом, которые скоро преращаются в связи со смертью последнего.

Умер Николай Иванович 19 мая 1889 года. Ему было всего 40 лет. Это произошло скоропостижно и неожиданно для всех. Утром Николай Иванович уехал на службу в банк, а через несколько часов туда срочно вызвали Анастасию Николаевну и Леонида, которому отец успел сказать, что все заботы о семье и матери он оставляет на него. На похороны Николая Ивановича пришло много народу. Несмотря на все его причуды, в городе его знали и любили.

Судьбы отца и сына Андреевых во многом схожи. Многие Леонид перенял от своего отца: увлечение книгой и созидательным трудом, любовь к природе, страстное желание свободы и признания, преданность близким, постоянная от-

³⁰ Кен Л.Н. и Рогов Л.Э. Указ. соч. С.8.

³¹ Андреев П.Н. Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. - Л.: Мысль, 1925. – С. 142.

ветственность за их благополучие. Николай Иванович, как никто понимал сына и гордился им.

Младший брат писателя – Андрей Николаевич Андреев - вспоминал:

«Как-то я сказал Леониду:

- Как мне обидно за отцов, которые умерли, когда их сыновья – будущие писатели – ещё дети. Отец Толстого умер, когда Лёвочке было всего 9 лет. И он даже не подозревал... Как жалко, что наш отец умер так рано.

Леонид ответил так:

- <...>. Отец будущность мою предвидел настолько, что считаю его первым поклонником моего таланта. Не могу сказать, в чём это выражалось явно, но отец как-то выделял меня среди других, и не только любовью. Обычно самовластный, резкий, он был со мною уступчив, почти вежлив; какая-то тень почтительности и уважения проскальзывали в его ко мне отношениях. <...>.

- И если бы он сейчас воскрес и увидел бы, что есть, он нисколько не удивился бы. Скорее даже, что отнёсся бы так: только-то? Я ожидал несколько большего»³².

Итак, читатель, ты познакомился с достаточно убедительной версией появления на свет отца писателя Леонида Андреева (она, всё-таки, версия, поскольку прямых доказательств нет – А. П.). Согласно ей, знаменитый русский писатель и орловский городской голова Дмитрий Аркадьевич Карпов являлись сводными братьями, детьми орловского дворянина Аркадия Дмитриевича Карпова, а их последующие потомки сохранили ту или иную степень родства.

³² Андреев А.Н. О Леониде Андрееве. Автограф // ОГЛИМТ. Ф. 12. КП № 46843 оф. - Л.4-5.

Аркадий Карпов – крестьянин из дворян

Во втором томе «Реквиема» («Книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине», Орёл, 1995г.), на странице 149, содержатся сведения о Карпове Аркадии Дмитриевиче, «1889 года рождения, уроженце и жителе деревни Топкий Ржавец Болховского района Орловской области, крестьянине, арестованном в 1930 году и приговорённом к 10 годам исправительно-трудовых работ».

По стопам отца

На первый взгляд – ничего особенного в коротенькой информации о человеке, одном из более чем 25 000 репрессированных, безвинно пострадавших орловчан. А между тем, в этом огромном скорбном перечне названный крестьянином Аркадий Дмитриевич Карпов – совсем не обычный деревенский житель, каким он представлен в записи второго тома «Реквиема». Аркадий – сын Орловского городского головы, Дмитрия Аркадьевича Карпова, о котором я вёл речь в предыдущей главе. Как потомок дворян Карповых стал крестьянином и «врагом народа» - об этом я и поведаю читателям.

Карпов Аркадий Дмитриевич

1904 год оказался переломным в жизни его семьи. Отец, Дмитрий Аркадьевич, получив назначение в Санкт-Петербургский окружной суд, переехал в столицу. А старший сын,

Аркадий, поступил тогда же, по примеру родителя, в привилегированное, закрытое учебное заведение для детей дворян – Императорское Училище Правоведения. Поселились Карповы в доме №40 по улице Знаменской (*ныне – улица Восстания – А. П.*), в самом центре Петербурга, рядом с Невским проспектом. В соседних квартирах проживали многие видные столичные чиновники и представители интеллигенции.

Семь лет учёбы для Аркадия Карпова пролетели незаметно, и 16 мая 1911 года он, в числе других студентов 72-ого выпуска Училища Правоведения, отправился в распоряжение Министерства Юстиции. Как один из лучших (*6-ой по успеваемости*), по IX классу (*чин титулярного советника на статской и чин штабс-капитана на военной службе – А. П.*), он получил назначение в канцелярию II Департамента Сената. Это подразделение высшего органа государственной власти и законодательства Российской империи занималось гражданскими делами, а главной задачей работников канцелярии было готовить дела для рассмотрения на заседаниях.

Всё у Аркадия Дмитриевича Карпова получалось, всё шло как по маслу, и когда его отец, уже в чине действительного статского советника (*генерал-майор – на военной службе – А. П.*), уходил в отставку, то ему казалось, что и сын сделает не худшую карьеру, а то и превзойдёт папашу-правоведа.

Наладилась к этому времени и собственная семейная жизнь Аркадия Дмитриевича. Он женился по любви на красавице Ольге Болдыревой, дочери генерала и бывшего начальника Алтайского горного округа, первого Почётного гражданина города Барнаула, Василия Ксенофонтовича Болдырева. Ольга Васильевна, ко всему прочему, была грамотной и умной девушкой: успешно окончила знаменитую частную женскую гимназию М.Н.Стоюниной. Молодые

строили планы, мечтали о ребёнке – а тут революция - одна, а потом и другая.

«...Где вам не следует быть»

А вот то, что случилось дальше, простой логикой, без знания фактов (а их очень немного), объяснить трудно. Бывший служащий Сената, вместе с женой, приезжает в 1918 году из Петрограда в Болховский уезд Орловской губернии, поселяется в деревне, где-то рядом с бывшей усадьбой помещиков Карповых и устраивается на работу конторщиком

в племхозе, который был создан в его национализированном имени. Семь лет совершенно незаметной сельской жизни, - из дома в контору и обратно – но не в северной столице, а в глуши

Училище правоведения

Орловщины. Родились за эти годы двое детей – сын Дмитрий (*снова Дмитрий Аркадьевич – по деду – городскому голлове – А. П.*) и дочь Елена.

А в 1925 году Аркадию Дмитриевичу Карпову пришлось расстаться с работой конторщика – его «вычистили как враждебный элемент». Но даже после этого он не покинул деревню, а начал зарабатывать на хлеб насущный, занимаясь огородничеством. И ещё пять лет прошло. Чудом сохранилось письмо того времени, присланное Ольге Васильевне Карповой (Болдыревой) её братом Николаем, который удивляется, что сестрица с мужем и детьми делает в деревне: «... это единственное место на земном шаре, где вам не следует быть. Во всех других местах вам было бы не хуже, и была бы, по крайней мере, надежда как-нибудь устроиться. Здесь

у вас полная безнадежность...Нужно каким-то героическим актом вырваться...».

Письмо было написано 29 апреля 1929 года. И «вырваться» Карповым за последующие несколько месяцев не удалось. А в начале 1930 года, произошли события, круто изменившие хоть и убогую, сельскую, но более-менее спокойную, жизнь петербургско-орловского семейства.

«Дело» начиналось в Кутьме

Об этих печальных событиях я расскажу с помощью уголовного дела Аркадия Дмитриевича Карпова, присланного мне родным его внуком – Аркадием Николаевичем, проживающим в настоящее время в Хельсинки. Копию двадцатистраничного дела – по его и двоюродного брата заявлению – прислали им из архива Орловского Управления ФСБ.

Итак, 28 января 1930 года в селе Кутьма Болховского района уполномоченный Орловского окружного отдела ПП ОГПУ ЦЧО по Болховскому и Знаменскому районам Новоиздский в течение дня допросил четырёх свидетелей (*я не буду называть их фамилий – А. П.*), которые показали примерно одно и то же:

«Бывший помещик Карпов Аркадий Дмитриевич и его жена Ольга Васильевна проживают сейчас в деревне Татинки у гражданина Мячикова. Ведут работу и агитируют бедноту и основную массу крестьянства не вступать в колхозы, так как это мероприятие ведёт к кабале. После этой агитации два собрания по поводу коллективизации в деревне Синец женщинами было сорвано.

В декабре месяце (1929 года – А. П.) в деревне Пальчиково Кутемского сельсовета был организован семенной фонд – А. П.) и засыпан в общественный амбар в количестве 200 пудов. Помещик Карпов и его жена Карпова в кругу крестьян говорили: «Проститесь со своим хлебом,

его скоро заберут себе коммунисты, которые систематически грабят вас, но это вы теперь будете знать, что помещик, всё-таки, был для вас неплохой, а вот новые помещики – коммунисты, они вас до ручки догонят».

Одна свидетельница также показала, что Карповы ходят по деревням под видом нищих и агитируют против вступления в потребительскую кооперацию. Упомянули допрашиваемые и мать помещицы Карповой, которая живёт в Орле и поддерживает, якобы, нелегальную связь со своими родственниками с помощью неизвестных извозчиков (*вообще-то, в Орле проживала мать Аркадия Дмитриевича – А. П.*).

Так, с допросов крестьян, началось это карповское дело. Трудно понять, почему был привлечён в качестве обвиняемого лишь Аркадий Дмитриевич, ведь во всех показаниях фигурировала и его жена. Но – тем не менее, 2 февраля 1930 года упомянутый выше уполномоченный Новицкий подписал постановление об обыске и аресте одного только главы семейства, супруга же осталась на свободе.

(Тут я сделаю небольшую вставку на основании письма ко мне Аркадия Николаевича Карпова: «Моя мама (Елена Аркадьевна Карпова, дочь Аркадия Дмитриевича – А. П.) мне рассказывала, что Ольгой Васильевной, всё-таки, заинтересовались и в сумерках куда-то повезли на санях. На лесной дороге навстречу попались всадники, которым доложили, кого и куда везут. Ответ был: «Поворачивать назад! До особого распоряжения» – А. П.)

Аркадия Карпова заключили под стражу и поместили в Болховский арестный дом. 6 февраля 1930 года ему было предъявлено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, и произведён первый допрос.

Допрашивал арестованного сотрудник отдела ОГПУ Фролов. Аркадий Дмитриевич рассказал, что в настоящее время проживает в д.Топкий Ржавец Кутемского сельсовета, занимается огородами. В семье у него – жена и двое детей (сыну

– 11 лет, дочери – 4 года), а в Орле – мать, Наталья Карпова и сестра, Татьяна Силулина (безработные).

Карпов не стал скрывать то, что до революции имел землю (400 десятин), скот (40 голов крупного рогатого скота и 40 лошадей, овец и свиней по 15 голов), молотилку и хозяйственные постройки. Правда, в приложенной в деле справке все эти цифры увеличились примерно вдвое.

Однако, сказав о прошлом, Аркадий Дмитриевич заметил, что в настоящее время ничего из перечисленного имущества у него нет, всё национализировано. По существу же предъявленных обвинений по «58-10 ст.УК, т.е. в агитации против мероприятий Советской власти, виновным себя не признаю, нигде и никакой агитации против коллективизации не вёл, добавить ничего не могу, в чём и подписуюсь».

Не в Париже, не в Лозанне, не в Белграде – в Орле

В обвинительном заключении по делу были повторены все свидетельские показания, и хотя Карпов свою вину не признал, все материалы были направлены Орловскому окружному прокурору для представления в комиссию ПП ОГПУ по ЦЧО «на предмет внесудебного рассмотрения».

Результат нам известен – 10 лет исправительно-трудовых работ. Аркадий Дмитриевич Карпов отбыл их полностью – от звонка до звонка. По некоторым данным, сначала строил Беломоро-Балтийский канал, потом, возможно, был на Соловках. Возвратился домой из заключения выпускник Училища Правоведения весной 1940 года. Жена с детьми в это время проживала у родственников в Ленинграде. И родственники отказали в приюте бывшему заключённому.

Аркадий Дмитриевич поехал в Орёл, к матери, Наталье Яковлевне. Она приняла сына. К сожалению, послелагерная жизнь оказалась для Карпова короткой. Он скончался в

Орле 3 мая 1941 года, за полтора месяца до начала Великой Отечественной войны.

Судьба разбросала однокашников Аркадия Дмитриевича по Училищу Правоведения по всему миру: Александр Вахтер скончался под Парижем, в Сент-Женевьев-де-Буа, Александр Струков погиб в Польше, Евгений Нор-

ман почил в Софии, Лев Кейзерлинг лежит на кладбище Пюлли под Лозанной в Швейцарии, Владимир Пржевальский упокоился в Белграде, Фёдор Гейне встретил свою смерть в бразильском городе Ландроне, Сергей Сиротинин нашёл вечный покой в столице Колумбии Боготе, а князя Георгия Ширинского-Шихматова замучили фашисты в концлагере Освенцим.

Аркадий Дмитриевич Карпов лёг в тёплую землю родной Орловщины – там же, где и родился.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ССР
ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о смерти № 646

Организация: Городское ЗАГС
№: 3122/341, 133 в
Именная печать: [отсутствует]

Гр. Аркадий Дмитриевич Карпов

Дата смерти: 3 мая 1941 года

Место смерти: г. Орел

Возраст при причинении смерти: 36 лет

Причина смерти: Забавооткишен

Врач: С. Луценко

Делопроизводитель: [подпись]

Зак. 031/с. 12/76 г.

Свидетельство о смерти

Приложения

Письмо Ольге Васильевне Карповой (Болдыревой) от её брата Николая Васильевича Болдырева (от 21.04.1929)

Моя дорогая Лёлочка!

Пришло твоё письмо, полное тревог, по случаю моей болезни. Могу тебе сказать, что теперь, думаю, всё прошло, и скоро совсем поправлюсь. История вышла довольно странная: я лёг в клинику, чтобы произвести одну операцию, совсем небольшую, которую вообще можно было бы и не производить.

В клинике меня стали основательно исследовать, отчасти, чтобы выяснить причину болезни, от которой я хотел избавиться путём операции, отчасти, чтобы вообще вылечить, из-за чего происходит моё скверное самочувствие и исхудание. Между прочим, у меня после гриппа, бывшего в начале февраля, всё время по вечерам держалась маленькая температура. Среди разных исследований, между прочим, подвергли рентгеновскому снимку мои почки, для чего одну из них нужно было намазать некоторой жидкостью. В результате последнего эксперимента, я перенёс целую, довольно тяжёлую болезнь.

Злополучное исследование произошло 2 апреля, а я ещё до сих пор не вполне от него оправился. Уже больше недели я дома, получил отпуск по болезни на месяц. Сейчас я уже почти поправился, надо отдохнуть и попринимать разных лекарств.

Бедная моя сестричка, мы тоже стосковались по тебе. Надо непременно устроить твой переезд сюда. В прошлом году это расстроилось из-за неожиданного приезда Наташи (*примечание А.Н.Карпова: Наташа – Наталья Васильевна Болдырева (Секавина в замужестве) была вынуждена*

с 9-летним сыном Дмитрием Секавиным в 1928 году переехать из Сочи в Ленинград, на Загородный проспект, 28. Дальше она отправилась за мужем, Александром Николаевичем Секавиным, в Краснококшайск (Йошкар-Ола), где он с 1927 года жил на поселении. 10.10.1938 года А.Н.Секавину, начальнику строительного отдела Марпотребсоюза был вынесен приговор – расстрел).

Не думай, ради Бога, что нам тяжело тебе помочь, нам только горестно, что мы урываем для тебя жалкие крохи. Несчастье в том, что вы остались в деревне - это единственное место на земном шаре, где вам не следует быть. Во всех других местах вам было бы не хуже, и была бы, по крайней мере, надежда как-нибудь устроиться. Здесь у вас полная безнадежность. Всё это я твердил Наталье Яковлевне (*маме А.Д.Карпова – А. П.*), она, кажется, со мной согласилась. Нужно каким-то героическим актом вырваться Арк.Дмитр. (*не прочесть – прим. А.Н.Карпова*)...сам не знаю, при свидании с тобой что-нибудь придумаем. Будь здорова и бодра, моя дорогая. Дай, Боже, тебе сил, в твоём прекрасном святом жизненном подвиге.

Целую тебя и Арк.Дмитр. Твой Коля.

(Примечание. Несмотря на оптимизм автора письма, Николай Васильевич Болдырев так и не оправился после болезни и скончался в том же 1929 году – А. П.)

Материалы уголовного дела № 10526-П по обвинению А.Д.Карпова в антисоветской пропаганде и агитации (УК РСФСР, ст.58-10) (Архив Управления ФСБ по Орловской области)

Протокол

1930 года, января, 28 дня, Уполномоченный Орловского Округдела П.П.ОГПУ. ЦЧО по Болховскому и Знаменскому районам Новицкий допрашивал в качестве свидетеля с со-

блюдением 162-168 ст.ст. УПК нижепоименованного, который показал:

Адрес – с.Кутьма Болховского района.

Об ответственности за ложные показания по ст.95 УК мне объявлено. Обязуюсь показывать правду – Пер.....ов

«Бывший помещик Карпов Аркадий Дмитриевич поселился на жительство в деревне Татинках, вблизи своего имения, в котором в настоящее время имеется совхоз. В январе месяце в деревне Новый Синец Карпов в кругу крестьян говорил: «Вот уже настало время, когда вас всех загонят в коллективы, а ведь знаете, что это такое, коллективы организуют коммунисты для того, чтобы все крестьяне работали не для себя, для коммунистов, так как всеми продуктами будут заведывать они, а будут давать столько, сколько им понравится, вы будете такими же рабами, как и были крестьяне в крепостное право».

После этой агитации два собрания по поводу коллективизации в деревне Синец женщинами были сорваны. Больше показать ничего не могу.

Пер.....ов».

Уполномоченный Новицкий.

Протокол

1930 года, января, 28 дня, Уполномоченный Орловского Окротдела П.П.ОГПУ. ЦЧО по Болховскому и Знаменскому районам Новицкий допрашивал в качестве свидетеля с соблюдением 162-168 ст.ст. УПК нижепоименованного, который показал:

Адрес – с.Кутьма Болховского района.

Об ответственности за ложные показания по ст.95 УК мне объявлено. Обязуюсь показывать правду – Мат...ин

«Бывшая помещица Карпова Ольга Васильевна и ее муж Аркадий Дмитриевич ныне проживают в деревне Татинки Болховского района на квартире у одного из граждан, Мячилова Афонасия Васильевича. Они ведут контрреволюционную работу, а именно: разлагают местное население, пайщиков ПО (потребительское общество – А. П.), которым говорят, чтобы они не вступали, так как деньги эти пропадут, а товаров нет, и их не дают, крестьян вводят в заблуждение и обманывают их. Сам помещик Карпов в данный момент представился нищим и ходит по дворам и одновременно ведёт агитацию против всех мероприятий Сов.власти. Кроме того, собирает сведения, кто, где служит, фамилию, имя и отчество и принадлежность к партии коммунистов. Мать указанной помещицы проживает в г.Орле, и с нею имеют тесную связь через неизвестных извозчиков путём нелегальной передачи писем. А так же ведут работу против колхозного строительства путём запугивания бедноты, а также и основной массы крестьянства.

Мат...ин».

Уполномоченный ОГПУ Новицкий.

Протокол

1930 года, января, 28 дня, Уполномоченный Орловского Окротдела П.П.ОГПУ. ЦЧО по Болховскому и Знаменскому районам Новицкий допрашивал в качестве свидетеля с соблюдением 162-168 ст.ст. УПК нижепоименованного, который показал:

Адрес – с.Кутьма Болховского района.

Об ответственности за ложные показания по ст.95 УК мне объявлено. Обязуюсь показывать правду – Па...ев

«Карпов Аркадий Дмитриевич и его жена, Карпова Ольга Васильевна до революции были крупные помещики, имение они имели в д.Каменка с 800 десятин земли, кроме этого, имели ещё два имения в Полесье. В данное время они проживают в д.Татинки Болховского района. В декабре месяце в д. Пальчиковой Кутемского с/совета Болховского района был организован семенной (фонд – А. П.) и засыпан в общественный амбар в количестве 200-от пудов. Помещик Карпов и его жена Карпова в кругу крестьян говорили: «Проститесь со своим хлебом, этот хлеб скоро заберут себе коммунисты, которые систематически грабят вас, но это вы теперь будете знать, что помещик, всё-таки, для вас был не плохой, а вот новые помещики – коммунисты, они вас до ручки догонят. Больше показать ничего не могу.

Падуев».

Уполномоченный ОГПУ Новицкий.

Протокол

1930 года, января, 28 дня, Уполномоченный Орловского Окротдела П.П.ОГПУ. ЦЧО по Болховскому и Знаменскому районам Новицкий допрашивал в качестве свидетеля с соблюдением 162-168 ст.ст. УПК нижепоименованного, который показал:

Адрес – с.Кутьма Болховского района.

Об ответственности за ложные показания по ст.95 УК мне объявлено. Обязуюсь показывать правду – Ла...ев

«Бывшая помещица Ольга Васильевна и ее муж Аркадий Дмитриевич, проживающие сейчас в деревне Татинках у гражданина Мячилова Афонасия Васильевича, ведут работу и агитируют бедноту и основную массу крестьянства не вступать в колхозы, так как это мероприятие ведёт к кабале, и по их агитации было сорвано организация с/х артели 15 января 1930 года в деревне Пальчиково. И сейчас нищенствуя, и ходя по деревням, всячески стараются подорвать колхозное движение, а также ведут работу против займа индустриализации. Так, в деревне Татинки, по их агитации распространение займа было сорвано, и до сего времени ведут агитацию, чтобы больше совсем не брали займа, так как эти деньги идут на пьянку...

Ла...ев».

Уполномоченный ОГПУ Новицкий.

Постановление

(о принятии дела к своему производству)

1930, февраля, 2 дня, Я, уполномоченный Орловского окротдела ПП ОГПУ по Болховскому и Знаменскому районам Новицкий, рассмотрев материалы следствия на гражданина Карпова Аркадия Дмитриевича и, принимая во внимание, что из данного материала усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст.50-10 УК, а потому, руководствуясь ст. 110 УПК,

ПОСТАНОВИЛ:

означенный материал принять к своему производству следствию, о чём в копии настоящего постановления сообщить в копии окрпрокурору для сведения

Уполномоченный ОГПУ Новицкий

Согласен: уполномоченный СО Пискунов

Утверждаю: нач. окротдела ОГПУ Львов

Постановление

(об избрании меры пресечения)

1930, февраля, 2 дня, Я, уполномоченный Орловского окротдела ПП ОГПУ по Болховскому и Знаменскому районам Новицкий, рассмотрев следственный материал на гражданина Карпова Аркадия Дмитриевича и, принимая во внимание, что из материала следствия усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст.50-10 УК, а потому, руководствуясь ст. 145 УПК,

ПОСТАНОВИЛ:

мерой пресечения в отношении гражданина Карпова Аркадия Дмитриевича избрать содержание под стражей, о чём в копии настоящего постановления сообщить окрпрокурору для сведения.

Уполномоченный ОГПУ Новицкий
Согласен: уполномоченный СО Пискунов
Утверждаю: нач. окротдела ОГПУ Львов

***Постановление
(об аресте)***

1930, февраля, 2 дня, Я, уполномоченный Орловского окротдела ПП ОГПУ по Болховскому и Знаменскому районам Новицкий, рассмотрев поступивший материал на гражданина Карпова Аркадия Дмитриевича, нашёл, что гражданин Карпов А.Д. вёл агитацию, направленную против Соввласти и её мероприятий, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 УК, нахождение же на свободе гражданина Карпова А.Д. может повлиять на дальнейший ход следствия, а потому, руководствуясь ст. 106, ч.2 и 175 УПК,

ПОСТАНОВИЛ:

Гражданина Карпова Ар.Дмитр. арестовать и произвести у него обыск, с целью изъятия компрометирующих его документов, о чём в копии настоящего постановления сообщить окрпрокурору для сведения.

Уполномоченный ОГПУ Новицкий
Согласен: уполномоченный СО Пискунов
Утверждаю: нач. окротдела ОГПУ Львов

Ордер №45

Февраля, 2 дня, 1930 года

Выдан сотруднику Фролову, Болховского отдела ГПУ

Производство обыска и ареста гражданина Карпова Аркадия Дмитриевича, по адресу – дер. Татинок Кутемского сельсовета Болховского района.

Нач.окротдела (фамилия неразборчива)

Секретарь (фамилия неразборчива).

Протокол допроса

1930 года, февраля, 6 дня, я, сотрудник отдела ОГПУ Фролов, допрашивал в качестве обвиняемого гражданина Карпова Аркадия Дмитриевича и на первоначальные предложенные вопросы он показал:

Фамилия – Карпов

Имя, отчество – Аркадий Дмитриевич

Возраст – 40 лет, 1889 года

Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство) – с дворян г.Орла, отец – член гражданского суда в г.Орле

Местожительство (постоянное и последнее) – д.Топкий Ржавец Кутемского с/совета

Род занятий (последнее место службы и должность) – конторщик племхоза, в деревне – огородами

Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время) – женат, жена и двое детей, мать – Наталья Карпова в Орле и сестра Татьяна Селюлина, без работы

Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников) – отец как помещик

имел в д.Каменка экономию земли 400 десятин, скота рогатого – 40 и лошадей тоже

Образовательный ценз (первонач. образование, средняя школа, специальн, когда и т.д.) – окончил Ленинградский университет в 1910-1911 году

Партийность и политические убеждения – беспартийных

Где жил, служил и чем занимался до войны 1914 года – в городе Ленинграде, в канцелярии Сената

Б) с 1914 года до Февральской революции – в Ленинграде, конторщик в управлении заводами

В) где был, что делал в Февральскую революцию 17 года, принимал ли активное участие и в чём оно выразилось? – тоже

Г) с Февральской революции 17 года до Октябрьской революции 17 года – тоже

Д) где был, что делал в Октябрьскую революцию 17 года – тоже

Е) с Октябрьской революции 17 года по настоящий день – до 1918 года, после в Орле в ?отделе (каком – не понятно – А. П.) до 1925 года

12. Сведения о прежней судимости – не судим

13. Отношение допрашиваемого к обвиняемому – нет

14. Отношение к военной службе – снят и не состоял

Записано с моих слов верно, записанное мне прочитано (подпись)

А.Карпов

Показания по существу дела

Что в предъявленном мне обвинении по 58-10 ст. УК, т.е. в Агитации против мероприятий Соввласти виновным себя не признаю, потому что я нигде и никакой агитации как о коллективизации, за невхождение, в подполье, среди

*крестьян не вёл. Добавить ничего не могу, записано верно,
мне зачитано, в чём и подписуюсь*

А.Карпов

Сотрудник ОГПУ М.Фролов

***Из анкеты арестованного Карпова Аркадия
Дмитриевича
(от 11.02.1930 года)***

8. Состав семьи:

Жена – Ольга, 36 лет

Сын – Дмитрий – 11 лет

Дочь – Елена – 4 года

10. Профессия – конторщик

Состоял ли на государственной службе – не служил

Владел ли недвижимым имуществом, каким и где – земли 400 десятин, коров – 40 штук, лошадей – 40 штук, молотилка, самокоска, 15 штук овец, 15 штук свиней (принадлежало отцу).

Место службы - с 1918 года – племхоз, конторщик, с 1925 года – в деревне

18. Когда арестован – 2.02.1930

19. Кем арестован – ОГПУ

20. Где арестован – дома

21. Когда и кем допрошен – 5.02.1930

22. Предъявлено ли обвинение и в чём именно – 58-10

23. Место жительства перед арестом – Топки – Ржавец

Подпись заключённого – А.Карпов

11 февраля 1930 года

Из справки:

Район – Болховский, 2. – сельсовет – Кутемский, 3.- дер. Т.Ржавец

4. Фамилия – Карпов, 5. Имя – Аркадий, 6. Отчество – Дмитриевич,

7. Год рождения – не извест., 8. – Национальность – великоросс,

9. Социальное положение – помещик,

10. Прежняя принадлежность к политическим партиям и монархическим органам – к монархическим,

11. Состав семьи – жена и двое детей,

12. Имущественное положение до революции – крупный помещик

Земли надельной – 700 десятин,

Количество лошадей – 80 штук,

Коров – 60,

Овец – 35,

Свиней – 25,

Надворные постройки – полностью экономические постройки,

Леса – 20 десятин,

Сколько имел батраков – 40

Имущественное положение в настоящее время – во всех графах – прочерк

21. Когда лишён избирательных прав – с 1918 года

25. Имеются ли родственники за границей – неизвестно

28. Характеристика сельсовета – крупный помещик, подлежит реализации

29. Имеется ли постановление схода о выселении – нет

Печать Кутемского сельсовета Болховского района Орловского округа

Председатель сельсовета – В. С. (подпись неразборчива)

Секретарь сельсовета – подпись неразборчива

Постановление
(о привлечении данного лица в качестве обвиняемого)

1930, февраля, 6 дня, Я, уполномоченный Орловского окротдела ПП ОГПУ по Болховскому и Знаменскому районам Новицкий, рассмотрев следственный материал на гражданина Карпова Аркадия Дмитриевича, по коему последний достаточно изобличается в преступлении, предусмотренном ст.50-10 УК, т.е. в агитации, направленной против соввласти и её мероприятий, а потому, руководствуясь ст. 128 УПК,

ПОСТАНОВИЛ:

привлечь гражданина Карпова Аркадия Дмитриевича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в преступлении, предусмотренном ст. 58-10, о чём в копии настоящего постановления сообщить окрпрокурору для сведения.

Уполномоченный ОГПУ Новицкий
Согласен: уполномоченный СО Пискунов
Утверждаю: нач. окротдела ОГПУ Львов
Обвинение мне предъявлено 6 февраля 1930 года
Подпись – А. Карпов

Постановление
(об окончании следствия)
По делу №

1930, февраля, 6 дня, Я, уполномоченный Орловского окротдела ПП ОГПУ по Болховскому и Знаменскому районам Новицкий, рассмотрев настоящее дело по обвинению гражданина Карпова Аркадия Дмитриевича, который вёл агитацию против мероприятий соввласти, нашёл, что об-

виняемый по сему делу гр. Карпов Аркадий Дмитриевич вполне изобличён в предъявленном преступлении, предусмотренном ст.50-10 УК и, руководствуясь ст. 207 УПК,

ПОСТАНОВИЛ:

Признать предварительное следствие законченным.

Мерой пресечения уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей и отправить в болховский Арестный дом, зачислив арестованного гражданина за ОГПУ

Настоящее постановление объявить арестованному под расписку

Уполномоченный ОГПУ Новицкий
Согласен: уполномоченный СО Пискунов
Утверждаю: нач. окротдела ОГПУ Львов

Настоящее постановление мне объявлено, дополнительных заявлений по делу следствия не имею

Подпись обвиняемого – А. Карпов

Обвинительное заключение

По делу №... обвиняется Карпов
Аркадий Дмитриевич по ст. 58-10 УК.

2/II-1930 года, Орловским Окротделом ОГПУ арестован Карпов Аркадий Дмитриевич – бывший крупный помещик, дворянин, служивший в дореволюционное время в сеноте (*правильно – в Сенате – А. П.*).

Этот бывший помещик при проведении коллективизации, в январе месяце сего года, среди крестьян деревни Новый Синец, говорил: «Вот уже настало время, когда вас всех загоняют в коллективы, а вы знаете, что эти коллекти-

вы организуют коммунисты для того, чтобы все крестьяне работали не для себя, а для коммунистов, так как всеми продуктами будут заведывать они, а вам будут давать столько, сколько им понравится, и вы будете такими рабами, как и были крестьяне в крепостное право» (л.д.2).

Расхаживая, он вместе со своей женой, по деревне Татинка, и агитируя не записываться в колхоз. 15 января сего года в деревне Пальчиковой вёл агитацию за то, чтобы крестьяне не брали займа индустриализации, говоря, что эти деньги идут на пьянку коммунистам (л.д.3).

Среди крестьян деревни Татинки говорил: «с засыпанными вами семенами в общий амбар (около 200 пудов) вы проститесь, так как коммунисты их заберут себе, оне грабят всех крестьян систематически и это хорошо, вы будете знать, что бывшие помещики для вас не были плохи, а новые помещики, коммунисты, оне доведут вас до ручки» (л.д.4).

Карпов с женою, под видом попрошайничества, проводят среди крестьян агитацию, чтобы они не поступали в кооперацию, так как вводят в заблуждение на протяжении 12 лет и всячески их обманывают (л.д.5).

Допрошенный в качестве обвиняемого Карпов Аркадий Дмитриевич виновным себя не признал.

На основании изложенного Карпова Аркадия Дмитриевича, 1889 года рождения (41 года), происходит из дворян гор.Орла, женатый, на иждивении имеет жену и двоих детей, русский, подданный РСФСР, беспартийный, образование высшее, по словам – не судимый, обвиняется по ст.58-10 УК, принимая во внимание, что настоящее дело по своему составу преступления подлежит рассмотрению во внесудебном порядке,

ПОСТАНОВИЛ:

Дело №..... по обвинению Карпова Аркадия Дмитриевича по ст. 58-10 УК, направить Орловскому Окрпрокурору на заключение для представления в комиссию ПП ОГПУ по ЦЧО на предмет внесудебного рассмотрения, перечислив арестованного Карпова дальнейшим содержанием за ПП ОГПУ по ЦЧО.

Уполномоченный Родионов

Согласен: уполномоченный СО Пискунов

Утверждаю: нач. окротдела ОГПУ Львов

02.1930 года

Справка:

Карпов Аркадий Дмитриевич арестован 2.02.1930 года и содержится в Орловском Домзаке.

В деле имеется акт медосвидетельствования

Какие-то документы (*не видно из-за некачественного копирования – А. П.*)

Акт

Карпов Аркадий Дмитриевич, 41 года, (*два слова – непонятно – А. П.*), роста среднего, жалоб нет. Со стороны органов внутренних уклонений нет. Глухота на правое ухо – следы бывшей операции на сосцевидном отростке.

Заключение: глухота на правое ухо. Пешком следовать может.

Врач Горбин

13.02.1930

***Свидетельство о смерти №646
(Орловское Городское Бюро ЗАГС)***

Карпов Аркадий Дмитриевич

Умер 3 мая 1941 года (третьего мая тысяча девятьсот сорок первого года),

О чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти за 1941 год, 5 числа, мая месяца, произведена соответствующая запись.

Место смерти: г.Орёл, Орловской области.

Возраст и причина смерти: заворот кишок, 51 год.

Зав. Бюро ЗАГС Глущенко

***Архивная выписка Орловского Управления ФСБ
от 2 апреля 2014 года №10/7825***

Карпов Аркадий Дмитриевич, 1889 года рождения, происходит из дворян г.Орла. Русский, беспартийный, образование высшее (закончил Ленинградский университет в 1910-1911 годах).

Родители: отец, член Законодательного суда в г.Орле (как помещик имел хозяйство в д.Каменка); мать, Наталья Карпова, не работала, сестра Татьяна Силюлина (так указано в деле).

Состав семьи: жена Ольга, 36 лет; сын Дмитрий – 11 лет; дочь Елена – 4 года (возраст указан на момент ареста).

До 1914 года служил в канцелярии сената, делопроизводитель. С 1914 года до Февральской революции – в Ленинграде, в Управлении заводами, конторщик. С 1918 года – в племхозе, конторщик. С 1925 года находился в деревне, занимался хлебопашеством и огородничеством.

Недвижимое имущество: дом, 400 десятин земли, молотилка, самокоска, коров 40 штук, лошадей 40 штук, овец 15 штук, свиней 15 штук (принадлежало его отцу).

До ареста проживал в п.Топкий Ржавец Болховского района Орловской области (*здесь в справке ошибка, поскольку в 1930 году Орловской области ещё не было – только Орловский округ ЦЧО – А. П.*).

Арестован 2 февраля 1930 года, обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР (проводил агитацию среди крестьян, чтобы они не вступали в колхозы, был против коллективизации).

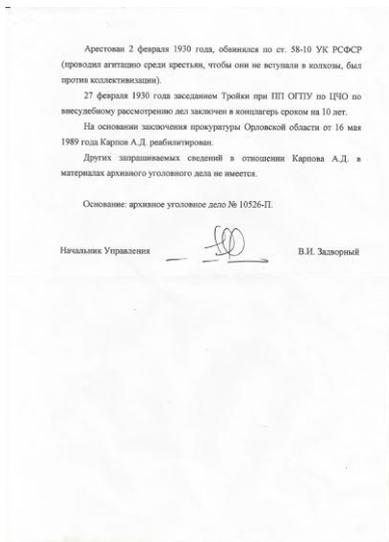
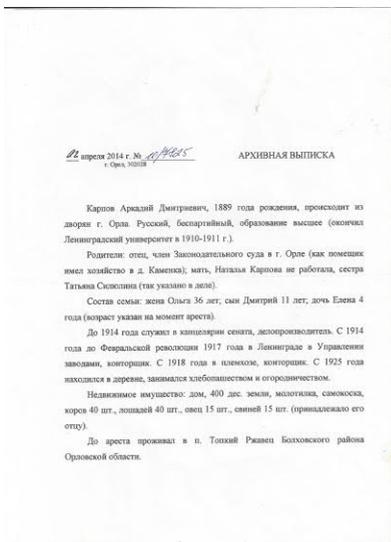
27 февраля 1930 года заседанием Тройки при ПП ОГПУ по ЦЧО по внесудебному рассмотрению заключён в концлагерь сроком на 10 лет.

На основании заключения прокуратуры орловской области от 16 мая 1989 года Карпов А.Д. реабилитирован.

Других запрашиваемых сведений в отношении Карпова А.Д. в материалах архивного дела не имеется.

Основание: архивное уголовное дело № 10526-П

Начальник Управления В.И.Задворный

Документ о реабилитации

Карповские адреса

Орловщина

Орёл, 3-я часть города, улица Верхне-Дворянская, квартал №15, №172 (собственный каменный дом, каменный флигель, деревянный флигель и службы – все строения общей стоимостью 4800 рублей). Усадьба приобретена у жены титулярного советника Эвелины Юрьевны Ячевской не ранее 1888 и не позднее 1899 года на имя Натальи Яковлевны Карповой. Здесь жили в начале XX века Дмитрий Аркадьевич и Наталья Яковлевна с детьми – Татьяной, Аркадием, Яковом. Возможно, Аркадий Дмитриевич и Ольга Васильевна тоже жили в этом доме – с 1918 по 1925 год, в нём родились Дмитрий Аркадьевич и Елена Аркадьевна.

В Орловской тюрьме до отправления в лагерь находился Аркадий Дмитриевич, а после освобождения он возвратился в Орёл и скончался там в мае 1941 года.

Болхов – здесь был дом Дмитрия Ивановича и Марии Михайловны Карповых, в Болхове же в арестном доме сидел Аркадий Дмитриевич.

Болховский уезд, село Вязилки – Карпово (Вязовое), ныне – Болховский район – родовая усадьба Карповых. Начиная с Дмитрия Ивановича, здесь жили вплоть до революции все поколения Карповых (начало XIX века - 1917 год)

Болховский уезд, деревня Каменка – имение Карповых вплоть до 1917 года.

Болховский уезд – деревни Татинки, Топкий Ржавец – последнее место жительства Аркадия Дмитриевича и Ольги Васильевны до ареста, **в деревнях Пальчиково, Новый Синец** (по обвинительному заключению) они вели пропаганду против коллективизации и кооперации, **в селе Кутьма** состоялся допрос Аркадия Дмитриевича.

Санкт-Петербург – Загородный проспект, 28 (доходный дом М.А.Лавровой) – место жительства Лавровых,

Болдыревых, Карповых до революции и в послереволюционные годы. В этом доме жил и умер великий русский композитор Н.А. Римский – Корсаков, с которым, наверняка, были знакомы представители всех трёх названных фамилий.

Санкт-Петербург – улица Фурштадская, 49. Карповы жили здесь в 1906 – 1908 годах

Санкт-Петербург – улица Знаменская, 40, здание **окружного Суда.** В нём работал Дмитрий Аркадьевич Карпов в 1905-1916 годах, здесь жили и члены его семьи в 1908-1912 годах

Санкт-Петербург – Сапёрный переулок, д.8. - здесь жили Карповы в 1916-1917 годах.

Ленинград – проспект 25 Октября, д.134, кв.65 – здесь жила Наталья Яковлевна Карпова в 1935 году.

Лавровы

В 2013 году, к северу от Орла, в районе деревни Жилиной, пока не входящей официально в городскую черту, началось строительство нового микрорайона под названием Болховский (названного так потому, что расположен он рядом с Болховским шоссе – А. П.).

Две новых улицы, появившиеся здесь, получили имена Генерала Лаврова и Графа Киселёва. В этом очерке речь пойдёт о генерал-майоре Василии Лавров и членах его семьи, чьи судьбы оказались тесно связанными с семьями Болдыревых и Карповых.

«Ваш на земле и за гробом...»

Одним из переломных событий русско-турецкой войны 1877-1878 годов стало сражение у болгарского села Горный Дубняк, турецкие позиции у которого не давали русским войскам полностью блокировать крупный вражеский гарни-

*Юнкер Василий Лавров
(в школе подпрапорщи-
ков и юнкеров)*

зон в крепости Плевна, что обеспечило бы перелом в ходе всей войны.

Для взятия вражеских укреплений был послан отряд гвардии во главе с генералом Гурко. 12 октября 1877 года, в 9 часов утра, войска его войска начали штурм. Позиция неприятеля была крайне выгодной - высота на ровной площадке, господствующая над окружающей местностью.

Лейб-гвардии Финляндскому полку под командованием генерала Лаврова, входившему в состав отряда Гурко, предстояла очень трудная задача - пересечь открытую, прекрасно простреливаемую турками поляну шириной порядка 500 шагов. Лавров принял решение сделать это бегом и сам повёл солдат в атаку. Бой был страшным. Из воспоминаний участников:

«адский, потрясающий огонь... что-то чудовищное, уничтожающее...» (участник штурма А. Пузыревский);

«Бойня... резня... ад огня...» (полковник Г. П. Шмидт, сменивший В. Н. Лаврова на посту командира лейб-гвардии Финляндского полка после тяжёлого ранения последнего).

Несколько приступов были неудачными, потери в этом жестоком бою составили, по разным оценкам, до 3 600 человек убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести.

И тогда генерал Лавров вновь решил вдохновить бойцов примером. *«Молодцы! Сейчас пойдём в атаку. Когда я взмахну саблей и крикну «ура!» — смотрите все за мной»*, — обратился он к солдатам и устремился вперёд. Не добежав 50 метров до турецкого редута, генерал упал от двух пулевых попаданий. Но полк, вдохновлённый своим командиром, задачу выполнил.

Накануне этого рокового боя, предчувствуя беду, Лавров написал письмо жене: *«Через час мы идем в дело, если мне не суждено будет остаться живым, то посылаю тебе это прощальное слово. Благодарю тебя за то счастье, которое ты мне доставила, умру, произнеся твое имя с последним вздохом, - люблю тебя, как может только любить человеческое сердце. Да хранит тебя и детей Господь Бог, да составят они твое счастье и утешение. – Благословляю Вас. Меня похорони в Кривцове. Ваш на земле и за гробом. Вас. Лавров».*

Командир Лейб-гвардии Финляндского полка

Василий Николаевич Лавров родился 27 апреля 1837 года (в некоторых источниках назван 1838 год – А. П.) в семье служилого дворянина в Епифановском уезде Тульской губернии (орловский краевед Владимир Ильич Воробьев писал, что местом рождения было село Кривцово Болховского уезда – но ссылки на документы не привёл – А. П.). После окончания с отличием в 1855 году школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров он поступил на службу в лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк.

Потом были учёба в Николаевской академии Генерального штаба и служба в штабе Гвардейского корпуса. 12 января 1863 года, в чине штабс-капитана, Василий Лавров получил направление в Северо-Западный край, в распоряжение генерала Н.Ганецкого.

Генерал Василий Лавров

Состоя при штабе 2-й гвардейской пехотной дивизии, молодой офицер участвовал в сражениях с польскими повстанцами при Гудишках и Шнуркишках (в

последнем получил ранение), и за отличие в них был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В 1866 году Василий Лавров познакомился с Марией Александровной Погребовой — дочерью известного купца и сделал ей предложение руки и сердца. Медовый месяц после свадьбы молодые провели в сельце Кривцово - имении Лавровых в Болховском уезде - и в Париже. В 1867 году у Лавровых родился сын (*он умер в младенчестве – А. П.*), в 1871-ом — дочь Елизавета (*её известный портрет работы Ильи Репина хранится в Русском Музее – А. П.*).

30 августа 1875 года Василий Николаевич был произведён в генерал-майоры, а в сентябре 1876 года назначен командиром лейб-гвардии Финляндского полка, в составе которого он уже участвовал в боях с польскими повстанцами.

А 12 октября 1877 года случилось то, о чём я уже рассказывал. Генерал Лавров скончался в результате тяжёлых ранений через два дня после того жестокого боя. Выполняя волю мужа, его 30-летняя вдова Мария Александровна две недели сопровождала цинковый гроб с телом героя из Болгарии в Болховский уезд, в родовое имение Лавровых.

На щите: возвращение на родину

В последних числах октября траурная процессия прибыла на станцию Мценск Московско-Курской железной дороги. На всём тридцативёрстном пути далее - от станции к месту упокоения - стояли у дороги жители ближних и дальних сёл и деревень.

Здесь мне придётся сделать некоторые уточнения. Дело в том, что во многих источниках и справочных статьях о генерале Василии Лаврове сказано, что похоронили его в склепе Кривцовской церкви. Однако это не совсем так.

Приходская церковь помещиков Лавровых находилась не в Кривцово, а в селе Березуй. Да, существовало в XIX-

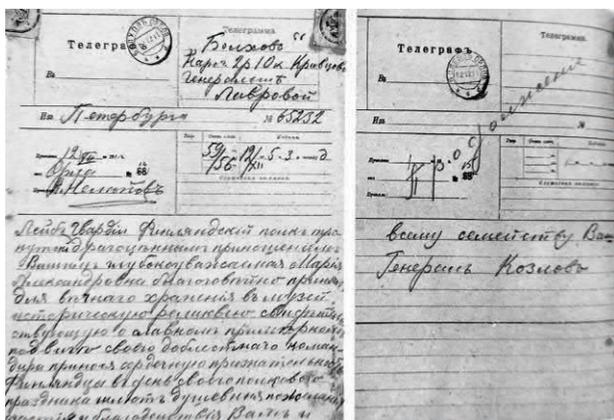
начале XX века в Болховском уезде уникальное село, причисленное к духовному ведомству и располагавшееся в 20 верстах к востоку от города Болхова на крутом берегу реки Березуя – притока Оки. Здешним строителем Введенского храма, освящённого в 1829 году, был дед павшего в сражении с турками генерала – В.И.Лавров. Вот сюда, в Березуй, к небольшой однопрестольной церкви, и привезла убитая горем вдова Мария Лаврова тело своего незабвенного мужа.

Лаврова Мария Александровна

Проводить Василия Николаевича в последний путь собрались все окрестные жители. Приехали представители из Епифанского уезда Тульской губернии. Многочисленной была делегация из уездного города Болхова: городской голова Алексей Клягин, уездный предводитель дворянства Фёдор Кривцов, уездный исправник Иван Протопопов, полицмейстер Алексей Бурнашов, чиновники и жители города.

Присутствовало и губернское начальство: орловский генерал-губернатор, генерал-майор Константин Боборыкин, вице-губернатор Павел Дьяконов, начальник губернского жандармского управления полковник Яков Дудкин, губернский предводитель дворянства Павел Тютчев, столоничальники, чиновники, представители всех сословий. Духовенство на погребении возглавлял владыка Орловский и Севский епископ Ювеналий. В общем, такого скопления людей здесь не видели никогда.

В метрических книгах Введенского храма села Березуй имеется запись, что «14 октября 1877 года скончался от ран, полученных на поле брани, командир Лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майор Василий Николаевич Лавров, 39 лет. Похоронен 30 октября». Отпели генерала священник села Березуй Алексей Попов с причетником Василием Никольским.

После прощания с покойным гроб с телом Василия Николаевича Лаврова поместили в семейный склеп, располагавшийся с правой стороны храма Введения. На могилу была положена чугунная плита с надписью: «Командир Лейб-гвардии Финляндского полка В.Н.Лавров. Родился в 1837 году, погиб под Горным Дубняком в 1877 году».

Мария Александровна Лаврова: на благо орловчан

Родовое имение Лавровых, сельцо Кривцово, находилось в версте от Березуя. Там с момента похорон любимого мужа поселилась на постоянное жительство его вдова Мария Александровна Лаврова, посвятившая отныне жизнь Богу, ведению хозяйства и помощи местным жителям.

В 1880 году она выделила большую сумму денег на обновление храма в селе Березуй: стены его были оштукатурены, пол переделан, поставлен новый иконостас и построен дом для священнослужителей.

В 1901 году Мария Александровна ещё раз пожертвовала солидные средства на его повторный ремонт. И кто бы ни был настоятелем церкви – вдова генерала всегда приходила батюшкам на помощь, если они нуждались в чём-то.

В сельце же Кривцово Мария Александровна Лаврова устроила земскую больницу и начальное сельское училище, преобразованное затем в двухклассное, названное именем её мужа-генерала. Вот какие сведения об этом училище я нашёл в «Журналах заседаний 38 Болховского уездного собрания» (ГАОО, фонд 465 (Болховская уездная земская управа), опись 1, ед.хр.121, л.89об.):

«В селе Кривцово – образцовое двухклассное училище, содержимое на совместные средства Министерства народного просвещения и вдовы генерал-майора Марии Александровны Лавровой, в

*Лаврова Елизавета
Васильевна (Болдырева)*

*Лаврова М.А, её дочь и
Болдыревы*

*Лавровское училище в селе Кривцово
Болховского уезда*

котором обучалось 68 мальчиков и 30 девочек (1902-1903 учебный год)».

Просветительская деятельность Марии Александровны способствовала тому, что местные крестьяне

были «расположены к грамотности без всяких предубеждений».

В фонде 492 Государственного архива Орловской области мне удалось найти свидетельство, выданное мещанской дочери Анне Додоновой по завершении её обучения в Лавровском двухклассном сельском училище Министерства Народного Просвещения 11 мая 1913 года, в котором есть подпись Почётной блюстительницы Лавровой. Почти 30 лет Мария Александровна содержала это учебное заведение, в основном, на свои средства, - в память о погибшем на войне муже-герое. Судя по найденному мною рисунку, это было приличных размеров деревянное двухэтажное здание, окружённое деревянным же забором.

*Свидетельство об
окончании Лавров-
ского училища*

После революции имение Лавровой было национализировано, и вдове-генеральше пришлось покинуть дорогие ей места и уехать в Петроград, к дочери Елизавете и внуку, известному потом

учёному-востоковеду А.Н.Болдыреву.

Вот как сам Александр Николаевич вспоминал о своём детстве, проведённом с бабушкой-генеральшей: «...Я хорошо помню годы, проведённые мной в селе Кривцово и

в Петербурге, в доме на Загородном проспекте. Бабушка моя, Мария Александровна, была женщина статная и очень красивая, даже уже в пожилом возрасте. В Петербурге бывала только наездами. Кривцово она очень любила: здесь прошли её молодые годы, здесь она пережила гибель мужа, моего

Лаврова Мария Александровна с внуком Александром

деда. Бабушка была хорошей хозяйкой, имение содержала в образцовом порядке. Местные жители к ней относились хорошо. Бабушка всегда откликалась на просьбы местных жителей: то кирпичом, то лесом, то ещё чем помогала кривцовцам, за это они её уважали и добро старались оплатить добром.

А вот с местными властями почти постоянно бывали конфликты. Она укрывала революционеров, их нелегальную литературу и даже оружие. После революции 17-ого года я находился при ней, а в 1918 году мы с бабушкой переехали в Петроград...» (цитирую по книге В.И.Воробьёва «Ваш на земле и за гробом...» - Литературно-краеведческое приложение к Орловской районной газете «Наша жизнь». Орёл, 1994, стр.13 – А. П.)

После переезда в Петроград М.А.Лаврова с внуком и другими родственниками жила в принадлежавшем ей доходном доме по Загородному проспекту, 28. Дом тоже был национализирован после революции, но бывшим хозяевам оставили в нём несколько комнат. В одной из них 13 января 1922 года Мария Александровна Лаврова и скончалась. Похоронили её на Смоленском кладбище северной столицы.

Могила вдовы героя-генерала и активной общественной деятельницы Орловщины, к сожалению, не сохранилась.

Вместе с другими героями

В конце 20 – ых - начале 30-ых годов XX века церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы в Березуе была закрыта и подверглась безжалостному грабежу. Посягнули мародёры и на склеп генерала Лаврова. В результате прах Василия Николаевича был перенесён тогда в другое захоронение – в нескольких десятках метров от церкви.

*Могила Василия Лаврова на
Кривцовском мемориале*

В период Великой Отечественной войны в здешних местах весь 1942 год и первую половину 1943 года шли кровопролитные бои. От многих деревень остались только воспоминания да головешки от домов. Маленькое село Березуи перестало существовать, а вскоре не

осталось ничего и от его Введенской церкви.

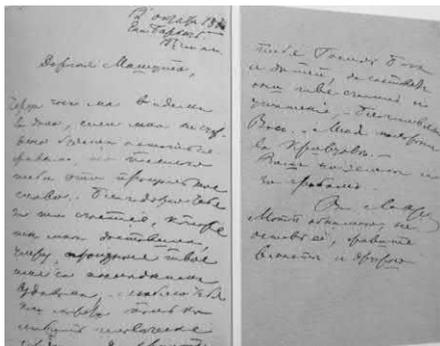
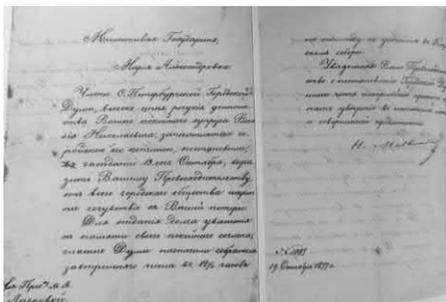
Затерянное в зарослях бурьяна вторичное захоронение генерал-майора Василия Лаврова, благодаря усилиям замечательного болховского журналиста и краеведа Александра Егоровича Венедиктова и орловского архитектора Сергея Ивановича Фёдорова было найдено, и прах героя русско-турецкой войны 7 сентября 1978 года был перенесён в третий раз. Теперь могила Василия Николаевича Лаврова с установленным на ней бюстом работы скульптора В.Н.Басарева и архитектора С.И. Федорова находится рядом с Кривцовским воинским мемориалом. Герой освобождения Болгарии, наконец, нашёл последний покой здесь - рядом с героями Великой Отечественной.

Приложение
Письма генерала Василия Лаврова жене
Из письма №15
(Богот под Плевною, 9 октября 1877 года)

«Давно не писал тебе, моя дорогая и ненаглядная Машута, и всё потому, что блуждали и не были близко от почты...

...Что детки? Часто ли вы вспоминаете о вашем Папульке, - такое желание на вас посмотреть, - прошло два месяца, как мы расстались, а, кажется, прошёл чуть ли не год - я ожидаю, что Коля и Лялинька напишут мне несколько слов. - До нас теперь доносятся выстрелы, вчера была сильная пальба, это румыны атаковали 2-ой Гривицкий редут, взяли его, но потом должны были отдать туркам. - Впереди нас в двух верстах стоит Скобелев, со своей храброй дивизией. - В моём хозяйстве расстройство - один из старых коней оканчивает своё существование, он не вынес всех трудностей походных и лежит, едва дыша, - через несколько времени он околеет. Следующее письмо уже и не знаю, откуда буду писать, - сейчас получено известие, может быть, впрочем, и ложное, что Осман-Паша уходит из Плевны, если мы за ним будем гнаться, то нас не скоро остановят. Много и крепко целую вас, мои родные.

Ваш П.»

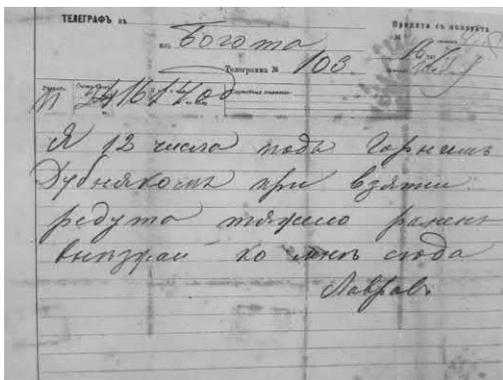

Письмо №16

(12 октября 1877. Ени-Баркач, 12 ½ часа ночи)

«Дорогая Машута!

Через час мы идем в дело, если мне не суждено будет остаться живым, то посылаю тебе это прощальное слово.

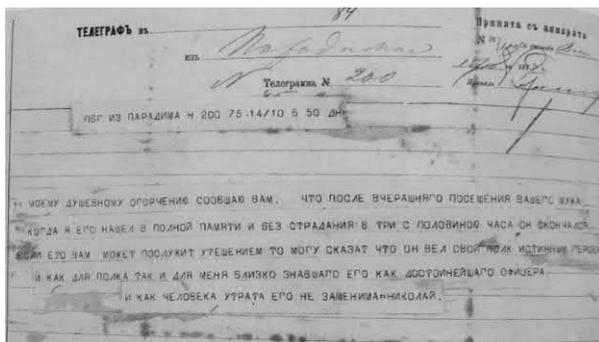
Благодарю тебя за то счастье, которое ты мне доставила, умру, произнеся твое имя с последним вздохом, - люблю тебя, как может только любить человеческое сердце. Да хранит тебя и детей Господь Бог, да составят они твое счастье и утешение.

– Благословляю Вас. Меня похорони в Кривцово.

Ваш на земле и за гробом. Вас. Лавров.

Обнимаю, не оставьте её. Живите вместе и дружно»

(Цитаты по книге В.И.Воробьева «Ваш на земле и за гробом...» - Литературно-краеведческое приложение к Орловской районной газете «Наша жизнь». Орёл, 1994, стр.12-13 – А. П.)

Болдыревы

Так причудливо порой бывает устроена жизнь, что даже в самых изошрённых фантазиях ты сам никогда бы не такого не додумался. Я расскажу тебе, читатель, историю одного семейства, а выводы насчёт выкрутас судьбы-индейки будут уже за тобой.

Два Василия: генерал и поручик

Итак, поручик Василий Болдырев, выходец из Потомственных Почётных граждан Орловской губернии, назначенный командиром 1-ой роты Лейб-гвардии Финляндского полка, в августе 1877 года отправился вместе со своими боевыми товарищами на фронт очередной русско-турецкой войны.

12 октября состоялось первое и единственное сражение, в котором принимал участие поручик Болдырев. Оно произошло у болгарской деревни Горный Дубняк (Горни-Дубник). Здесь турецкие войска прикрывали подступы к мощной крепости Плевна. Кровавопролитное сражение, длившееся несколько часов, закончилось взятием турецких оборонительных позиций. Однако русские войска понесло большие потери: выбыло из строя 127 офицеров и 3406 нижних чинов.

*Болдырев Василий
Ксенофонович*

В том жестоком бою получил смертельное ранение и скончался двое суток спустя командир Лейб-гвардии Финляндского полка, генерал-майор Василий Лавров. Один из

Василий Ксенофонович и Ольга Васильевна Болдыревы с детьми. Стоят слева направо: Николай, Дмитрий. Нижний ряд слева направо: Вася, Лея, Саша, Наташа. 1990 год.

Орловской губернии, где 30 октября 1877 года героя погребли в семейном склепе в церкви села Березуй.

Семья Болдыревых. Сидит второй слева. Н. В. Болдырев. Стоит второй справа Д. В. Болдырев. 1910-е годы.

Поручика Василия Болдырева отправили в госпиталь, и там врачи сумели спасти ему жизнь. Однако служба в войсках для Василия Ксенофоновича с тех пор закончилась. Он, поступив и успешно закончив Военно-юридическую академию, продолжил карьеру уже по правой части: военным судьёй Казанского и Санкт-Петербургского военно-окружных судов.

Первый почётный гражданин Барнаула – орловчанин

В июле 1892 года успешного борца за соблюдением законности (уже в чине полковника) назначили на новое и необычное место – начальником Алтайского горного округа (с центром в городе Барнауле). Восемь лет, проведённых здесь

Болдыревым, стали поистине звёздными и чрезвычайно плодотворными в его карьере.

Василий Ксенофонович сумел наладить жизнь в округе в трудный период его существования, когда один за другим стали закрываться ставшие вдруг убыточными сереброплавильные заводы. Сюда хлынули волны переселенцев, для исследования жизни которых, по инициативе Болдырева, было создано статистическое бюро. Следом появилось Общество любителей исследования Алтая, почётным председателем которого избрали Василия Ксенофоновича.

Особенно велики оказались заслуги генерала Болдырева в деле развития народного образования на Алтае. Он помог преобразовать Барнаульское окружное училище в реальное, способствовал строительству 30 юбилейных школ в переселенческих поселках (*средства на их строительство в связи со 150-летием округа выделил Кабинет Его Величества – А. П.*).

17 марта 1900 г. генерал-майор Болдырев был назначен заведующим земельно-заводским отделом Кабинета и выехал в Петербург. Городская дума присвоила ему звание Почетного гражданина Барнаула (*первого в истории города – А. П.*), его именем назвали улицу. Такой чести не удостоивался ни один из деятелей, служивших на Алтае. Мало того: были учреждены две стипендии его имени для учащихся реального училища, а в июне 1917 г. - третья, для механико-технического училища.

В дополнение к этому, служащие округа собрали по подписке 3639 руб., на проценты с них была учреждена стипендия имени В. К. Болдырева для казенной женской гимназии. В 1901 г. директор реального училища обратился к профессору Академии художеств И. Е. Репину с просьбой поручить одному из своих учеников написать портрет Болдырева, «оказавшего важные услуги училищу». Портрет был написан в том же году художником

Д. Ф. Богословским и вывешен в актовом зале училища. Вот так – ещё при жизни - барнаульцы постарались увековечить заслуги полюбившегося им руководителя края.

Вся дальнейшая жизнь и деятельность В.К.Болдырева оказались связаны с Петербургом, где он и скончался. В газете «Жизнь Алтая» появилось тогда печальное сообщение:

«8 декабря 1916 г. умер генерал-лейтенант Василий Ксенофонтович Болдырев... Период его службы на Алтае ознаменовался усиленной колонизацией края переселенческой волной, статистическими и научными обследованиями экономического и культурного положения населения, природы и почв. Край жил надеждами на близкий культурный расцвет. Ни до, ни после Болдыревского периода Барнаул так не пульсировал общественной жизнью».

Роман генеральских детей

А теперь перейду к семейной жизни генерала-созидателя. Он был счастливо и по любви женат на Ольге Васильевне Немчиновой, от брака с которой родилось семеро детей: четыре сына и три дочери. У всех было достаточно безоблачное детство, жизнь в большой квартире Аничкова дворца на Фонтанке, 31 в Петербурге, учёба в престижных учебных заведениях, а вот после революции всем Болдыревым вдоволь пришлось испытать горечи из чаши испытаний.

*Болдырев Николай
Васильевич*

О судьбе одной из дочерей, Ольги Васильевны, я уже достаточно рассказал в предыдущих очерках: она стала женой Аркадия Дмитриевича Карпова, и ей вместе с мужем (а потом и без него) довелось пройти через тяжёлые дни, месяцы и годы.

В полной мере рассказать обо всех её братьях и сёстрах – трудно: это долгий разговор, достойный целой книги. Но коснуться хотя бы основных моментов жизни братьев и сестёр Болдыревых я попробую. А начну - с Николая Васильевича Болдырева, поскольку его жизнь напрямую связана с Орловщиной, хоть и родился он в Петербурге. Но, наверное, судьба незримо вела его в родные места отца – через судьбу избранницы, Елизаветы Васильевны Лавровой.

Когда, где, при каких обстоятельствах сын действующего придворного генерала познакомился с дочерью героя русско-турецкой войны 1877-1878 годов, мне выяснить не удалось. Известно лишь, что безоглядно влюбившись в замужнюю к этому времени Елизавету (к тому же – старше его на 10 лет), Николай

*Болдырева Е.В. (Лаврова)
с сыном Александром*

Болдырев сумел вдохнуть те же чувства в ответившую ему взаимностью красавицу, чей портрет в 1890 году написал знаменитый Илья Репин. Елизавета Васильевна (в то время – Попова) занималась литературной деятельностью и сотрудничала – в качестве переводчицы - с известным журналом «Детский отдых». Она расторгла свой брак с первым мужем и в 1905 году стала женой Николая Васильевича Болдырева, выпускника юридического факультета Императорского Петербургского университета.

Поскольку мать Елизаветы Васильевны, Мария Александровна Лаврова, вплоть до революционных событий 1917 года, проживала в своём болховском имении Кривцово, то молодожёны, возможно, скрываясь от светских пересудов, переселились на некоторое время на Орловщину.

Здесь скромному чиновнику, коллежскому секретарю (Хчин в «Табели о рангах»), Николаю Васильевичу Болдыреву, удалось занять должность начальника станции Куракино на Московско-Курской железной дороге. Ну а поскольку значительную часть времени супруги Болдыревы проводили у любимой тещи, в Кривцово, то Болховское уездное земское собрание, испытывая острый дефицит в знатоках-юристах, предложило Николаю Васильевичу стать гласным, и он, после избрания, в течение трёхлетнего срока исправно решал вопросы местного значения.

За несколько лет до революционных событий Болдыревы переехали в Петроград, где обосновались на Загородном проспекте, в доме №28. Николай Васильевич стал преподавать на кафедре философии права своего родного университета, заняв должность приват-доцента (внештатного преподавателя). Для души печатал статьи по вопросам образования в «Журнале Министерства народного просвещения».

Умер вовремя

Вскоре после революции, когда кривцовское имение Лавровых было национализировано органами Советской власти, вдова генерала Лаврова переехала в Питер, где поселилась в своём доме на Загородном проспекте, 28. Правда, жизнь Марии Александровны из-за последних переживаний и обострившихся болезней вскоре оборвалась. И это несчастье не стало последним в семействе Болдыревых.

За сотрудничество с Колчаком был арестован и посажен в тюрьму самый младший из братьев – Дмитрий.

*Болдырев Александр
Николаевич*

Просидев в ожидании суда несколько недель, он скончался от тифа. За тремя остальными братьями, преподававшими в советских высших учебных заведениях, началась слежка.

Николай Васильевич Болдырев был вынужден покинуть кафедру в Университете. Зарабатывая на хлеб, он занимал невысокие должности в различных учреждениях. Умер от тяжёлой болезни 25 сентября 1929 года, не дожив и до 50 лет. По воспоминаниям его единственного сына, Александра Николаевича, на следующий день после смерти отца в их дом пришли работники ОГПУ. У них был ордер на арест и обыск, но по причине печальных событий (ведь и среди чекистов тех лет встречались нормальные люди), никаких репрессий в отношении семьи Болдыревых они производить не стали. Можно сказать, повезло: вовремя умер глава семейства. После него осталось два до сих пор неопубликованных сочинения – «Формальный метод» и «Правда о большевистской России – голос из гроба».

Одну из цитат философа Болдырева (для кого-то, наверняка, - спорную) я здесь приведу: *«Все эти Грузинские республики, Кубани, независимые Украины, Азербайджаны, Тавриш, Сибоблдумы и рады – загнивающие лужицы, оставшиеся после революционной стихии. Будучи разложением народного тела, они, естественно, не имеют под собой никакой опоры в народе. Личное честолюбие – единственный газ, которым они надуваются. Поэтому они не более прочны, чем мыльный пузырь, хотя и переливаются радугой всяких пышных титулов и одежды».*

Вдова Николая Васильевича, Елизавета Васильевна Болдырева (Лаврова) умерла во время блокады Ленинграда, в 1942 году. Единствен-

*Болдырев Александр Николаевич
на фоне Невки*

ный их сын и внук двух русских генералов, Александр Николаевич Болдырев, стал известнейшим советским учёным-востоковедом, профессором, преподававшим, как ты, читатель, догадываешься, в том же Университете (только под названием «Ленинградский»).

Во время блокады Ленинграда он вёл подробный дневник, который в 1998 году был опубликован и является ценнейшим документальным свидетельством того, как жилось ленинградцам 900 страшных дней и ночей. «Осадная запись»

Болдырев Н.В. с сыном Александром

(таково название изданной книги – А. П.) полна не только детальными описаниями страданий и борьбы ленинградцев, но и тончайших психологических наблюдений за переживаниями умирающего с голоду, а затем терзающегося недоеданием человека, обремененного бесконечными заботами о семье. В дневнике упоминаются деятели науки и культуры тех лет, рассказывается о героических усилиях по сохранению сокровищ Эрмитажа, Публичной библиотеки, рукописных собраний Азиатского Музея и Пушкинского Дома,

хранителем которых служил А.Н.Болдырев и его товарищи. Интересен и язык записей - лаконичный, высокоинтеллектуальный, изобилующий яркими образами и меткими новыми словообразованиями, отличающийся юмором и блестящим повествовательным стилем. К сожалению, сам автор не увидел вышедшей в свет книги. Александр Николаевич Болдырев скончался в 1993 году, и похоронили доктора филологических наук на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга.

«Рыцарь Святого Креста»

Так назвала небольшую книгу воспоминаний о своём брате Дмитрие Анна Васильевна Казакова (Болдырева). Издание увидело свет в китайском Харбине в 1935 году, спустя 15 лет после скоропостижной кончины Дмитрия Васильевича Болдырева.

Русский философ и публицист, развивавший идеи известных философов Лосского и Франка о единстве субъекта и объекта, он родился в 1885 году в Санкт-Петербурге. Окончив в 1903 году Первый кадетский корпус, поступил в 1905 году в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет, но завершил обучение в нём в 1912 году по историко-филологическому факультету. Стажировался в Германии, в Гейдельбергском и Марбургском университетах.

По окончании учёбы был оставлен на кафедре философии и с этого же года начал заниматься педагогической деятельностью, преподавая историю, русский язык и философские предметы в средних учебных заведениях в Петрограде. С 1916 года Дмитрий Болдырев состоял преподавателем по кафедре филологии на Петроградских высших женских курсах. С 1917 года преподавал историю в Первом Кадетском корпусе, поступив одновременно на службу в книжную палату. В том же 1917 году, вместе с несколькими другими философами, основал в Петрограде «Братство Святой Софии» (что-то вроде философского кружка или общества).

Представив в сентябре 1918 года две своих работы («Со-зерцание у Платона» и «Понятие психического») на историко-филологический факультет Пермского университета, Дмитрий Болдырев в ноябре 1918 года был назначен там же преподавателем по кафедре филологии. Кроме того, читал ещё и курс «Философское введение в психологию».

С приходом к власти в Сибири Колчака в 1919 году Дмитрий Болдырев был назначен директором пресс-бюро Русского бюро печати при его правительстве. Был активным борцом с большевиками (*в основном, словом, хотя сумел организовать также несколько так называемых «дружин Святого Креста» общей численностью около 6 тысяч человек – А. П.*). После разгрома войск Колчака был арестован вместе с ним. Содержался Дмитрий Болдырев в Иркутской тюрьме, в которой и скончался от сыпного тифа 12 мая 1920 года.

После его смерти, кроме нескольких философских статей, опубликованных в журналах «Русская свобода» и «Русская мысль» в 1915-1917 годах, осталось единственное крупное и незавершенное сочинение - «Знание и бытие». Оно было издано отдельной книгой в Харбине, опять-таки, усилиями младшей сестры – Анны Васильевны Казаковой (Болдыревой).

Жена Дмитрия Васильевича, Евгения Арефьевна Болдырева, выпускница физико-математического отделения Платоновского института в Санкт-Петербурге, с малолетним сыном Василием эмигрировала в 1920 году в Китай. Работала в центральной библиотеке КВЖД (город Харбин), подготовила к печати и выпустила несколько книг своего мужа («Огненная купель», «Школа Св.Софии» и другие). Спустя четверть века Евгения Арефьевна и Василий Дмитриевич Болдыревы возвратились на родину. Жили в Кемерово, где в начале 60-ых годов XX века и

умерла Е.Ф.Болдырева. О судьбе её сына Василия Дмитриевича Болдырева сведений нет.

Из Ленинграда – на Соловки – и обратно

Третий из братьев Болдыревых, Александр Васильевич, родился в 1886 году, закончил Санкт-Петербургский университет, в котором впоследствии преподавал (филолог-античник, доцент кафедры классической филологии). Знал несколько европейских и античные языки, написал популярный и до сих пор учебник латыни (совместно с Я.Боровским).

В 20-ые годы он стал организатором и активным членом литературного кружка АБДЕМ (*название – от первых букв фамилий членов, и только у Александра Болдырева были взяты сразу две буквы – А и Б.*). Молодые литераторы занимались переводами известных античных произведений, успели общими усилиями перевести романы Ахилла Татия и Гелиодора.

Но в 1928 году Александр Васильевич был арестован и обвинён в антисоветской деятельности (ст. 58 – 11 УК РСФСР) как раз за участие в деятельности кружка АБДЕМ. И практически одновременно он оказался в числе обвиняемых по другому следственному делу – «подпольной контрреволюционной организации правой интеллигенции под названием «Воскресенье». Оба решения выносились в 1929 году. По второму следственному делу №108 Александра Васильевича, вместе с ещё 62 обвиняемыми, приговорили в трёхлетней ссылке в отдалённые районы СССР. В обвинительном заключении была дана короткая характеристика Болдырева Александра Васильевича:

«32 года, бывший дворянин г.Ленинграда (отец был генералом, прикомандированным при Министерстве двора), окончил Университет, преподаватель греческого и немецкого языков Университета, женат, кроме этой организации состоял членом еще одной антисоветской группировки, воз-

главлявшейся бывшим адъютантом Керенского, не судился, по убеждениям монархист, проживает - Загородный пр. д.28, кв.14».

Но приговор по кружку АБДЕМа для него оказался суровее: 5 лет концлагеря. Естественно, Болдырев их и получил. Однако знатоку языков очень повезло: только два года он провёл на Соловках, оставшийся срок отбывал уже просто как ссыльный в городе Котласе. Мало того, после освобождения ему разрешили вернуться в Ленинград и работать в родном университете, на кафедре классической филологии, одним из основателей которой он являлся.

В 1937 году последовал ещё один арест – и опять освободили, всё-таки, судьба благоволила любителю античности. Александр Васильевич за несколько лет, остававшихся до начала войны, успел сделать несколько переводов из Платона и других античных авторов, перевёл также с немецкого «Удивительную историю Петера Шлемиля», сказку франко-немецкого писателя и естествоиспытателя Адельберта фон Шамиссо (книга была издана в Ленинграде в 1936 году). К сожалению, первый год блокады Ленинграда стал последним годом жизни Александра Васильевича Болдырева.

И несколько слов о его семье. Александр Васильевич был женат на Марианне Фёдоровне Граменицкой, известной пианистке Мариинского театра (*семьи Болдыревых и Граменицких жили в одном доме №28 по Загородному проспекту – А. П.*). Когда Болдырев сидел в страшном Соловецком концлагере, Марианна Фёдоровна всеми силами вытаскивала его оттуда. Она ездила на Соловки на свидание к мужу с маленькой дочкой Соней (*она – 1929 года рождения – А.П.*). После прибытия на острова им ответили, что связаться с Александром Васильевичем нет никакой возможности. Но недалеко стояла баржа, и прибежавший откуда-то запыхавшийся человек прокричал в её сторону, что если там Болдырев, срочно верните его на берег, поскольку

нужен переводчик с латинского. С баржи ответили что есть, и вернули его. Как потом оказалось, именно эта баржа, загруженная заключёнными, была затоплена в море. Так Болдырев остался жив. Эту судьбоносную историю рассказала уже повзрослевшей дочери Софье Марианна Фёдоровна.

Софья Александровна Болдырева (*Маретина - в замужестве - А. П.*), продолжая семейную традицию, стала известным учёным, доктором исторических наук, этнографом, специалистом по этнографии народов Северной Индии и Андаманских островов. Совсем недавно Софья Александровна, к сожалению, ушла из жизни.

«Болдырев – неподражаем...»

Единственным «технарём» из всех братьев Болдыревых стал самый младший – Василий Васильевич. Может быть, сыграло роль то обстоятельство, что он родился в паре с сестрой - «близняшкой», Ольгой Васильевной (Карповой). Случилось это знаменательное событие в Санкт-Петербурге 20 февраля 1891 года. Но образование младшенький получил в том же Санкт-Петербургском университете, на математическом факультете.

В годы гражданской войны некоторое время Василий Васильевич преподавал в Пермском университете. Ольга Васильевна Карпова всю свою жизнь помнила и благодарила брата, который её буквально спас в начале 30-ых годов, после ареста мужа. Василий Васильевич работал тогда уже в Ленинграде, преподавал высшую математику в Институте инженеров железнодорожного транспорта, в который он устроил и сестру. Пусть просто лаборантом – но ведь она была «женой врага народа», и брат-близнец сильно рисковал собственной репутацией и даже свободой. Но не побоялся – и обошлось: сестра и племянница получили тогда средства к существованию.

Как и многие ленинградцы, математик Болдырев оказался в блокадном городе, выжил страшной зимой 1941-1942 года и в апреле 1942-ого был эвакуирован с Военно-механическим институтом на Северный Кавказ. Готовясь к отъезду и зная сроки, он, опять-таки, умудрился помочь любимой сестричке Ольге, договорившись о её эвакуации с его институтом (*вместо уже выписанной лаборанту Карповой спецкомандировки в районы Новосибирска с ЛИИЖТом – А. П.*).

Сестру он, в очередной раз, выручил, но собственное здоровье Василия Васильевича уже было непоправимо подорвано, и в мае 1942 года, в Пятигорске, математик Болдырев скоропостижно скончался, едва перейдя 50-летний рубеж. Женат он не был, и весь его немудрящий скарб передали сестре, Ольге Васильевне Карповой, которая присутствовала при последних минутах жизни благороднейшего человека.

Об одном из братьев (не буду говорить, о ком именно) один из его близких друзей сочинил экспромт-двустиишие:

«Все мы прекрасно знаем,
Что Болдырев неподражаем!».

Эти слова с чистой совестью можно отнести к каждому из четверых – Николаю, Дмитрию, Александру и Василию Васильевичам – чистым, искренним, принципиальным личностям, которые никогда не забывали о своих близких и по мере сил и возможностей помогали друг другу.

От Прибалтики – до Китая и Австралии

О Наталье Васильевне Болдыревой (Секавиной в замужестве) могу сказать одно: верная, любящая жена и хозяйка. Её муж, Александр Николаевич Секавин был довольно известным человеком, юристом. В 20-ые годы, в Сухуми, при меньшевиках, он работал в судебных органах, вынес несколько приговоров большевикам. Потом жил в Сочи, откуда в 1927 году был выслан в Краснокошайск (*современная Йошкар-Ола – А. П.*). Отбив ссылку, сумел даже сде-

лать скромную карьеру там же, став начальником отдела в Марийском облпотребсоюзе. Но в 1938 году был арестован и 10 октября приговорён к расстрелу как враг народа.

Наталья Васильевна Секавина, пока муж отбывал ссылку, с маленьким сыном Дмитрием приехала к нему добровольно, как декабристка. А когда Александра Секавина в 1938 году расстреляли, то начались скитания «жены врага народа».

Правда, сын, Дмитрий Александрович Секавин (он – 1919 года рождения), сумел выбиться в люди, получил высшее образование (*закончил ветеринарный институт*). С началом войны ушёл в армию, служил начальником химической службы в 126 гаубичном артполку 44 гвардейской стрелковой дивизии в звании гвардии лейтенанта, с боями дошёл до Польши, заслужив медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды.

После Победы Дмитрий Секавин нашёл свою маму, Наталью Васильевну, в эстонском городке Раквере. Дмитрий Александрович решил и сам «бросить якорь» здесь же. Работал вначале на мебельной фабрике. Когда узнал о неустроенности своих родственников Карповых, то пригласил их на жительство в Эстонию. По словам Аркадия Николаевича Карпова, Дмитрий Александрович Секавин стал ему вместо родного отца.

*Болдыревы Анна и
Наталья Васильевны*

*Болдыревы Николай
Васильевич и Наталья
Васильевна*

*Секавина Наталья
Васильевна*

с сестрой, Ольгой Васильевной Карповой, упокоившейся одиннадцатью годами ранее. Когда после 1991 года слава пе-

*Секавин Дмитрий
Александрович*

После ухода с мебельной фабрики фронтовик много лет проработал по основной своей специальности - зоотехником в колхозе «Вяйке-Маарья».

В последние годы Дмитрий Александрович был председателем общества ветеранов агро-промышленного объединения «Пандивере» (в прошлом – колхоза «Вяйке-Маарья»).

Когда Наталья Васильевна Секавина в 1976 году умерла, то сын похоронил её на местном ракверском кладбище, рядом с сестрой, Ольгой Васильевной Карповой, упокоившейся одиннадцатью годами ранее. Когда после 1991 года слава перешла к другим «героям», носившим во Вторую Мировую войну форму СС, капитан в отставке Секавин сильно переживал, что в одночасье стал оккупантом, как и все другие русскоязычные жители Эстонии.

Что касается Анны Васильевны Казаковой (Болдыревой), написавшей книгу воспоминаний о брате Дмитрие, то её могила – в австралийском Сиднее, куда она с мужем Леонидом Казаковым эмигрировала из Харбина в 1939 году. Вскоре (27 ноября того же года) в газете «The Sydney Morning Herald» была опубли-

кована большая статья о супругах Казаковых и помещена их фотография. Известный австралийский художник Том Олбан написал портрет «Капитан Казаков». Эта и ещё несколько картин Олбана стали призёрами художественной выставки в Сиднее. Однако, к сожалению, в вышедшем совсем недавно четырёхтомнике «Русская иммиграция в Австралии» сведений о Казаковых нет.

Леонид Аркадьевич Казаков, уроженец города Николаева и выпускник Николаевского кавалерийского училища (Санкт-Петербург) стал создателем первой австралийской школы по дрессуре лошадей. Он и умер в 1966 году на своей небольшой конюшне Kia Ora возле любимой лошади. Спустя три года, 8 мая 1969 года, ушла в мир иной его верная жена Анна Васильевна Казакова (Болдырева). Вечный покой супруги нашли на русском православном кладбище Rookwood в Сиднее.

P.S. Как ни удивительно и ни печально, но в первой декаде декабря 2014 года это кладбище попало в сводки мировых новостей, поскольку именно на нём, в ночь с 8 на 9 декабря неизвестными вандалами оказались разрушены 76 надгробий и множество крестов на русских и сербских могилах. Местные журналисты подчеркнули странное совпадение, что произошло это событие как раз за сутки до визита в Австралию украинского президента Петра Порошенко. Таковы вот гримасы современной политики. До могил русских эмигрантов докатилась волна событий на Украине – через моря и океаны... Кто знает, может, и могила Казаковых попала в число пострадавших?

Спустя несколько дней ТАСС передало, что Забайкальское казачье войско, по словам его атамана Геннадия Чу-

Могила Анны и Леонида Казаковых на кладбище Руквуд в Сиднее

пина, готово оказать содействие в восстановлении православных могил. Православные своих в беде не бросают...

Приложения

**Письмо Николая Васильевича Болдырева
Евгении Арефьевне Болдыревой (вдове его брата
Дмитрия)
(письмо адресовано в Харбин)**

28 мая 1921 год.

Дорогая Женя, мы все были очень рады Вашему письму ко мне, ведь письмо из Харбина - это целое событие. Письма же, которые Вы писали мне в Саратов летом, я совсем не получил; но получил Ваши письма С.Л.Франк (*Семён Людвигович Франк, профессор философии, - А. П.*). Надо перетерпеть злую разлуку и лишения, ведь у Вас прекрасная задача в жизни; воспитать и вырастить Василька, чтобы он был похож на его папу. Только бы нам соединиться, дожить до встречи. Пусть душа Ваша будет покойна и уверена. Мар.Дм. сама напишет Вам и сообщит всё, что знает о Ваших друзьях. О смерти Мити я знаю очень мало. Напишите в Пермь профессору Александру Иосафатовичу Коссовскому (*А.И.Коссовский (1886-?) - ученый, славист, - А. П.*), напишите на университет, он был при Митином конце, он хоронил его и вообще, больше других сделал для Мити. Встречаюсь со многими, кто знал и видел Митю, у всех о нём светлая память. Виделся с Горовцевым, (*Горовцев Александр Михайлович - (1878-27.10.1933) - правовед, издатель - А. П.*), он среди других присутствовал на похоронах и указывал, где

*Болдырева Евгения
Арефьевна*

и как найти могилу Мити. Митя похоронен на кладбище военного госпиталя в Знаменском предместье. На могиле крест с именем. Вещи, бывшие на нём, обручальное кольцо, письма Ваши с Васильком, фотографии и открытки, по сведениям, дошедшим до меня, находятся у Коссовского; я писал ему несколько раз, но не получил ответа. Напишите на счастье, Вы. По словам одного санитаря, Митя молился перед смертью Богородице, прося сохранить его для сына, жены и неоконченного труда, (*«Знание и бытиё»*, книга издана вдовой, *Евгенией Арефьевной, в Харбине в 1935 году - А. П.*), говорил, что молод и хочет жить. Оперировал его доктор Черниевский. Умирал он, истощённый болезнями и частыми операциями, перед кончиной впал в длительное забытьё, и только стал молиться перед самым концом. Боже, как всё мучительно и как свято всё, что связано с ним.

Женя, нужно жить, ведь у Вас есть живое наследие его, Василёк. После страшных испытаний мы будем ближе друг с другом и всё только, что есть у нас, будет Ваше и Василька.

Целую Вас и Лёля целует (Лёля - уменьшительное домашнее имя, Ольга Васильевна Болдырева - Карпова, родная сестра автора письма, Николая Васильевича Болдырева, - А. П.), её жизнь полна усталости и тяготы. Но все крепимся.

Коля.

Писал маме (мама - Ольга Васильевна Болдырева (Немчинова) - А. П.) по адресу, Садовая 8.

*Письмо Николая Васильевича Болдырева
Евгении Арефьевне Болдыревой (вдове его брата
Дмитрия)
(письмо адресовано в Харбин)*

1 августа 1921 года. г.Саратов.

Дорогая сестра Женя!

Может, мне первому суждено открыть Вам страшную правду о смерти Мити. Пусть он живёт для нас в Васильке, в сыне Вашем. Черпайте силы для дальнейшей жизни. Сейчас, скажу Вам только, что семья наша духовно неразрывна, и Вы в ней родной человек навсегда. Всё наше принадлежит Вам и Васильку, и наш священный долг чести, долг перед святой памятью Мити, быть для Вас и его сына родными и своими людьми. Дай Бог жизни увидеться с Вами.

Ваш брат Коля.

(из семейного архива Карповых)

Орловский банкир Владимир Татищев

После полудня 15 июля 1892 года в просторный дом графа Владимира Сергеевича Татищева, что уютно расположился чуть в стороне от болховского села Воиново, на правом берегу речки Орс, начали съезжаться гости. У хозяина имения и его жены, красавицы Александры (в девичестве – Володимеровой) повод был более чем подходящий: утром во Введенском храме соседнего села Коноплянки состоялось крещение младенца Наталии – уже третьего ребёнка у молодых супругов.

Званный обед в Воиново

Появилась на свет дочка ещё 22 июня, но из-за разного рода проблем с отъездами-перездами таинство крещения пришлось перенести аж на три недели. Но – слава Богу – всё осталось позади. И потому радостные Татищевы сами встречали гостей у ворот усадьбы.

Первыми, как и положено, приехали восприемники (крестные), благо, они же и близкие родственники – штаб-ротмистр Николай Григорьевич Мещеринов (шурин, муж Серафимы Сергеевны, родной сестры Владимира Татищева), и Юлия Александровна Володимерова, сестра супруги хозяина. Потом пожаловали Апухтины, Лавровы и другие соседи-помещики.

Обед по случаю такого события был дан графом знатный, хотя и постный. И до застолья, и после него все поздравляли супругов Татищевых с праздничным событием, вручали подарки для

*Татищев Владимир
Сергеевич*

младенца Наталии, желали ей здоровья и Божьего благоговения.

За столом и по завершении обеда гости интересовались, правда ли, что граф покидает Орловщину, землевладельцы которой успели оценить деловые качества коллежского секретаря Владимира Татищева, уже три года исполнявшего обязанности депутата Болховского уездного дворянства. Здешние помещики вначале по-разному отнеслись к факту переезда из Москвы в своё имение Воиново потомка (пусть и дальнего) известного русского историка и географа Василия Татищева.

Из кавалерийского училища – на «гражданку»

Многим казалось, что это чистой воды блажь, поскольку сыну действительного статского советника (то есть, генерал-майора на гражданской службе – А. П.) и генеральской дочери не составило бы труда устроиться на «тёплое местечко» в одной из столиц. Однако болховские чиновники быстро выяснили, что Владимир Сергеевич Татищев – не из тех, кто ищет удобства. Он, к примеру, мог легко устроиться на учёбу в привилегированный Пажеский корпус, во главе которого стоял дед его матери, генерал от инфантерии Владимир Желтухин. Но Татищев выбрал другую дорогу и поступил в Николаевское кавалерийское училище, откуда, впрочем, выпустился не в войска, а на гражданскую службу – по 1-ому разряду, в чине губернского секретаря (12-ая ступенька в «Табели о рангах» - А. П.).

Служил Владимир Сергеевич в Департаменте Уделов, был помощником делопроизводителя Санкт-Петербургской военной конторы, женился в феврале 1886 года, родил сына Николая, а в 1889 году вдруг переехал в Воиново, где появились на свет одна за другой две дочери. И вот теперь, по слухам, Татищев уезжает на край империи – то ли в Царство Польское, то ли к «полехам».

Владимир Сергеевич не стал уклоняться от ответа и признался, что Минское уездное дворянство избрало его своим предводителем. Он считает это большой честью (ему ведь 27 лет от роду!) и потому уже через два дня отправляется к новому месту службы. И этот обед по случаю крещения дочки – как бы и прощальное застолье, на котором он хочет всех коллег и соседей поблагодарить за понимание и дружбу.

Вот так и тогда – у нас, на Орловщине, начиналась блестящая и стремительная карьера человека, которого посчитали потом одним из выдающихся финансистов России.

Три года Владимир Сергеевич прослужил в Минске – уездным предводителем дворянства, председателем местных уездных, по крестьянским делам и по воинской повинности присутствий и членом правления Минского отделения Крестьянского земельного банка.

В 1895 году Татищев – уже чиновник особых поручений Министра внутренних дел, а ещё через три года он становится заведующим особым делом производством Хозяйственного Департамента МВД. В 1899 году Владимир Сергеевич получает от императора первый орден – Святого Станислава 3-ей степени.

И, наконец, с конца 1908 года начинается пик карьеры орловского дворянина Владимира Татищева, правда, проходил он уже со второй женой, поскольку с Александрой Александровной Володимеровой (Татищевой) граф развёлся, увлёкшись иностранкой Маргарет Чартрон.

Финансовый гений России

13 декабря 1908 года император Николай II санкционировал учреждение Соединённого банка, созданного на основе трёх почти обанкротившихся (уже несостоятельных) банков: Южно-Русского промышленного, Московского международного и – ты удивишься, читатель, – Орловского коммерческого. Эти банки на общем собрании приняли решение об объединении (на основе устава Южно-Русско-

го промышленного), а председателем правления и директором-распорядителем Соединённого банка стал Владимир Сергеевич Татищев.

Дальнейшие события показали, что этот выбор (акционеров и императора) был правильным, хотя начинать новому руководителю пришлось в очень нелёгких условиях: общий уставной капитал трёх слившихся банков сократился с 20 до 7,5 миллионов рублей. Но Владимир Сергеевич сумел в 1910 году привлечь в качестве нового акционера банка французский *Banque de L'Union Parisienne*, результатом чего стало увеличение основного капитала Соединённого банка до 15 миллионов рублей. А к 1917 году (за 8 лет) этот капитал составлял уже 40 миллионов.

Основным направлением деятельности Соединённого банка было финансирование промышленности. Банк имел 92 отделения, 3 из которых располагались за границей. По объёму операций он занимал 9-е место в России среди частных финансовых учреждений. Правление размещалось в собственном здании в Москве на углу Кузнецкого Моста и Рождественки.

Владимир Сергеевич Татищев, кроме того, что успешно руководил Соединённым банком, стоял во главе правлений: Московского общества подъездных путей, Общества производства и торговли резиновыми изделиями «Богатырь», Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии, Московского домовладельческого и строительного общества, Московского лесопромышленного товарищества. Он также был директором Русского страхового общества и членом правления Санкт-Петербургского общества электрических сооружений. Всё это большое хозяйство требовало немалых физических и умственных усилий, но граф Татищев умудрялся успевать везде, а его блестящие аналитические способности финансиста в большинстве случаев вели к успеху руководимые им банки и общества.

Владимир Сергеевич стал одним из богатейших людей России, что не мешало ему выступать против казнокрадства и алчности некоторых приближённых к царскому двору проходимцев. Одним из таких был Иван Манасевич-Мануйлов из окружения Григория Распутина. Он настолько уверовал в свою безнаказанность, что почти открыто требовал взятки со всех банков и банкиров – за, якобы, позволение им той или иной деятельности.

В 1916 году Татищев, согласовав свои действия с министром внутренних дел Александром Хвостовым, выдал Манасевичу-Мануйлову требуемую им взятку помеченными купюрами, что привело к взятию с поличным и аресту последнего. Правда, пострадал и Хвостов, которого конкуренты сместили с министерской должности.

Но авторитет графа Татищева не пострадал, и император Николай II даже рассматривал его кандидатуру на пост премьер-министра. Однако трезвые, пронизательные и честные политики в преддверии революций уже были не востребованы.

Встретились после смерти

Разложение царского окружения дошло до того, что когда в декабре 1916 года дело Манасевича-Мануйлова слушалось в суде с участием присяжных заседателей, оно, по высочайшему повелению, было неожиданно прекращено министром юстиции Добровольским, что явилось небывалым случаем в судебной практике того времени.

С приходом революций и Советской власти карьера графа Татищева на территории России приказала «долго жить». Вначале Соединённый банк, а затем и другие руководимые им финансовые учреждения были национализированы, а Владимиру Сергеевичу пришлось искать другое применение своим способностям.

С конца июня до середины ноября 1918 года Татищев исполнял обязанности министра финансов в Крымском краевом правительстве. В этот период полуостров был оккупирован немцами, и Крым объявил себя автономной областью. Но призрачная независимость быстро закончилась, и Владимир Сергеевич Татищев, не дожидаясь прихода большевиков на Крымский полуостров, решил эмигрировать. Зафрахтовав целый пароход (благо деньги у банкира имелись), граф пригласил на него около сотни своих родственников и знакомых и навсегда покинул Россию.

Финансовой деятельностью за рубежом Владимир Сергеевич Татищев не занимался. Скончался он в 1928 году, во время путешествия по Красному морю, на борту корабля «Дамби». Тело покойного было доставлено во Францию, где его погребли на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Спустя семь лет на это место упокоения прибыл и крёстный отец дочери Татищева Наталии - уже не штаб-ротмистр, а полковник лейб-гвардии Преображенского полка, Николай Григорьевич Мещеринов. Родственники вновь встретились – теперь уже навечно.

Р.С. Кстати, в одном из особняков графа Татищева в Москве (по улице Новокузнецкой, 12-14) в настоящее время размещается посольство Индонезии. Что касается имения в болховском селе Воиново, то от него не осталось и следа.

Цветные кафли Болхова

В начале лета 1970 года в старинный Болхов пожаловали гости, которых в провинциальном городе отродясь не бывало, - сотрудники сектора прикладного искусства Государственного Эрмитажа Ирина Уханова и Галина Комелова. Впрочем, испуг работников отдела культуры Болховского райисполкома скоро прошёл, потому что молодые женщины-учёные оказались очень непритязательными в быту и чрезвычайно коммуникабельными в общении.

Муравленые, ценинные, трёхцветные...

Как оказалось, их интересовало то, на что 25 послевоенных лет никто из болховчан не обращал внимания, - поливные расписные кафели (или кафли, как часто до революции писали и произносили это слово, синоним ему - изразцы – А. П.).

Ирина Николаевна и Галина Николаевна объяснили болховскому культурному начальству, что их маленький город – один из российских центров по изготовлению кафлей – наряду с Москвой, Вологдой, Ярославлем, Великим Устюгом, Калугой и Тулой.

И.Ухановой и Г.Комеловой предстояло за несколько летних недель изучить Болхов и окрестности, чтобы выяснить всё о производстве предмета их научного изучения.

А теперь, прежде чем я перейду к результатам поиска учёных из Эрмитажа, скажу несколько слов для читателей о самих цветных кафлях. Они издавна бытовали на Руси как декоративные архитектурные сооружения (элементы) внутри и снаружи зданий. Зелёные (муравленые), синие (ценинные), трёхцветные (зелёные с белым и жёлтым), они

Образец -1

вкрапливались в белый камень и красный кирпич, украшая экстерьеры. В XVIII веке применение кафлей значительно расширилось, их стали использовать не только при кладке печей, но и для оформления стен и потолков. На одном из старейших сооружений Болхова, Троицкой церкви XVII века, к началу 70-ых годов ещё сохранялись остатки цветных кафлей на краснокирпичных стенах с белокаменной резьбой.

Завод братьев Сапелкиных

Ирина Уханова и Галина Комелова за то время, которое они провели в Болховском районе, сумели выяснить многое. Главным результатом для них и науки стал, несомненно, вывод о существовании в Болхове небольшого, но очень интересного завода по производству кафлей. Точную дату его основания определить не удалось. Однако работники Эрмитажа нашли в городе старожилу, 90-летнего И.И.Тарасова, который многое знал о самих мастерах.

Образец - 2

Иван Иванович рассказал, что кафельным производством в Болхове в конце XIX - начале XX века занимались четыре брата его матери – Василий, Николай, Пётр и Алексей Сапелкины. Они получили в наследство от своего отца – Леонтия Сапелкина – небольшой кафельный завод, который сумели не только сохранить, но и расширить. На пике производства здесь работало более двадцати человек. Для изготовления кафлей использовались местные глины, а технология позволяла получать продукцию очень высокого качества, обладавшую сочными красками, которые не тускнели от времени.

Подтверждение словам старожила учёные дамы из Эрмитажа нашли в доме №74 по улице Октябрьской, где проживала семья Александра Афанасьевича Никифорова. Здесь в центре дома стояла печь, стены которой выходили в три комнаты, радуя взоры хозяина и его гостей яркими рисунками.

На одном из кафлей удалось прочесть надпись, сделанную тёмно-синей краской (кобальтом) по белому фону: «*Завод в Болхове братьев Сапелкиных*». И.Уханова и Г.Комелова составили описание изразцов из дома Никифорова, из которого видно, что болховские кафельщики действительно были искусными мастерами.

Замечательные узорные образцы сапелкинских кафлей были найдены также в доме №54 по улице Тургенева в Болхове. Декоративные рисунки с классическими композициями – ампирные вазоны с букетами роз в окружении цветочных гирлянд и с разнообразными растительными орнаментами – являлись самыми распространёнными на здешних изразцах.

По словам И.Ухановой и Г.Комеловой, болховские кафли отличала гармония цветовых сочетаний с геометрическим и растительным орнаментом. Несомненно, заслуга в этом – талантливого художника И.К.Гаврилова, создававшего печатки для рисунков на изразцах. В 1918 году Иван Константинович стал основателем и первым директором Болховского краеведческого музея.

Кафельный завод братьев Сапелкиных существовал до начала 20-ых годов XX века. Советской властью это замечательное прикладное искусство оказалось не востребовано. О судьбе самих мастеров почти ничего не известно.

Ногами и руками

Но так получилось, что волею случая мне довелось познакомиться с их потомком – внуком одного из братьев, Ви-

*Виталий Сапелкин
у кафельной печи в доме
М.И.Гридиной*

талием Леонтьевичем Сапелкиным, известным орловским архитектором, ныне – ветераном труда. Он-то впервые и поведал мне о своих предках – кафельщиках. К сожалению, самому Виталию Леонтьевичу известно немного, поскольку в советские годы не принято было вспоминать о родственниках-предпринимателях (*тем более, использовавших наёмный труд – А. П.*).

Отец Виталия Леонтьевича, названный в честь основателя завода, редко вспоминал о семейном промысле. Однажды только обмолвился, что дед Василий, младший из братьев, трудился на подсобных работах, готовил глину к обжигу. Процедура была кропотливая и долгая (почти три года). Из глины требовалось удалить известь: наливали в подготовленную массу воду, и несколько человек ногами (в том числе и Василий Сапелкин) начинали её месить до превращения в тестообразное состояние. А потом обработанной массе предстояло отлежаться. Известь при этом

У дома М.И.Гридиной.

«гасилась», теряя вредные для обжига свойства.

Другие братья уже непосредственно занимались подготовкой изразцов. Закладывали глину в формы, а после подсушки расписывали и обливали глазурью. Полуфабрикаты закладывались в печь

и обжигались. Нужно было точно соблюсти температуру, иначе качественные и красивые изразцы не получались, выходил брак.

Краски для своих кафлей братья Сапелкины покупали в Санкт-Петербурге, на заводе по производству фарфора. Продукция братьев пользовалась большой популярностью в Болхове и окрестных сёлах. К сожалению, их произведения в значительной степени пострадали или были уничтожены в годы немецко-фашистской оккупации. Об уцелевших объектах я уже сказал выше.

Остались в истории или поговорим о перспективах?

Для знакомства с кафлями вживую мы с Виталием Леонтьевичем Сапелкиным недавно, по предварительной договорённости, совершили поездку в Болхов, где посетили местный, очень симпатичный краеведческий музей.

Его работники рассказали то небольшое, что знали о кафлях, но главное, - показали нам находящиеся в экспозиции образцы, любезно разрешив их сфотографировать. Чем мы с большим удовольствием и воспользовались.

А во второй наш приезд в Болхов, состоявшийся спустя месяц после первого, нам удалось не только полюбоваться, но и сфотографировать одну из печей, украшенную знаменитыми сапелкинскими кафлями. Печь нашлась в доме Маргариты Ивановны Гридиной, старожилки города и бывшей служительницы Болховского краеведческого музея, порадовавшей и удивившей нас своими рассказами о болховитянах.

Теперь несколько слов о тех женщинах-энтузиастках, которые открыли болховчанам их же искусство. Ирина Николаевна Уханова и Галина Николаевна Комелова после отъезда из наших краёв опубликовали статью о болховских изразцах в XXXVI томе «Сообщений Государственного Эрмитажа», вышедшем в свет в 1973 году. Потом продолжили

заниматься изучением прикладных и народных видов русского искусства, выпустили по несколько книг. Обе они стали главными научными сотрудниками Отдела русской культуры Государственного Эрмитажа, докторами исторических наук. До последнего времени, несмотря на почтенный возраст, продолжали активно заниматься любимым делом.

И в заключение, уважаемый читатель, одна мечта. В последнее время многие хозяева особняков и элитных коттеджей не мыслят своих хором без каминов. Я уверен, что эти уютные хранилища живого огня стали бы ещё симпатичнее, укрась их кафлями «От братьев Сапелкиных». Может быть, найдутся в Болхове или Орловской области продолжатели этого замечательнейшего вида прикладного искусства, которым гордились наши предки?

Священники Иножарские

В советские времена каждому жителю нашей большой страны были хорошо известны Горки Ленинские – те самые, в которых провёл последние годы своей жизни первый руководитель Советского государства и где был создан музей, посвящённый вождю. Но на Орловщине есть и свои Горки, если уж быть точным, то целых пять населённых пунктов в четырёх районах носят это имя.

Преображенский храм села Горки и его настоятель отец Ксенофонт

Я поведу речь о хотынецком селе, уютно расположившемся на автомагистрали Орёл-Брянск, в 47 километрах от областного центра, на самом стыке Урицкого, Хотынецкого и Шаблыкинского районов.

Своё название Горки получили за то, что раскинулось село на возвышенной, среди гор, сухой и безводной местно-

сти. Рядом с населённым пунктом начинается ручей Городец, впадающий вскоре в реку Цон. А с другой стороны села, в трёх километрах к северо-востоку, тихо струится когда-то очень полноводная и рыбная река Лубна, приток Цона. Вот в этом самом живописном и богатом живностью междуречье, на возвышенной его части, и поселились достаточно давно наши первопоселенцы-земляки. Уже в самом конце XVI века в селении (одном из очень немногих тогда) появилась церковь Николая Чудотворца.

С конца XVIII века, в течение всего XIX и начала XX века само село относилось к Карачевскому уезду Орловской губернии, в составе которого числилось ещё 5 приходских деревень: Богатищева, Баздырева, Мояки, Прилепы и Челищева. Три деревни (Кривцова, Телякова и Бунина), чьи прихожане посещали храм села Горки, административно находились в Орловском уезде. Всех прихожан, мужского и женского пола, на начало 1905 года насчитывалось 4680 душ.

К середине XIX века старинная деревянная Никольская церковь села Горки сильно обветшала, и приходской совет принял решение строить новый, каменный, храм. Его возведение началось в 1844 году, и главную роль в этом деле сыграл местный помещик, владелец имения в деревне Маяк (Маяк, Маяки – название варьировалось – А. П.), *Иван Иванович Лоур* (в «*Историческом описании церквей, приходов и монастырей Орловской епархии*», изданном Орловским Церковно-Историческим Археологическим Обществом в 1905 году в Орле, его фамилия написана - «*Лаур*», но это явно неправильно, поскольку и в *Метрических книгах Преображенского храма села Горки*, и в *Алфавитном Указателе Дворянских родов Орловской губернии Иван Иванович и его семейство* значатся как «*Лоур*» - А. П.).

Пока строился новый храм (а процесс длился 18 лет) Иван Иванович Лоур успел вырасти по службе из поручиков до подполковника и выдал замуж свою дочь Елену.

Произошло это важное для благотворителя событие, уже в новой церкви, 12 ноября 1861 года: 17-летняя Елена Лоур стала женой 32-летнего отставного подполковника Стефана Стольниковца, владельца имения в д.Себякиной Кромского уезда. И хотя официально считается, что Преображенский храм был освящён в 1862 году, по всей видимости, церковные службы в одном из трёх его приделов начались с 1856 года, поскольку в сохранившихся за этот период метрических записях бывший Никольский храм села Горки уже с этого момента именуется как храм Преображения Господня.

Конечно, не только Иван Лоур вложил в строительство храма свои сбережения, многие местные помещики его почин поддержали. В их числе – полковники Виктор Николаевич Филатов и Давид Давидович Оберг, штабс-капитан Лейб-гвардии Московского полка Александр Михайлович Нарышкин, Афанасий Александрович Маслов, Николай Алексеевич Пашков, Анна Васильевна Шатохина. Не меньший вклад в строительство храма внесли прихожане из числа государственных и владельческих крестьян окрестных деревень: Алёшины, Богатищевы, Головины, Золотухины, Пилюгины, Тикуноты, Торшины, Тохтамышевы и многие другие.

По сохранившимся описаниям, приходской храм села Горки отличался своим величием. Он имел крестообразную форму. Главный престол был назван в честь Преображения Господня, придел с правой стороны - во имя Святителя и Чудотворца Николая, а с левой – в честь Знамени Пресвятой Богородицы.

Особым почитанием у местных прихожан пользовались храмовые иконы придельных алтарей – икона Знамени Курской Божией Матери и икона Святого Чудотворца Николая.

При храме имелась построенная в 1901 году церковно-приходская школа, каменная, покрытая железом. Исключительным явлением в селе Горки считался совершаемый

в девятую пятницу по Пасхе крестный ход на колодец «*Пониковец*» («*Паниковец*»), в 4-ёх верстах от Горок. Колодец был открыт давно, а образовался естественным способом, из родника, появившегося в поле на открытом, почти совершенно ровном, лишь несколько покатином на восток месте. Крестный ход сюда установили в память явления у этого колодца иконы Знамения Курской Божией Матери. В указанный день в селе Горки собирался к Богослужению весь приход и множество богомольцев из соседних приходов.

После поздней литургии, при торжественном вынесении святых икон и хоругвей, при совершении причтом по пути молебна Знамению Божией Матери, все шли в «*Пониковец*».

Здесь происходило водоосвящение и молебны с акафистом Божией Матери. После молебна все черпали освященную в колодце воду и старались хранить её в течение года, как особенно благодатную и целебную, употребляя её для освящения домов, домашнего движимого и недвижимого инвентаря.

В Преображенском храме, в котором, по числу прихожан, имелось два причта, всегда служили замечательные священники, такие, как, к примеру, Григорий Новиков и Ксенофонт Иножарский.

Ксенофонт Никитич Иножарский, по окончании в 1835 году Орловской духовной семинарии, прослужил в Горках более 20 лет и у своих прихожан пользовался огромным уважением. Он для каждого пришедшего в храм мог найти нужные слова. И даже когда у него самого случилась страшная трагедия – 17 июля 1856 года были «затоплены сильною грозою в воде» сразу два его сына – Павел, 13 лет, и Николай, 10 лет, батюшка сумел не впасть в отчаяние, а продолжил сам утешать других.

Ведь в том, 1856 году, горе пришло не только в дом священника, но и в семьи ещё 40 родителей из приходских

деревень, чьи дети в одночасье скончались от сильнейшей эпидемии оспы.

Священник села Городище Болховского уезда

А теперь - о внуках и правнуках Ксенофонта Никитича Иножарского, батюшки, более 40 лет прослужившего в Преображенском храме села Горки Карачевского уезда Орловской губернии (*ныне – Хотынецкого района Орловской области – А. П.*). Почти вся информация получена мною от потомка этого священнослужителя – жителя Подмосковья Михаила Ивановича Романова, составившего большую семейную хронику.

Григорий Иножарский

Для начала я повторюсь. У Ксенофонта Никитича Иножарского и его жены Параскевы Егоровны родилось шестеро детей, самым младшим из них был Павел, появившийся на свет в селе Горки 4 октября 1858 года. Как и все члены этого семейства, он закончил Орловскую духовную семинарию и стал

священником – с 9 августа 1892 года служил в Христорожественском храме села Городище Болховского уезда Орловской губернии.

У него и его жены Варвары Васильевны (дочери священника) родилось трое сыновей: Григорий, Константин и Алексей. К несчастью, отец Павел, как и очень многие из мужчин рода Иножарских, умер, не дожив до 50 лет – 21

августа 1900 года. Епархиальное начальство не бросило в беде вдову с тремя детьми, которые получили возможность бесплатно учиться в духовных заведениях.

Я поведу речь далее о старшем из сыновей – Григории Павловиче Иножарском и его потомстве. Михаил Иванович Романов прислал мне два снимка, которые ты, читатель, сейчас увидишь. На первом из них – молодой и симпатичный юноша в цивильном пиджаке и рубашке с галстуком. Это – Григорий Иножарский в период его учёбы в Орловской духовной семинарии (*примерно – 1913-1914 годы – А. П.*).

*Отец Григорий и матушка
Лидия Иножарские*

А на второй фотографии – семейная пара: слева, в священническом одеянии, сидит очень молодой батюшка, а рядом стоит ещё более молодая красивая девушка в очках, легко положившая руку на плечо священнослужителю. Это муж и жена Иножарские: Григорий Павлович и Лидия Павловна (*из священнической семьи Введенских – А. П.*). Фото сделано 12 февраля 1916 года, в день хиротонии (*хиротония – это процедура посвящения в диаконы или священники, то есть, в тех служителей Божиих, которые обладают правом совершать церковные таинства и обряды – А. П.*). Отцу Григорию на снимке – чуть больше 20 лет, а матушке Лидии нет даже и 17 (*она родилась 23 марта 1899 года в селе Пятницком Мценского уезда Орловской губернии, но по законам Российской империи девицам дозволялось вступать в брак в 16-летнем возрасте, и потому всё было по канонам, даже церковным – А. П.*).

Григорий Иножарский получил тот же приход, в котором служил его рано скончавшийся родитель, - Христорожде- ственскую церковь села Городища Болховского уезда.

Служение отца Григория выпало на самые страшные для российского православия годы – сразу после револю- ций 1917 года, когда отношение к религии и представите- лям культа со стороны государства и властей было самым неблагоприятным, сначала просто жёстким, а потом – и же- стоким.

Григорий Иножарский свои священнические обязанно- сти исполнял до конца 20-ых годов XX века, а потом ему сообщили о готовящемся аресте. Спасая семью (*а супруга, Лидия Павловна была, к тому же беременна – А. П.*), ба- тюшка решил уехать, но в пути его здоровье не выдержало, и он скоростижно скончался в 1929 году. Именно тогда в селе Городище на свет появилась его самая младшая дочь – Нина.

Воспоминания Нины Иножарской

Она была пятым ребёнком в семье Иножарских, но пер- вая девочка, которую звали тоже Нина, родившаяся в 1917 году, умерла в младенчестве, и – уже по традиции, наверное, самую младшую вновь назвали именем первой.

*Лидия Павловна Иножарская
с дочерьми*

У Нины-младшей были старшие - брат Владимир (1919 года рождения) и сё- стры Александра (1922 года) и Антонина (1924 года). Все они появились свет в селе Го- родище.

А теперь я предоставлю слов Нине Григорьевне Ино- жарской, которая написала на 86-ом году жизни воспомина- ния о своей семье и о себе:

«Нас осталось 4 ребёнка у вдовы, Лидии Павловны, в возрасте 27 лет. Старшему, Владимиру, было 10 лет.

Все дети Григория Павловича Иножарского, несмотря на трудные обстоятельства жизни, учились, а затем работали честно и добросовестно, каждый на своём месте, которое каждому было определено судьбой...».

Владимир Григорьевич перед войной учился в Орловском педагогическом институте и «в начале войны был эвакуирован в Сибирь вместе с институтом, учился в городе Бийск. Во время войны у нас с ним была прервана связь. После окончания института, а возможно, и досрочно он был призван в армию. На фронте получил ранение и был освобождён от дальнейшей службы по инвалидности... Работал в городе Сталинске (ныне – Новокузнецк) Кемеровской области. Он преподавал математику в Металлургическом институте, был заведующим учебной части в средней мужской школе и в этой же школе преподавал математику... После окончания войны прожил всего лишь 9 лет. Умер в возрасте 34 года от сердечного заболевания (следствие ранения)...

Александра Григорьевна и Антонина Григорьевна учились в педагогическом училище в городе Болхове. Антонина всю жизнь работала в школе, обучая детей начальных классов, в последние годы – в городе Королёв Московской области.

Александра Григорьевна работала воспитательницей в детских садах, последнее место работы – город Рыбинск Ярославской области.

Я, Нина Григорьевна, закончила среднюю школу в городе Сталинске (ныне – Новокузнецк Кемеровской области) с золотой медалью, потом – МГУ имени Ломоносова (1955 год, кафедра гидрогеологии и инженерной геологии). Всю свою трудовую жизнь работала по специальности в проектных и научно-исследовательских институтах. В 1973 году за-

щитила диссертацию и стала кандидатом геолого-минералогических наук...».

Мешок заплесневевшей чечевицы и картофельные очистки

А потом в своих воспоминаниях Нина Григорьевна возвращается к довоенным и военным годам:

«В 1932 году маму, Лидию Павловну Иножарскую, направили работать учительницей в начальную школу в деревню Наседкино Болховского района (в 10 километрах на юго-восток от Болхова, по дороге на Орёл – А. П.). Поселили нас в полуразрушенном доме, только одни стены, где было холодно, голодно, пусто. Все мы были истощены до предела. Для поддержания жизни нам из колхоза привезли мешок заплесневевшей чечевицы и мешок картошки.

Очистки от картошки Варвара Васильевна Иножарская (наша бабушка по отцовской линии) сушила на печке, чтобы их растолочь и добавить в муку для выпечки хлеба. Я помню, как я с бабушкой сидела на печи и грызла эти очистки.

Весной стало легче, на огороде орловские чернозёмы давали прекрасные овощи, плоды, целебные травы. Постепенно всё улучшилось. Все мы учились и надеялись, что всё так и будет...».

Фронтальной госпиталь №1094

А потом началась война. В 1941-1943 годах «Орловская область была оккупирована немцами. Отступая, они уничтожали, сжигали, разрушали всё, что могли... Опять наступило тяжёлое время – восстанавливать, работать для фронта и помогать фронту...».

В августе 1944 года Лидия Павловна Иножарская и все три дочери (включая 15-летнюю Нину) добровольно поступили на работу санитарками во фронтальную госпиталь №1094, где прослужили до начала декабря 1945 года, а по-

том ещё четыре месяца исполняли обязанности санитарок в воинской части №24324.

Снова слово Нине Григорьевне Иножарской:

«Фронтowej гостепиталь №1094 следовал за линией фронта. После оказания первой помощи на полях сражений раненых привозили в гостепиталь для оказания врачебной медицинской помощи. Врачи и помощники врачей, медсестры и санитарки, работали и днём, и ночью.

Кровь, страдания раненых солдат, их лица остались у меня в памяти на всю жизнь. Помню, как подходила к раненым, по их зову, сестричка, совсем юная девочка, не намного старше меня. Несмотря на тяжёлые ранения, глядя на меня, они начинали улыбаться. Видимо, каждый из них в этот момент вспоминал своих близких, любимых девушек, жён, детей. Теперь я понимаю, что их улыбка для меня была тогда наградой за то, хотя бы на миг я возвращала их чувства и память к жизни в мирное время.

Не задерживаясь долго на одном месте, мы продвигались далее по пути, ведущему к Победе. Медицинский персонал гостепитали перевозили на грузовых машинах, во время передвижения много раз попадали под бомбёжки...

«Батарея, огонь!»

Самое страшное размещение гостепитали было в лесу в деревянных бараках, каждый – длиной 60-80 метров. Там с двух сторон стояли в два яруса нары. Всё было занято тяжелоранеными солдатами. Их привозили сразу с поля сра-

жения. Меня в эту ночь оставили в бараке дежурить одну, так как квалифицированные врачи и медсёстры не успевали оперировать и перевязывать раненых, поступавших с места сражения (это была битва за Кёнигсберг).

В бараке со всех сторон раздавались голоса о помощи. К кому подойти и как помочь всем одновременно, я не знала. И в этот момент налетели немецкие самолёты и начали бомбить. Бомбы взрывались всюду, рядом. В бараке среди раненых, в ответ на вражеский налёт, раздавалась команда: «Батарея, огонь! Батарея, огонь! Батарея, огонь!» Видимо, очень тяжело раненый, только что привезённый с поля сражения, продолжал вести бой и здесь.

А я стояла в страхе и в этот момент произносила слова: «Господи, лишь бы не попало! Господи, лишь бы не попало! Господи, лишь бы не попало!» И свершилось чудо – самолёты, сбросив все бомбы, улетели. Бомбы взорвались рядом. В эту страшную ночь моя сестра Антонина всю ночь была в операционной, помогая медсёстрам и врачам. Операции делали днём и ночью...

День Победы и солдат в гипсе

И так проходили тяжёлые дни войны, которые вели нас к Великой Победе 9 мая 1945 года. День Победы мы встретили в городе Заган (ныне – Жагань, город в Западной Польше – А. П.). Ночью раздался стук в помещение, где мы были размещены. Это было неожиданно, и на душе стало тревожно. Затем услышали радостный голос замполита: «Война закончилась! Победа! Победа! Победа!»

Нина Григорьевна Иножарская с правнуком Иваном

Рано утром все работники госпиталя, раненые, которые могли ходить, вышли на улицу, раздавались выстрелы, радостные крики «Ура!», были объятия и поцелуи. Это был день ликования человеческих душ и сердец, вместивших всю боль потерь и радость Великой Победы. Это Великий праздник, омытый кровью, ещё раз утвердивший духовную силу народов России, ниспосланную нам Господом Богом.

В день торжества Великой Победы на носилках лежал тяжело раненный молодой солдат. Его руки, ноги, всё тело было в гипсе. Он мог смотреть только в небо. А я долго смотрела на него и до сих пор не могу забыть. О чём он тогда думал? Страшно всё это было!

За работу во время Великой Отечественной войны нас наградили медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.».

Дали характеристики и объявили благодарности за хорошую, добросовестную работу во фронтовых госпиталях и воинских частях Советской Армии».

Лидия Павловна Иножарская после окончания войны ещё несколько лет оставалась на территории Германии, обучала детей советских военнослужащих в Советской начальной школе №24 города Легниц, и 25 июля 1949 года маршал Константин Рокоссовский своим приказом объявил ей благодарность – за «честную и добросовестную работу по обучению и воспитанию детей». Дополнением к благодарности стала и денежная премия от маршала.

Вот так послужили делу Великой Победы в Отечественной войне дети и внуки орловских священников Иножарских. Все три сестры – Александра, Антонина, Нина Иножарские в 1985 году были награждены орденом Отечественной войны II степени.

Герой Советского Союза Алексей Ломакин

12 июля 1943 года, измотав противника в недельных оборонительных боях, армии Западного и Брянского фронтов начали Орловскую наступательную операцию. И хотя наступлению советских войск предшествовала мощная артподготовка и авиаудары, гитлеровцы оказали ожесточённое сопротивление.

«Своим телом прикрыл амбразуру...»

Кровопролитные бои в первый же день развернулись на всех участках, в том числе и на правом фланге Брянского фронта, где в составе 61 армии генерала П. А. Белова пробивалась с севера на Орёл прославленная 77 гвардейская стрелковая дивизия.

*Герой Советского Союза
Алексей Максимович Ломакин*

Полки дивизии занимали позиции восточнее Болхова, напротив находившихся за Окой деревень Фетищево (Фотищево) и Сивково. В составе 215 гвардейского стрелкового полка этой дивизии сражался гвардии красноармеец, стрелок Алексей Ломакин. Вместе со своими товарищами он, после завершения мощной 30-минутной артподготовки рванулся в атаку, и, пока противник

не очухался, гвардейцы быстро преодолели Оку. Но дальше наступление остановилось.

Вот что впоследствии написал командир 215 гвардейского стрелкового полка, гвардии подполковник Серёгин:

«12 июля 1943 года, когда батальон, переправившись через реку Ока, продвигался вперёд, товарищ Ломакин

совершил геройский поступок. В бою за овладение деревней Сивково продвижению наших частей препятствовал вражеский пулемёт. Товарищ Ломакин, презирая смерть, приблизился к вражескому пулемёту и своим телом прикрыв амбразуру, выведя, таким образом, из строя вражеский пулемёт.

Своим геройским поступком товарищ Ломакин дал возможность боевым порядкам продвинуться вперёд, пожертвовав собственной жизнью.

Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Рядовой стрелок Алексей Максимович Ломакин большинству своих однополчан годился в отцы, поскольку родился 1 сентября 1897 года в деревне 2-е Дьяконово Курской губернии (ныне - Курчатовский район Курской области) в семье крестьянина.

С 12-ти летнего возраста Алексей вместе с отцом плотничал по разным городам и сёлам. В 1-ю Мировую войну остался без родителей. Участвовал в боях Гражданской войны.

Когда в 1930 году в селе Дьяконово был создан колхоз, то первым его председателем избрали Алексея Ломакина. Более 10 лет проработал он в этой должности.

В ноябре 1941 года, когда оккупанты уже вступили в пределы Курской области, Касторненский райвоенкомат призвал Ломакина в Красную Армию. Вместе с воинской частью под ударами врага отходил он на восток. Пришлось Алексею участвовать в Сталинградской битве, а в мае 1943 года он прибыл на Брянский фронт. О том, что случилось дальше, я уже написал.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм гвардии рядовому Алексею Максимовичу Ломакину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Тайны рядового Ломакина

В «Списке безвозвратных потерь рядового и командного состава 77 гвардейской стрелковой дивизии за период с 10 по 20 июля 1943 года» рядовой Алексей Ломакин значится убитым 12 июля 1943 года в бою при деревне Фетищево (Фотищево) Болховского района и похороненным на восточной окраине этой деревни вместе с тремя десятками своих товарищей из 215 гвардейского стрелкового полка. В этом же «Списке» есть трое погибших в бою у деревни Сивково, которые похоронены в братской могиле в полутора километрах от Сивково. Но все трое бойцов – из соседнего 218 гвардейского полка и погибли они 14 июля.

Почему же в наградном листе на присвоение звания Героя Советского Союза командир 215 гвардейского стрелкового полка Серёгин местом героической гибели своего красноармейца назвал именно деревню Сивково?

Гвардии подполковник писал представление на отличившегося бойца не по «горячим следам», не в июле или августе, а уже 3 октября 1943 года, когда 215 гвардейский стрелковый полк блестяще переправился через Днепр и захватил плацдарм на его правом берегу. Вот в этот момент, готовя наградные листы на очередных отличившихся на переправе солдат, вспомнил Серёгин (или ему напомнили) об Алексее Ломакине, отдавшем свою жизнь на орловской земле. Но, по всей видимости, место гибели своего «Матросова» командир полка вспомнил неточно.

Кандидатура на Героя была достойная, и с представлением согласились все вышестоящие начальники, включая командующего Центральным фронтом генерала армии К.К.Рокоссовского.

В послевоенные годы деревня Фетищево (Багриновского сельсовета Болховского района) обезлюдела, и останки бойцов из здешней братской могилы перенесли. согласно данным Болховского РВК, в братскую могилу в

д. Тросна, которая раньше именовалась Кривцово. Там в настоящее время и значится захороненным Герой Советского Союза Алексей Ломакин.

Подвиг рядового оценён по заслугам. Его имя навечно внесено в списки 215 гвардейского стрелкового полка, на плацу этой воинской части ему установлен памятник.

На родине Алексея Максимовича, на мемориале Героев Курской области, установленном на Красной площади в городе Курске, на одной из плит выбита фамилия Ломакина. В родном селе Дьяконово (Курчатовский район Курской области) имя Героя носят улица и средняя школа. Не забыли о подвиге курянина и болховчане: одна из улиц города носят имя Алексея Ломакина.

Герой Сталинграда и Орла

Из 40 погибших на Орловщине во время её освобождения в 1941-1943 годах Героев Советского Союза 6 человек были украинцами. Я расскажу об одном из них – уроженце Днепропетровской области Григории Аникеевиче Скляре.

В боях под Сталинградом

Он родился в 1917 году на станции Шмаково (Криворожского городского совета Днепропетровской области – А. П.) в семье рабочего. Окончил 10 классов. Работал ве-

Капитан Скляр, 1943 год

совщиком, учетчиком, сцепщиком вагонов на железнодорожной станции.

В 1938 году Григорий Скляр был призван в Красную Армию. По окончании интендантской школы его назначили начальником финчасти одного из артиллерийских полков Харьковского военного округа. Но оставаться тыловиком молодой командир не захотел и после прохождения переподготовки в 1941 году, буквально за месяц до начала войны, перешёл на строевую должность.

С 23 июня 1941 года Григорий Скляр – на фронте, командует последовательно стрелковым взводом и ротой. В марте 1942 года был ранен. После излечения некоторое время он являлся помощником начальника штаба 1155-го стрелкового полка 343-й стрелковой дивизии, а в конце 1942 года капитан Скляр принял командование 1-м батальоном 1315-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии, которая вела кровопролитные бои под Сталинградом, в Городищенском районе.

Была там господствующая над местностью высота Казачий Курган (высота 126,7), которую гитлеровцы превратили в неприступную, как им казалось, крепость. Около месяца 173 стрелковая дивизия пыталась её захватить.

28 декабря 1942 года, во время очередной попытки, 1-ый стрелковый батальон 1315 стрелкового полка под командованием капитана Склера сумел первым достичь вершины Казачьего Кургана, закрепился там, обеспечив выполнение задачи всей дивизии.

А потом в течение трёх суток батальон успешно отражал яростные контратаки противника. Только за первый день было отбито девятнадцать атак. За три дня боёв бойцы Склера уничтожили более двухсот солдат и офицеров противника, несколько танков и огневых точек противника.

В последующих боях, наступая в направлении на город Сталинград, 1-ый стрелковый батальон отличился ещё несколько раз, особенно 12 и 15 января 1943 года при освобождении села Карповка и хутора Дубинин (*ныне - Городищенский район Волгоградской области*), где было уничтожено до двух рот пехоты противника и взято в плен свыше 100 гитлеровцев.

Наградой за эти бои умелому, опытному и бесстрашному Григорию Скляру стал орден Красной Звезды.

В боях под Орлом

В марте 1943 года отличившаяся в Сталинградском сражении 173 стрелковая дивизия стала 77-ой гвардейской, а в конце апреля её направили на северный фас Курской дуги, где намечалась не менее ожесточённая битва.

12 июля 1943 года 221 гвардейский стрелковый полк (*именно так после получения дивизией гвардейского звания стал именоваться бывший 1315 стрелковый полк – А. П.*) успешно форсировал реку Оку в районе деревень Сивково-Фетищево и вместе с соседними 218 и 215 гвардейскими стрелковыми полками стал буквально прогрызаться сквозь глубоко эшелонированную и насыщенную огневыми средствами полосу обороны противника.

Расстояние в 3-4 километра, от одной болховской деревни до другой, гвардейцы преодолевали с тяжёлыми потерями, за сутки или даже двое. 10 километров от Оки до посёлка Одنونток 221 гвардейский стрелковый полк шёл почти неделю.

*Мемориальная плита
Г. А. Скляру*

И вот здесь, как когда-то под Сталинградом, гвардии капитан сумел в полной мере показать свои замечательные воинские умения:

«...Товарищ Скляр осуществил тщательно продуманный и смелый маневр обхода противника во фланг, завершённый стремительным ударом. 3-я рота батальона Скляра с боем заняла высоту 208,9, расположенную на левом фланге противника, занимавшего деревню Кривцово. Заняв высоту, 3-я рота ударила по деревне и в результате неожиданного и сильного напора противник отступил. Заняв деревню, 3-я рота сумела быстро закрепиться. 28 человек роты прочно удержали завоёванные позиции, отразив три яростные контратаки противника.

В другом бою две роты батальона Скляра, отражая контратаки 12 вражеских танков с десантами автоматчиков и 600 человек пехоты, нанесли противнику тяжёлые потери, уничтожив свыше 300 немецких солдат и офицеров, подбив 7 танков, из них три танка типа «тигр». Измотав врага, подразделения Скляра перешли в контратаку, заставив врага отойти, и закрепились на новом рубеже.

В этом бою товарищ Скляр пал смертью храбрых».

Представление на присвоение звания Героя Советского Союза, отрывок из которого я процитировал, командир 221 гвардейского полка гвардии майор Петухов подписал 29 июля 1943 года. 30 июля его утвердил командир 77 гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Аскалепов, а 1 сентября – командующий войсками Брянского фронта генерал армии Попов.

Но Указ о присвоении последовал только 4 июня 1944 года. С чем связано такое промедление – понять трудно.

Впрочем, это не единственная загадка в жизни и героической смерти гвардии капитана Григория Скляра. Датой его гибели в наградном листе значится 19 июля 1943 года, но в «Списке безвозвратных потерь 77 гвардейской стрелко-

вой дивизии за период с 10 по 20 июля 1943 года» напротив его фамилии стоит – «...погиб 18 июля 1943 года под д. Однониток Болховского района. Похоронен восточнее деревни Однониток 2 км».

В послевоенный период останки Героя Советского Союза Скляра и его товарищей перенесли из обезлюдившей деревни Однониток в братскую могилу в соседнем посёлке Дубровский. Там сейчас покоится прах более тысячи советских солдат и офицеров, погибших во время наступательной операции «Кутузов».

Имя Григория Аникеевича Скляра носят улица и школа на его родине – в городе Кривой Рог Днепропетровской области. Жаль, что на болховской земле имя Героя, отдавшего жизнь за её освобождение, не увековечено.

Р.С. После того, как этот очерк появился в периодической печати (газета «Орловская среда» за 17 июля 2013 года – А. П.), потом был выставлен на сайте «Мастера» и уже готовился для данной книги, болховский краевед Вячеслав Рыбников в журнале «Орловский военный вестник» (№9 за 2015 год, стр.118) опубликовал полемическую статью «Рядовой Пересидюпкин и тайны воинских захоронений».

В нём Вячеслав Константинович коснулся и посмертной судьбы Григория Скляра. Мне кажется, что исследование краеведа, основанное на скрупулёзном изучении первичных документов, достойно того, чтобы читатель этой книги познакомился не с официальной версией захоронений и перезахоронений в Болховском районе, а с альтернативной точкой зрения, в которой высказаны серьёзные сомнения по поводу первой.

Цитирую очерк с небольшими сокращениями (А. П.)

Вячеслав Рыбников

Рядовой Пересидюпкин и тайны воинских захоронений

С очерком нашего орловского краеведа Александра Михайловича Польшинкина «Герой Сталинграда и Орла» о судьбе Героя Советского Союза Григория Скляра погибшего на болховской земле в составе 77 гв. стрелковой дивизии я познакомился уже после того, как отзвучали праздничные фанфары юбилея 70-летия праздника Победы. И судьба этого человека, и сама дивизия эта, в которой он служил, были в целом мне известны. Командир батальона 221 сп (*сп здесь и далее – стрелковый полк – А. П.*) капитан Скляр погиб за посёлок Однониток, в котором я проживал как-то в детстве летом, а дивизия была мне знакома, поскольку это была родная дивизия Юрия Кондратюка (*бывшая 21-я МДНО – Московская дивизия народного ополчения, а затем по общевойсковому номеру 173-я сд, после Сталинграда переименованная в 77-ю гвардейскую сд – здесь и далее сд – стрелковая дивизия – А. П.*), в составе ополчения которой он вышел из Москвы, участвовал в первых боях 1313-го сп под Кировом Калужской обл., а затем выбирался из полу-окружения лесами к Серпухову. И погиб-то он почти рядом со Скляром, в районе Кривцово, правда, уже в другой «бойне» – на год раньше, февральской зимой 1942 года, и в другой ополченческой дивизии – 60-й (бывшей 1-й МДНО).

Получилось так, что батальон Скляра из родной дивизии Кондратюка, как раз и освобождал это Кривцово, за что, собственно говоря, он и получил звание Героя (см. наградной лист Г.А.Скляра). А дальше, в некотором смысле, посмертная судьба всемирно известного основоположника космонавтики Ю.В.Кондратюка и Героя Советского Союза Г.А.Скляра оказались сходны ещё и тем, что конкретных могил их на планете Земля не осталось.

Как раз в очерке Александра Михайловича по поводу капитана Скляра, говорится совсем о другом: что «в после-

военный период останки Героя Советского Союза Склера и его товарищей перенесли из обезлюдившей деревни Однониток в братскую могилу в соседнем посёлке Дубровский. Там сейчас покоится прах более тысячи советских солдат и офицеров, погибших во время наступательной операции «Кутузов». Так ли это?

Попробуем разобраться. Сразу честно скажу, что есть статьи известного нашего краеведа А.Е. Венедиктова и «Книга памяти» (т.1, стр.14), где честно признавалось в одном и том же, что могила ГСС Г.А.Склера была утеряна. Проверим истинность этого утверждения, побывав на братской могиле посёлка Дубровский. Карта здесь не поможет, дорогу придётся выяснять у охотников. Посёлок Дубровский по отношению к Однонитку никогда не был соседним, и находился не ближе Однолук (где тоже есть братская могила). Почему прах Героя Советского Союза нужно было перезахоронивать вдали от цивилизации?

*Захоронение в Дубровском
Вид 20.06.2015г.*

Идет обновление 25.07.2015г.

Воинское захоронение пос. Дубровский, по нумерации военно-мемориального центра №57-20 по старому паспорту 90-х годов на сайте «ОБД.Мемориал» (далее ОБД) включало в себя 948 воинов (в новом списке 2014 г., появившемся на сайте в июле 2015 г., их почему-то осталось 875). Сюда относятся как непосредственно захороненные в этом месте, так и перезахороненные (по паспорту) из де-

ревень Селихова, Милятина, Анчакова, Мартемьянова, Кукуевка, Однониток.

Посетив в июне 2015 г. захоронение пос. Дубровский (а назвать узенький цветничок внутри ограждения братской могилой тысячи человек как-то язык не поворачивается), увидел, что групп мемориальных плит здесь три: основная (явно, советского времени) - 501 воин, дополнительная, серого цвета (видимо, 90-х годов) - 158 человек, и новая, чёрного цвета (установленная буквально в этом году) - 289. Оказавшись в июне месяце у захоронения, я вначале всех пересчитал, включая новые плиты. Их было ровно столько, сколько записано в старом паспорте - 948. Здесь же можно было найти и целых три упоминания о захоронении Г.А.Скляра. В отличие от всех погребённых, в этом году к 70-летию Победы появилась его новая персональная мемориальная плита с портретом (портрет, кстати, на него не сильно похож), слева от памятника.

Но товарищей его я здесь не нашёл. А ведь из донесения №28656 по 77 гв. сд. (см. ОБД) о гибели комбата Г.А.Скляра чётко видно, что погиб он под п. Однониток, но захоронен был вместе со своим замом ст. лейтенантом Мошкиным Степаном Бонифатьевичем и командиром взвода мл. лейтенантом Рахваргером Мироном Васильевичем совсем не в Однонитке, а в 2-х километрах восточнее Однонитка.

Если посмотреть по карте, то могила эта была, скорее, ближе к бывшей дер. Анчаковой. И была она, видимо, отдельной могилой 3-х офицеров, поскольку нигде более в донесении №28656, как и в предыдущем №26958, и в следующих за ним №№29512, 29536 и 30400 штаба 77 гв. сд упоминание этого места не значится. Рядовых бойцов 221-го полка, погибших в тех же числах 18-19.07.43г., согласно донесениям №№29512, 29536, хоронили отдельно в 1 км на северо-восток от п. Однониток на северных скатах балки. В той братской могиле было их 32 человека. Большинство из

них присутствовало на дополнительных серых плитах Дубровского, добавленных к основным в правом торце захоронения, если не считать кое-каких издержек в фамилиях, наподобие Лошакина Ивана Георгиевича, который в действительности был Лощаниным, или Ковельчука, который значился на плитах Ковальчуком, а в новом паспорте вообще Кобальчуком.

Кроме этих дальних от п. Однониток могил существовали и другие рядом с посёлком. Так, ряд офицеров (7 человек) того же 221-сп, погибших 18-20.07.43г., были захоронены, по донесению №29536, непосредственно в самом посёлке. Были захоронения и бойцов рядом с посёлком. По тому же донесению, в 300 метрах на северо-восток были захоронены 5 воинов 221 сп, а в 200 метрах на северо-запад - 9 солдат 221-го и 218-го сп 77 гв.сд., также и на восточной окраине Однонитка, по донесению №26958, было захоронение двух разведчиков 81 отд. разведроты 77 гв. сп.

Вокруг посёлка лежали не только пехотинцы, здесь же где-то была и братская могила танкистов 80 тбр. Согласно донесению №29432, в ней были захоронены примерно около 14 человек. Их имена раньше других оказались на основных плитах Дубровского. А в центре Однонитка, по донесению №29701, - пять мотострелков 7 гв. мотострелк. бригады. Но, проживая в Однонитке в 60-х годах, я нигде не видел ни памятников, ни могил (по документам, посёлок исчез в 1982 году).

Когда я искал на плитах фамилии погибших товарищей Скляра, мне на глаза попался рядовой Пересидюпкин. Какая-то странная, необычная фамилия. Решил его проверить, но поиск на ОБД молчал. Тогда, погрузившись в паспорт Дубровского, нашёл его там, правда, с изменённой буквой – Пересидюнкин. Но и в этом качестве он был на Россию один, т.е. никаких донесений на эту фамилию не было. Это было странно.

Тогда я набрал его соседа по плите – Придорогина, и он оказался как раз из той могилы танкистов 80 тбр посёлка Одноток. За ним по донесению в списке стоял погибший 17.07.43г. и захороненный вместе с ним Пересторонин Иван Васильевич. Но Пересидюпкин тоже был Иван Васильевичем и погиб тоже 17.07.43, но его ни на плитах, ни в паспорте не было. И тогда я понял, что Пересидюпкин - это и есть Пересторонин. Что-то у наших деятелей, работавших под лозунгом «Никто не забыт...», произошло, то ли надписи на могиле рассыпались, и осталась «Перес...» и «ин» на конце, то ли жирная клякса легла на несчастную фамилию Пересторонина, но дальше началась безудержная фантазия, несогласованная с ЦАМО.

Всё было бы ничего, но дальнейшее изучение списка открыло ещё более интересные факты. Ниже от Пересидюпкина в паспорте стоял Пестов Иван Ефимович (отчество указано неверно, должно быть - Епифанович), он был из 1281 сп, в котором погиб Кондратюк. Т.е., это была 60-я сд. 60-я сд, по всем донесениям, за Дубровский не сражалась и, тем более 11.02.42, когда шли бои во Мценском районе у Миново и Шашкино, но 1281 сп в них и не участвовал: из-за снежных заносов февраля 1942 г. он только подъезжал к границам Тульской и Орловской областей.

Однако, действительно, по донесениям 60-й сд, хорошо отслеженным мной за этот период, именно 11.02.42 в полку были значительные потери в 70 человек. Были они в Кукуевке Тульской обл., хотя сайт ОБД, упорно противореча донесению 5751, приписывает этот факт Кукуевке Орловской области и даже Хотынецкому району, в котором 60-й сд никогда не было. Кукуевка Чернского района Тульской обл., в отличие от нашей, никуда не делась – это ж/д станция, чётко на границе Орловской и Тульской областей. Все эти 70 человек захоронены в Чернском районе соседней от Кукуевки ж/д станции Ползиково. Произошло это, видимо, из-за бомбёжки немцами прибывшего из Серпухова эшелона. Там же присутствует и Пестов И.Е.

Я вначале решил, что произошло это из-за бомбёжки немцами прибывшего из Серпухова эшелона. Но изучение наградных и журнала боевых действий 60-й говорило за то, что полк прибыл ранее и 11.02 одним батальоном первые бои в районе начал именно с нашей Кукуевки. Похоже это было прощупывание обороны немцев во время боёв за Миново, но несколько севернее его. Получалось, что в Дубровский Пестов «попал» при перезахоронении из исчезнувшей Кукуевки Болховского района. Дальше я нашёл в паспорте Дубровского, частью исковерканные, фамилии воинов 1281 сп. из под Кукуевки (Пичугин, Степанов, Ярцев, Кулемин, Хавров /Хабаров/, Таньчев /Ганьчев/, Кузнецов В.Я). У этих бойцов оказалось по две могилы в Ползиково и Дубровском. Но почему-то их было 8, а где остальные 60 с лишним? За 30 км в Ползиково? Кто бы такое количество туда повёз, если офицеров захоронили, на правой стороне Оки в Полянах!?

Двойные с Дубровским могилы одних и тех же бойцов (по документам) я нашел и в других местах, в частности, в Селихово Знаменского района, куда на могилу своего отца вначале ездил капитан I ранга Романов из Севастополя, приезжавший в Болхов на 70-летие Победы и выступавший с трибуны на площади. Его отец Романов И.С., танкист 20-го танк. корпуса, значится и там, и здесь (туда 20-й тк просто не дошёл и почти весь погиб здесь). И он не один.

Возьмём, к примеру Костромина Валентина Семёновича. Он значится захороненным 17.07.43 и в Дубровском, и в Селихово Знаменского района. По запросу отца в 50-х годах проводился его розыск, на ОБД выложены 11 документов по данному делу. Его тогда вообще не нашли в списках, но проясняет всё немецкая карточка на военнопленного, погибшего в плену в 1942 г. Попал он в плен 17.07, но не в 1943, а 1941 году под... Великими Луками. С уверенностью можно говорить, что это один и тот же человек, потому как, даты рождения, адреса и ссылки на родных одни и те же.

Но в 80-й танк. бригаде 17.07.43 (дон. №29432) в Селихово Болховского р-на тоже погибает Костромин - мл. сержант, радист, но без имени, отчества и года рождения, потому что штабная машина с документами и людьми тоже гибнет от налёта авиации и восстановить смогли только фамилию. Но для Орловщины его нарекают именем, попавшего в плен, и хоронят в 2-х местах.

Вместе с тем, в д.Селихово Знаменского р-на указаны люди, по донесениям реально погибшие рядом с Селихово Болховского р-на, но которых здесь нет (Беляев Н.Ф., Корнев С.И., Лавров В.П., Макаренко, Тараканов, Ташашев, Топильский, Федотова К., Сахно, Свирин, Самерканов и др.)

Вообще, само понятие перезахоронение из д.Кукуевки в пос. Дубровский лично мне говорит, что никакого перезахоронения, в сущности, не было. Скажите, зачем везти останки за 8 км через речку Березуйку, если рядом в соседних от Кукуевки (Коссово) деревнях Городище и Чегодаево, у Оки, до сих пор существуют братские могилы? Мемориал у Кривцово тоже рядом.

Подтверждает это также тот факт, что на плитах и в папортах Дубровского значатся бойцы, захороненные в поселке Лазный, около которого до сих пор существует безымянное захоронение. Надписи у захоронения распределили между Багиново и Дубровским, а саму могилу оставили с лозунгом «Вечная слава героям». И это не местная самодеятельность: всё контролировалось из Москвы и Орла. А как всё это происходило, можете посмотреть документ, по которому Клименко (по дон. №29701) из Лазного записывают на плиты Дубровского.

...После таких заключений впору вернуться к Г.А.Скляру. Всё говорит за то, что и его перезахоронения не было. Аргументы следующие:

1. отсутствие его имени на старых плитах советского периода и 90-х годов;

2. отсутствие в паспорте, новом списке и плитах погибших вместе с ним его боевых товарищей;

3. свидетельства бывших жителей п.Однониток (Сенин В.) о попытках поиска его могилы ещё в 70-е годы после письменных обращений из Кривого Рога.

Теперь о захоронении №57-20. Пока я писал эту статью, буквально за месяц произошло многое: в июле месяце 2015 года на ОБД были выложены новые именные списки погибших на Орловщине на основе учётных карточек военкоматов, составленные в 2014 году, а к дню освобождения города Болхова в Дубровском все старые плиты убрали и появились новые чёрные. В самом новом списке Пересидюпкин исчез и появился Пересторонин, но на новых плитах он по-прежнему красуется уже с буквой «н». Да и сам список ещё далёк от совершенства, слишком много несуразностей, в том числе и новых. Т.е. внешне всё преобразуется, а внутренне остаётся всё тем же.

P.P.S. И ещё одно послесловие, появившееся благодаря моему адресату Андрею Шайкану из города Кривой Рог (Украина).

В самом начале декабря 2015 года он обратился ко мне с просьбой прислать ему материалы, связанные с его земляком. Дочь Андрея Ирина учится в криворожской школе №32, носящей имя Героя Советского Союза Григория Скляра. Ей дали задание подготовить реферат о жизни Героя и его подвиге. Андрей помогал дочери в поисках материалов и вышел на меня через сайт «Мастера». Я выслал в его адрес и свой очерк, и полемическое исследование Вячеслава Рыбникова.

Андрей Шайкан поблагодарил и выслал мне снимки школы №32 и мемориальной доски Григория Скляра на ней. Самое удивительное, что 3 декабря 2015 года напротив доски Григория Скляра появилась ещё одна – с фамилией погибшего в Донбассе во время так называемой антитеррористической операции (АТО) выпускника этой школы. Не буду называть имя молодого парня. Но то, что его сравнили с Героем Со-

ветского Союза, погибшим в борьбе с фашизмом, говорит о полной «каше» (если не сказать больше) в головах современных украинцев. И это, к сожалению, факт... Остаётся надеяться, что время всё расставит по своим местам...

«Тот, кто брал Берлин...»

(Герой Советского Союза Порфирий Жучков)

Порфирий Иванович Жучков – единственный из наших земляков - Героев Советского Союза, кто погиб непосредственно в столице фашистской Германии. Случилось это 27 апреля 1945 года, во время жесточайших боёв в самом центре Берлина. Но прежде чем поведать о последнем подвиге Героя, я расскажу о том, что успел за 33 прожитых года Порфирий Жучков. И в этой его биографии – пока множество загадок.

Порфириевы тайны

Начну с даты появления на свет будущего Героя. Во всех источниках о нём до недавнего времени назывался только год – 1912, но число и месяц оставались не известными. Что касается места рождения, то в «Кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза», изданном в 1987-1988 годах Министерством обороны СССР, и в книге «Бессмертный подвиг» (Орёл, 1995) сказано, что появился на свет Порфирий Жучков в селе Войново, ныне Болховского района. Однако в наградном листе на присвоение старшему лейтенанту Жучкову звания Героя Советского Союза и на сайте админи-

*Порфирий Жучков
в годы войны*

страции Болховского района говорится, что родился он в городе Болхове. На мой вопрос по этому поводу родной внук Героя, Олег Волков, проживающий в настоящее время в Воронеже, уверенно заявил, что родина деда, всё-таки, - село Войново.

Мне очень хотелось найти документы, проливающие свет на эти «тёмные пятна» в биографии Порфирия Жучкова. И я начал работу в фондах Государственного архива Орловской области.

Для начала пересмотрел метрические книги Вознесенской церкви села Коноплянка (Красное) Болховского уезда, к которой с 1897 года было приписано село Воиново (*в метрических книгах этот населённый пункт записан именно так, а не Войново, как он стал называться позднее – А. П.*).

Что выяснил? Во-первых, за достаточно большой промежуток времени – с 1905 по 1918 год – в метрических книгах обнаружилось несколько Жучковых, но все они оказались крестьянами села Коноплянка (а не Воиново). Во-вторых, за тот же 13-летний период ни один из младенцев, крестившихся в Вознесенской церкви, не получил имя «Порфирий» (*вот таким оно оказалось редким – А. П.*). Результатом исследования метрических книг Вознесенской церкви села Коноплянка стал однозначный вывод: Порфирий Жучков не был уроженцем села Воиново.

После этого начался более сложный и трудоёмкий процесс – изучение метрических книг города Болхова. Поскольку я не знал точно прихода, пришлось просматривать все сохранившиеся документы по всем болховским храмам (в

Порфирий Жучков в возрасте одного года

их алфавитном порядке). Правда, для начала я несколько сократил объём изучаемого, но с подстраховкой – изучал МК за 1911-1913 годы.

Эта работа заняла несколько недель. Пришлось пролистать в поиске младенца Порфирия Жучкова метрические книги 15 болховских церквей: Афанасьевской, Благовещенской (Никитской), Введенской, Вознесенской, Воскресенской, Георгиевской, Иоанновской, Казанской, Михаило-Архангельской, Николо-Богоделенской, Николо-Гончарной, Николо-Космодамианской, Петропавловской, Покровской, Спасо-Преображенской. И снова – среди большого количества новорожденных за эти три года – имя Порфирий встретилось мне всего лишь 4 раза.

Честно говоря, я уже засомневался в конечном результате поисков, ведь оставались только три болховских храма, чьи документы мне предстояло изучить. Но удача, всё-таки, пришла, заглянула на «огонёк» и отблагодарила за усердный труд, как только я приступил к просмотру метрических книг Успенской церкви.

Во-первых, в них стала регулярно встречаться фамилия мещан Жучковых. И, во-вторых, в МК о родившихся за 1912 год я, наконец-то, обнаружил то, что искал. Вот эта запись:

**Успенская церковь города Болхова за 1912 год
(ГАОО, ф.101, опись 2, ед.хр.311, л.10об.)**

Октября 1912

**16 октября родился, 17 октября – крещён – Порфирий
Родители:**

Болховский мещанин Иоанн Яковлев Жучков и законная жена его Варвара Николаева, оба православные.

Восприемники – приходской, Успенской церкви псаломщик Дмитрий Яковлев Филин и болховская мещанка, девица Олимпиада Николаева Воинова

Таинство крещения совершили приходской священник Николай Попов с псаломщиком Дмитрием Филиным.

(Рядом с основной записью здесь обнаружилось и несколько дополнительных:

Укомтруд – 27 октября 1920

В нарсуд – 24 марта 1924 года

Выслано в Ленинград, ЗАГС – 21.10.35 – А. П.)

Итак, можно было кричать «Ура!» - нашлось всё, что надо: точная дата рождения Порфирия Жучкова (16 октября 1912 года по старому, 29 октября – по новому стилю), место – город Болхов, родители и крестные (восприемники).

Семья

Но, раз уж мне повезло, я решил не ограничиваться этим и попытался выяснить подробности о семье Порфирия. И вот здесь меня ждала настоящая «Санта-Барбара» (*прости, читатель, за это словосочетание, но другого я не подобрал, так много оказалось намешано в истории семьи Жучковых – А. П.*). Я постараюсь рассказать об этом максимально сжато.

Итак, отец Порфирия Жучкова, Иван Яковлевич, был женат дважды. Первый раз он пошёл под венец 5 ноября 1901 года, только-только возвратившись со службы в царской армии, и в метрической записи 36-летний болховский мещанин Иван Жучков назван ещё младшим фейервейкером 5 батареи 4 артиллерийской бригады. Избранницей его стала 21-летняя болховская мещанка Варвара Васильевна Жаднова. Удивительно, но, несмотря на такой возраст, она уже была вдовой.

Мне удалось обнаружить записи и о первом браке Варвары Васильевны. Она, ещё нося девичью фамилию Богомолова, 16 июля 1895 года, в возрасте 15,5 лет, вышла замуж за 27-летнего запасного рядового Алексея Ивановича Жаднова (*кстати, популярная фамилия в приходе Успенской церкви – А. П.*). Про-

жили молодые вместе 5 лет. За это время родилось у них трое детей – Александра (16 апреля 1896), Алексей (19 апреля 1897) и Варвара (18 ноября 1899). В живых осталась только Александра, Алексей и Варвара скончались вскоре после появления на свет. А 24 июля 1900 года покинул бренный мир и Алексей Жаднов, скончавшись в возрасте Христа от чахотки. Похоронили его на Архангельском кладбище Болхова.

Вдову с ребёнком, молодую и симпатичную, не побоялся взять в жёны Иван Жучков. Но первый его брак оказался очень непродолжительным: Варвара Васильевна, родив Ивану Яковлевичу сына Ивана (8 августа 1902), скончалась 7 июля 1903 года, во время родов второго сына Николая. Сына успели окрестить – и на третий день похоронили вместе с матерью на Архангельском кладбище Болхова.

Какова судьба дочери от первого брака Александры и сына Ивана – в метрических записях сведений нет. Но, вполне возможно, что Иван Яковлевич Жучков их воспитывал сам, поскольку решился на второй брак достаточно скоро – через четыре месяца. Вот запись из МК, часть 3 «О бракосочетавшихся» за 1903 год (естественно, по той же Успенской церкви – А. П.):

О бракосочетавшихся

3 ноября 1903 года

Болховский мещанин Иван Иаковлев Жучков, православный, вторым браком, 38 лет, и болховская мещанка-девица Варвара Николаева Воинова, православная, первым браком, 20 лет

Поручители по жениху: болховские мещане Илья Иванов Попов и Николай Николаев Обрезумов

Поручители по невесте: болховские мещане Михаил Михайлов Корнеев и Пётр Иаковлев Жучков (видимо, родной брат жениха – А. П.).

Этот брак Ивана Яковлевича Жучкова со второй женой (тоже по имени Варвара – А. П.) оказался крепким и про-

должительным. Дети рождались один за другим: Параскева (10 октября 1904), Елисавета (3 марта 1906), Варвара (3 октября 1908), Августа (19 ноября 1909), Тихон (3 февраля 1911), Порфирий (16 октября 1912), Любовь (9 ноября 1914), Зоя (16 октября 1916) и Василий (18 ноября 1918). У Василия Жучкова крестным отцом стал настоятель Успенского храма, отец Николай Попов (*он служил в храме долгие годы и крестил всех вышеназванных детей – А. П.*).

Так получилось, что умерли во младенчестве трое, родившихся друг за другом детей – Варвара, Августа и Тихон. Остальные дожили до совершеннолетия.

По семейным воспоминаниям, Иван Яковлевич Жучков «занимался лесом», умер он в 20-ые годы, после чего всё семейство Жучковых, кроме Порфирия, поступившего в Болховский педагогический техникум, переехало на постоянное жительство в Ленинград. Потомки Жучковых продолжают жить там и до настоящего времени.

Вот так, благодаря документам, значительно пополнились наши сведения о дате, месте рождения и семье Героя Советского Союза Порфирия Жучкова.

Довоенная жизнь: из Болхова – на Дальний Восток и обратно

А теперь перехожу к биографии моего героя. Порфирий закончил семь классов, потом – Болховский педагогический техникум и начал работать учителем, а потом стал директором Краснознаменской школы (*село Знаменское находится в 20 километрах от Болхова – А. П.*). В это же время женился, родилась дочь Александра.

Но в 1935 году судьба директора сельской школы внезапно делает крутой поворот, причины которого пока нам тоже не известны (*возможно, он был административно выслан за пределы Орловщины – А. П.*). Очередное место работы Порфирия Ивановича Жучкова оказывается на Даль-

В предвоенные годы

нем Востоке. Но и тут нет единства в источниках. В большинстве сказано, что он работал начальником топографической партии в Ивановском районе Амурской области и жил в селе Черемхово этого же района. В райцентре Ивановка в настоящее время имеется мемориал, на котором среди земляков – Героев Советского Союза - названо имя Порфирия Жучкова.

Но у Олега Волкова, упоминавшегося мною внука Героя, есть на руках документ - копия регистрационного бланка члена ВКП(б) Порфирия Жучкова, из которой видно, что он с сентября 1935 по май 1941 года находился в посёлке Оротукан, (тогда Хабаровского края, ныне – Магаданской области – А. П.) и работал старшим топографом районного геолого-разведывательного управления. То есть, должность, в общем-то, совпадает, а вот с конкретным географическим местом работы – непонятные различия, ведь между селом Черемхово и посёлком Оротукан – не одна сотня километров. И это – не последняя тайна нашего в биографии нашего земляка.

Война. Первая кровь

А в мае 1941 года старшего топографа Порфирия Жучкова Болховский райвоенкомат призвал в Красную Армию. Почему Болховский – тоже не понятно, ведь призывник в это время был на Дальнем Востоке. Единственное разумное объяснение – Порфирий Иванович приезжал на родину в отпуск или же возвратился после пяти лет отсутствия окончательно, отбыв срок административной ссылки.

С началом Великой Отечественной войны красноармеец Жучков воюет в составе 120 стрелковой дивизии, той самой, которая была сформирована в Орле и Ливнах в 1940 году. Вместе с нею довелось Порфирию Ивановичу принять участие в боях на Смоленском направлении, в одном из которых, 1 августа 1941 года, он был тяжело ранен.

Выздоровление оказалось долгим, и проходило в глубоком тылу – в Измайловском госпитале на территории Барышского района Ульяновской области. Порфирия Жучкова на некоторое время даже признали негодным к строевой службе, и он, подлечившись, устроился на работу в школу учителем математики, проработав по своей первой профессии почти год (*кстати, ульяновцы тоже считают орловчанина Жучкова своим Героем – А. П.*).

Мастер переправ: на Днестре, Нетце и Одере

В конце 1942 года, после очередной медкомиссии, бывший директор школы и топограф вновь отправился в действующую армию, в батальон связи 986 стрелкового полка 230 стрелковой дивизии.

Более года Порфирий Жучков воевал простым телефонистом и летом 1943 отличился во время боёв на Воронежском фронте. 22 июля он получил второе ранение (оно оказалось лёгким – А. П.), а 14 августа – первую награду, медаль «За боевые заслуги» - за то, что «*под ливнем пулемётного огня противника восстанавливал бесперебойную связь батальона с подразделениями*».

Вскоре после выздоровления отличившегося ефрейтора отправили на курсы политработников, по окончании которых Жучков получил звание младшего лейтенанта и возвратился в свой полк, но уже в качестве парторга отдельного сапёрного батальона.

Как все настоящие политработники времён войны, он убеждал бойцов не только словом, но и личным примером. В апреле 1944 года лейтенант Жучков отличился при организации десантной переправы через реку Днестр перед селом Варницы (*в районе города Бендеры Молдавской ССР – А. П.*). В течение трёх суток подряд, находясь под ураганным пулемётным и артиллерийским огнём противника, парторг батальона сумел обеспечить переправу всего 988 стрелкового полка, с артиллерией и боевыми обозами. Наградой лейтенанту Жучкову стал орден Отечественной войны II степени.

Так же блестяще он сумел справиться с организацией переправ для полков дивизии уже на территории Германии – через реки Нетце и Одер. На груди Порфирия Ивановича засиял второй орден Отечественной войны, только уже I степени.

А спустя пару месяцев войска 5 ударной армии генерала Берзарина, в составе которой сражалась 230 стрелковая Сталинская дивизия, приняли участие в Берлинской наступательной операции.

«Взорвал 9 баррикад...»

Фашисты, готовясь к обороне, создали мощнейшую систему укреплений как на подступах к Берлину, так и внутри него. Мало того, что сами здания столицы Третьего рейха превратились в настоящие доты, так ещё и на улицах были построены баррикады (из дерева, камня, рельсов и железа), имевшие до двух с половиной метров в высоту и до двух метров в толщину.

Центральный же сектор Берлина, охватывавший основные государственные и административные учреждения, в том числе рейхстаг и имперскую канцелярию, в инженерном сооружении был подготовлен ещё более тщательно. По его периметру немецкие инженерные войска создали свыше

400 железобетонных сооружений толщиной от одного до трёх метров.

Девять подобных капитальных и трудно разрушаемых артиллерийским огнём «баррикад» находилось на улице Вальдштрассе, вдоль которой шло наступление 986 стрелкового полка 230 стрелковой Сталинской дивизии. Уничтожить бетонные преграды врага было поручено взводу под командованием старшего лейтенанта Порфирия Жучкова.

В его штурмовую группу вошли пять автоматчиков, пулемётчик, два снайпера, 3 сапёра и химик. Главная задача состояла в том, чтобы под огнём противника сапёры смогли подобраться вплотную к очередной баррикаде, заложить несколько противотанковых мин в разных местах и осуществить её подрыв. Сам старший лейтенант с остальными бойцами взвода обеспечивал подход взрывников к баррикадам.

За несколько часов боя на улице Вальдштрассе (в наградном листе она значится как «Валльштрассе» - А. П.) штурмовая группа Порфирия Жучкова сумела взорвать 9 баррикад, тем «самым дав возможность для продвижения полка вперёд... При выполнении боевой задачи старший лейтенант Жучков погиб смертью Героя».

Уже через день, 29 апреля 1945 года, командир 986 стрелкового полка, подполковник Смыков, подписал наградной лист на присвоение нашему земляку звания Героя Советского Союза. Семь вышестоящих начальников согласились с представлением, но Указ Президиума Верховного Совета СССР последовал только 15 мая 1946 года, то есть к первой годовщине Победы в Великой Отечественной войне, когда были подняты из архивов документы на не награждённых героев.

Где похоронен Герой?

Что касается места захоронения Порфирия Жучкова – то это было до недавнего времени его последней, уже по-смертной тайной. Наш земляк не значился в списке безвозвратных потерь 230 стрелковой дивизии. Единственный раз о месте его погребения сказано в более позднем документе – «Справке Главного управления кадров НКО СССР» от 17 декабря 1945 года, в которой написано, что «Тов. Жучков П.И. убит 27 апреля 1945 года и похоронен в городе Кюстрин» (в настоящее время это польский Костшин-на-Одре, на самой границе с Германией – А.П.). Но как и почему тело героически погибшего в Берлине старшего лейтенанта было отправлено, да ещё в разгар боёв, за 80 километров для погребения – не известно.

Мало того, ещё более запутали ситуацию уже польские власти, организовавшие в 1953 году перезахоронение в Костшине, в результате которого мы не знали, где же лежат

*Воинское кладбище в г.Цыбинка
(вид сверху)*

*Центральная часть кладбища в
Цыбинке*

останки нашего мужественного земляка. Внук Героя, Олег Волков, долго и упорно пытался это выяснить. И ему на помощь пришла замечательная женщина из Нижнего Новгорода – Елена Ватолина. По основной профессии она – поэт и переводчик, но в дополнение к лирическим делам она занимается также и поисковой деятельностью.

Именно Елене удалось выяснить, почему долгое время могила Порфирия Жучкова не была известна никому. Разгадка оказалась до банальности

проста. Когда в 1953 году производилось перезахоронение останков советских воинов из Костшина, Порфирий Жучков в записях стал Жуковым. Выпала всего лишь одна буква (для поляков Жуков – фамилия более знакомая – А.П.), а человек исчез из документов на много лет.

Последним местом захоронения нашего земляка стала могила под №399 на воинском кладбище, расположенном на улице Бялковска в польском городе Цыбинка. В списке перезахороненных из Костшина

Парк Победы

Порфирий Жучков значится под №432. Вот так раскрылась посмертная тайна Героя.

На родине, в Болхове, память Порфирия Жучкова увековечена памятными плитами – на здании Болховского педагогического колледжа, в котором он учился в 30-ые годы, и в Парке Победы в центре города.

В 2015 году, к 70-летию Победы, появилась мемориальная плита в честь Порфирия Жучкова и на Аллее Героев в городе Барыш. Помнят нашего земляка и там, хотя недолгим было его пребывание на ульяновской земле.

Здание Болховского педагогического колледжа, в котором учился Порфирий Жучков

И в завершение – стихотворный венок на могилу деда от его внука, Олега Волкова.

Вот такие реалии

(памяти деда – Порфирия Жучкова)

До Победы осталось всего ничего,
От Вальдштрассе - до рейхсканцелярии.
Километр с небольшим под свинцовым дождём.
Напролом. Вот такие реалии.

В жизни не было лёгких путей и дорог,
Прошагал и колымскими далями.
И истоптано много солдатских сапог
До Берлина. До самой Германии.

Где-то близко родные в фашистском плену,
Может, в Пфальце, а может, в Вестфалии.
...Он поднялся рывком и в бессмертье шагнул
В полный рост. Вот такие реалии.

Отгremели бои, и рассеялся дым,
Позади фронтовые баталии.
Дед погиб и остался навеки молодым.
Я – горжусь! Вот такие реалии!

(Олег Волков)

Четыре брата не вернулись с фронта...

Посмотри, читатель, на эту фотографию из 1917 года. На ней – уроженцы города Болхова Алексей Волков и Наталья Ковалёва в день венчания. Жениху, в щегольском головном уборе, с модными галстуком, тросточкой и часами с цепочкой – 22 года, невесте, в белом свадебном платье и белых же туфлях – 19 лет.

Супруги Волковы

Поселились молодые на улице Стрелецкой, которая в советские годы стала именоваться Первомайской. Жили дружно и счастливо, один за другим рождались дети – Алексей (1919 года рождения), Иван (1921), Александр (1925), Евгений (1928), Серафим (1934).

До войны двое старших – Алексей и Иван – успели закончить Болховский педагогический техникум. Алексей по завершении учёбы решил посвятить жизнь армии и поступил в Чугуевское авиационное училище.

С началом Великой Отечественной войны ушёл на фронт отец, а следом за ним и сыновья отправились. Немного сведений сохранилось о них в документах.

Супруги Волковы.

Алексей Волков

Лётчик 181 истребительного авиаполка, лейтенант Алексей Волков, согласно «Книге Памяти» по Болховскому району, погиб в августе 1943 года (*но есть и вторая дата его смерти – летом 1941 года, к этому склоняется Олег Волков,*

Алексей Волков

даным, героически погиб он, всё-таки, раньше, в ноябре 1941 года, в боях за Ростов.

Евгений Волков

Самый младший из воевавших, Евгений Волков, по сведениям Олега Волкова, скорее всего, служил вместе с отцом на складе боеприпасов 18 Воздушной армии (дальняя авиация) и ушёл из жизни, выполняя служебный долг.

Евгений Волков

много времени посвятивший поискам сведений о своих дядях и их участии в войне – А. П.).

Иван Волков

Иван Волков сражался в войсках НКВД, предположительно, в 230 полку, и в «Книге Памяти» датой его гибели указан 1943 год, но, по косвенным

Иван Волков

Александр Волков

Единственный из братьев, о ком есть более-менее полная информация, в том числе и на сайте «Подвиг народа», это Александр Волков. Закончив Моршанское стрелково-миномётное училище, он воевал коман-

диром стрелкового взвода в 323 гвардейском горно-стрелковом полку 128 гвардейской стрелковой дивизии 4 Украинского фронта.

Вот что написал о нём его командир, гвардии майор Кузнецов: *«Товарищ Волков, в боях по освобождению от немецких захватчиков территории Польши, показал мужество и отвагу. При взятии полком селения Певель-Сельменска, товарищ Волков, в составе взвода, ворвавшись в населённый*

Александр Волков

пункт, смело продвигался вперёд, очищая от гитлеровцев строения. В этом бою (в наградном листе - 3 февраля 1945 года, но в «Списке безвозвратных потерь 323 гвардейского горно-стрелкового полка названо 4 февраля 1945 год – А. П.) товарищ Волков погиб смертью храбрых...».

Посмертно гвардии младший лейтенант Волков был награждён орденом Отечественной войны II степени. Похоронили его на полковом кладбище, на северной окраине деревни Певелька, на территории Польши.

Серафим Волков

Что чувствовали Алексей Васильевич и Наталья Васильевна Волковы, получая известия о смерти четверых сыновей – даже трудно себе представить.

Их гордостью, отрадой и надеждой стал самый младший из сыновей – Серафим. Профессиональный военный, он отслужил в авиации свыше 20 лет и ушёл в отставку в звании майора.

Серафим Волков

О судьбе отдавших свои жизни во имя защиты Родины братьях Волковых писали несколько раз в 70-ые годы XX века газеты «Болховская новь» и «Орловский комсомолец».

В настоящее время память о своих родственниках бережно хранит, пытается отыскать какие-то новые сведения о них, Олег Серафимович Волков.

Дядям

(памяти Алексея, Ивана, Александра и Евгения Волковых)

Не слышно шума в отчем доме,
Война промчалась, смерть неся.
Лишь фотографии в альбоме,
А сыновей вернуть нельзя.

Взлетели души в поднебесье,
Где ясный свет, - за облака.
Их жизнь была совсем как песня,
И точно также – коротка.

А мать смотрела на дорогу.
Всегда – на запад. На закат.
Шёл почтальон – печально, строго,
Как будто в чём-то виноват.

Для всех грядущих поколений
Следы родных найти стремлюсь,
Найти и преклонить колени –
По долгу памяти. Клянусь!

(Олег Волков)

Илья Старинов - «дедушка советского спецназа»

2 августа 2012 года, в канун очередного Дня города, Орловский городской совет народных депутатов на своём 21-ом заседании принял решение присвоить одной из трёх новых улиц в микрорайоне «Зареченский» Заводского района Орла имя Полковника Старинова. Так на Орловщине, наконец-то, увековечили память земляка, известного военного деятеля, полковника, партизана-диверсанта и «дедушки русского спецназа».

Сын железнодорожного сторожа

Жизнь Ильи Григорьевича Старинова в наше время изучена достаточно хорошо – благодаря многочисленным публикациям о нём и его собственным книгам и воспоминаниям. Но основные моменты его биографии я, на всякий случай, напомним.

Появился на свет Илья Старинов в 1900 году в селе Воиново Болховского уезда в обычной крестьянской се-

*Илья Старинов
в юности*

*Илья Старинов
в годы войны*

мье, которая, пытаясь выбиться из нужды, вскоре после его рождения переехала в Тверскую губернию. Там отец, а потом и мать устроились работать сторожами на железной дороге.

В Тверской губернии Илья получил основы образования – учился сначала в начальной школе в Зави-

дово, а потом - в высшем начальном училище в Твери, из которого выбыл в 7 классе. С 14 лет подросток Старинов начал зарабатывать на «хлеб насущный» самостоятельно: два года трудился сезонно, на торфозаготовках, а в 16 лет поступил в особое делопроизводство по снабжению армии обувью, где отработал три года.

Испанский герой Эрнеста Хемэнгуэя

С июня 1919 года начинается служба Ильи Старинова в Красной Армии, которой он посвятил всю свою последующую жизнь. Участвовал

Вскоре после гражданской войны

в гражданской войне, сражался с Деникиным и Врангелем, освобождал Крым и Грузию. Служба рядовым красноармейцем в составе 27 Отдельной сапёрной роты 9 стрелковой дивизии способствовала выбору любимых занятий Ильи Старинова – организации диверсионно-подрывной работы и партизанской борьбы в тылу врага. Некоторое время он этому учился сам, а потом многие годы учил этому других.

В 1936-1937 годах Илья Старинов выполнял специальные задания в Испании. Прошёл путь от советника диверсионной группы до советника 14-ого партизанского корпуса (в количестве 3000 человек). Обучал партизан минно-подрывному делу, технике и тактике диверсий. Организовал школы под Валенсией, в Хайене, готовил крупные диверсионные операции. За 11 месяцев активной деятельности в тылу врага на счету руководимых им республиканцев-диверсантов: взорванные водопровод и мост в Гренаде, выведенный из строя на пять суток туннель под Кордовой, пущенный под откос

состав со штабом итальянской авиационной дивизии, взорванный мост через реку Аликанте (ночью захватили кухню, заполнили её взрывчаткой и оставили посредине моста, потом взорвали), пущенный под откос под Кордовой поезд с солдатами-марокканцами, уничтоженное в лесу под Мадридом большое скопление вражеской живой силы, техники и боеприпасов.

По одной из версий литературоведов, писатель Эрнест Хемингуэй, участвовавший в испанских событиях как фронтовой журналист, в своём романе «По ком звонит колокол» изобразил действия республиканских диверсантов в тылу франкистов, познакомившись с работой Старинова и его умелых парней.

За успехи в борьбе с испанскими фашистами по возвращении в СССР Илья Старинов был удостоен орденов Ленина и Красного Знамени, но некоторое время находился под угрозой ареста, в связи с тем, что уже были арестованы многие из его товарищей. Спас Илью Григорьевича Климент Ворошилов, лично его знавший и позвонивший наркому НКВД Ежову.

Орловская школа «противопожарных кадров»

С ноября 1939 года Старинов - начальник группы по разминированию на Карельском перешейке во время советско-финской войны. 17 марта 1940 года он был тяжело ранен снайпером в правую руку. Получил справку об инвалидности, но продолжил службу в Красной Армии.

С 13 августа 1940 года Старинов — начальник отдела минирования и заграждений Главного военно-инженерно-

С женой Анной

го управления Красной Армии, готовил в Нахабино специалистов по заграждению и разминированию.

Не буду перечислять все должности Ильи Григорьевича Старина в годы Великой Отечественной войны: объём и направления его деятельности поражают воображение. Но отмечу отдельно самое начало войны. С 28 июня 1941 года он был назначен начальником оперативной группы заграждений на Западном фронте, а с 13 июля по совместительству стал и руководителем Оперативно-учебного центра Западного фронта.

Наркомат обороны СССР 13 августа 1941 года принял решение о передислоцировании Оперативно-учебного центра в Орловскую область. На экстренном заседании бюро обкома ВКП(б) было решено создать спецшколу в Орле. Так, волею судьбы, 13 августа 1941 года Илья Григорьевич оказался на родной Орловщине. Руководимые им инструкторы 17 августа показали партийному и советскому начальству Орловской области диверсионную технику, а с 18 числа, на правах филиала оперативно-учебного центра Западного фронта, «школа по подготовке противопожарных кадров» (а на самом деле – кадров подполья и партизан) начала работу. Начальником её был назначен секретарь Орловского горкома ВКП(б) И.Н.Ларичев, а главным организатором стал, конечно же, полковник И.Г.Старинов.

В числе первых курсантов были студенты машиностроительного техникума, рабочие заводов «Текмаш» и имени Медведева, служащие учреждений Орла. Первое время школа размещалась на дачах облисполкома и НКВД (район посёлка Стрелецкий и современного Института зернобобовых и крупяных культур), но вскоре о её местонахождении стало известно немецкой разведке, и школу перевели в Орёл, на территорию канатной фабрики (улица Комсомольская). Функционировало это учебное заведение в Орле до конца сентября, а за несколько дней до оккупации города

было переведено в Елец, а оттуда – в Задонск. В период существования школы в Орле из её стен было выпущено около 3000 будущих партизан и подпольщиков.

Мины от Ильи-громовержца

Сам Старинов к этому времени получил другое назначение, став начальником оперативно-инженерной группы Юго-Западного фронта. В его распоряжении находилось 5 батальонов и 5 оперативных групп. Они осуществляли заграждения, производили минирование железных и автомобильных дорог, особо важных объектов под Харьковом и в Харькове. Старинов непосредственно подчинялся Военсовету фронта. Руководимые им минёры уничтожили штаб 68-й пехотной дивизии во главе с генерал-лейтенантом Георгом фон Брауном и подорвали на mine генерал-лейтенанта Бейнекера. Об уничтожении штаба немецкой дивизии написано много, и суть написанного сводится к тому, что полковнику Старинову удалось переиграть немецких разведчиков и сапёров, благодаря чему был нанесён гитлеровцам ощутимый ущерб. Впервые в таком масштабе наши специалисты использовали радиоуправляемые мины, подрыв которых был осуществлён на значительном расстоянии (с радиостанции в городе Семилуки Воронежской области).

За годы войны у Ильи Старинова было множество других удач, но самыми значимыми итогами его деятельности стали: создание диверсионной службы в украинских партизанских формированиях и в Украинском штабе партизанского движения в 1943 году, в результате чего на Украине партизаны произвели свыше 3500 крушений поездов (тогда как в 1942 году — всего 202), а в 1944 году — подготовка кадров и создание партизанских формирований украинских партизан для партизанской войны за рубежом — в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Наконец, в

истории партизанского движения навсегда остались ПМС – противопоездные мины Старинова, по эффективности занимавшие одно из первых мест среди всех других.

«Солдат столетия»

И ещё одно замечательное достижение есть у Ильи Григорьевича. Он стоял у истоков создания первой регулярной части армейского спецназа – отдельной инженерной бригады специального назначения,

Дедушка российского спецназа и его внуки

которая была сформирована весной 1942 года на Калининском фронте, в полосе действий 30 армии. Старинов разработал основы её тактики и участвовал в создании специальных видов вооружения и техники для бойцов. Именно это воинское формирование послужило прообразом разведывательно-диверсионных частей спецназа ГРУ Генштаба Вооружённых Сил СССР.

Кандидат технических наук, профессор Старинов преподавал вплоть до 1987 года в учебных заведениях КГБ. Награждён был двумя орденами Ленина и пятью орденами Красного Знамени, орденом Октябрьской революции и орденом Мужества – к его 100-летию юбилею. Скончался «дедушка советского спецназа» на 101 году жизни, так и не став генералом и Героем Советского Союза, хотя к этим званиям его представляли несколько раз. Оставил после себя несколько сотен статей, три монографии и несколько книг воспоминаний. Овидий Горчаков в 1973 году написал повесть о взрывах в Харькове «Внимание: чудо-мина!»

Еще на гражданской войне Старинов серьезно подорвал здоровье, заработав ревматизм в тяжелой форме. В ходе финской войны он получил тяжелую инвалидность, которая позволяла ему оставить службу в армии. Врачипустили

Илье Григорьевичу, при надлежащем соблюдении режима, 50 лет жизни. Строгая самодисциплина, здоровый образ жизни (никогда не пил и не курил, постоянно занимался физкультурой) позволили «вечному полковнику» не только дожить до ста лет, но и пройти четыре тяжелейших войны. Похоронили «Солдата столетия» на Троекуровском кладбище Москвы, на его надгробном памятнике надпись – «От благодарных учеников».

Вроде бы все моменты биографии Ильи Старинова известны историкам, но на самом деле это не так. Много тайн до недавнего времени имелось в начальном периоде биографии нашего знаменитого земляка. О них и пойдёт речь далее.

Стариновы из села Воиново

7 мая 1953 года начальник кафедры тыла и группы «Организация и тактика партизанской борьбы» военного института МВД-МГБ, кандидат технических наук, полковник Илья Старинов для своего личного дела, хранившегося в отделе кадров учебного заведения, в очередной раз написал автобиографию, в которой изложил основные моменты своей полувековой (к этому времени) и удивительно героической жизни (*о ней я уже рассказывал – А. П.*).

А теперь остановлюсь на истории семьи «дедушки советского спецназа». Для начала процитирую первый абзац упомянутой автобиографии Ильи Старинова: *«Родился 20 июля 1900 года в селе Воиново, Болховского уезда, Орловской губернии в семье крестьянина-бедняка. Отец – Старинов Григорий Агапович, 1878 года рождения, умер в 1929 году в селе Воиново Орловской губернии. Мать – Анна Стефановна (девичья фамилия Волкова), умерла в 1918 году в селе Воиново...».*

В Государственном архиве Орловской области сохранилось достаточно большое количество метрических книг

Введенской церкви села Коноплянка (Красное тож) Болховского уезда, к которой с конца XIX века было приписано село Воиново (*именно так оно записано – не ВоЙново, а ВоИново – А. П.*). Мне удалось проштудировать записи в метрических книгах, начиная с 1874 по 1919 год включительно.

Фамилия Стариновых в документах за эти 45 лет встречалась мне неоднократно, если быть точным, я насчитал пять родственных семей (61 представитель – А. П.). Среди них обнаружили два родных брата – Константин и Григорий Стариновы, отец которых носил довольно редкое имя даже для тех давних лет – *Агав* (в переводе с еврейского – «саранча» - А. П.). Но, время от времени, вместо Агав дьячки, которые вели записи в метрических книгах, называли совсем другое, хотя и похожее имя – *Аган* (или *Аганий*, в переводе с греческого – «любимый, любить» - А. П.). Именно этот вариант имени деда и назвал Илья Старинов в автобиографии.

Что касается даты рождения отца (1878 год), то Илья Григорьевич здесь тоже ошибается. Вот какую запись обнаружил я в части второй «О бракосочетавшихся» метрической книги Введенской церкви села Коноплянка за 28 апреля 1891 года:

«Села Воинова крестьянин Григорий Агавов Старинов, православного вероисповедания, первым браком, 19 лет, и сельца Селеменова крестьянка Анна Стефанова Ерёмина, первым браком, 21 год

Поручители – по жениху: села Воинова крестьянин Иван Никитин Старинов и деревни Яровой крестьянин Дмитрий Павлов Будиёнков;

поручители по невесте – крестьяне деревни Яровой Василий Семёнов Волков и Прокопий Григорьев Ерёмин».

Эта запись позволяет определить, что Григорий Агавович Старинов родился не в 1878, а в 1872 году, то есть, он на

6 лет старше, чем думал его сын. В девичьей фамилии матери полковник тоже ошибался – она Ерёмина, а не Волкова.

Ильин день

С чем связаны ошибки – трудно сказать. Но и ещё о некоторых семейных моментах будущей диверсант и спецназовец тоже не знал. К примеру, Илья Старинов вовсе не был первым ребёнком в семье, как он думал вплоть до конца жизни. Дело в том, что первенцем стала его сестра Екатерина, родившаяся 26 ноября 1892 года и прожившая всего лишь три месяца.

А вскоре после смерти дочери судьба крестьянина Григория Старинова сделала крутой поворот: весной 1893 года его мобилизовали в царскую армию, где он прослужил 6 лет. И лишь после возвращения его в родное Воиново появился на свет сын Илья.

Мне удалось найти в тех же метрических книгах следующую запись, которую процитирую: «15 июля 1900 года родился, 16 июля был крещён – Илия.

Родители: села Воинова билетный солдат Григорий Агапиев Старинов и законная жена его Анна Стефанова, оба православного вероисповедания.

Восприемники (крёстные – А. П.) – села Воинова крестьянин Иоанн Никитин Старинов и села Коноплянка государственного крестьянина Григория Лаврентиева Сергеева жена Екатерина Евфимиева» (ГАОО, ф.101, оп.2, ед.хр.777, л. боб. – А. П.).

Почему впоследствии дата появления на свет Ильи Старинова стала писаться как 20 июля (*по новому стилю – 2 августа – А. П.*) можно объяснить только одним: его день рождения просто сместили (родители или он сам) на непосредственно очень знаковый Ильин день (*это ведь круто – родиться на Илью-пророка – А. П.*).

А через три года Стариновы переехали в Тверскую губернию, где родители устроились сторожами на одной из

станций Николаевской железной дороги. И уже там появилось на свет ещё пятеро детей: Гавриил (1903), Алексей (1905), Елена (1907), Александра (1909) и Филипп (1911).

Всё это большое семейство, кроме старшего сына Ильи, в 1918 году, когда на Орловщине стали раздавать крестьянам национализированную помещичью землю, возвратилось в родное Воиново. Отец с матерью получили земельный надел и стали заниматься сельским хозяйством. К сожалению, Анне Стефановне Стариновой недолго удалось порадоваться своему хозяйству: она тяжело заболела и вскоре скончалась. На руках Григория Агавовича оставались пятеро несовершеннолетних детей (*Илья к этому времени уже самостоятельно зарабатывал на хлеб – А. П.*), и без женских рук одновременно заниматься землёй и домом ему было трудно. И потому 25 января 1919 года он женился во второй раз – на вдове Елизавете Фёдоровне Воробьёвой из соседнего села Коноплянка.

10 лет, проведённых вместе, позволили Стариновым дать начальное образование и вывести в люди всех сыновей и дочерей.

Братья и сёстры легендарного диверсанта

Илья Старинов в своей «Автобиографии» очень коротко коснулся судеб братьев и сестёр. Сёстры благополучно вышли замуж. Александра Григорьевна Филякова работала в колхозе, в деревне Цимбулово Болховского района. Елена Григорьевна Слива трудилась продавщицей в Киеве.

Один из братьев, Алексей, рабочий московского завода «Станкострой», скоропостижно скончался в 1935 году (ему было только 30 лет).

С Красной Армией связал свою жизнь Филипп Григорьевич Старинов. Он закончил военное училище в 1933 году, воевал и 28 сентября 1944 года был награждён орде-

ном Красной Звезды (*в это время он имел звание майора – А. П.*). После войны служил в Барнауле.

Гавриил Григорьевич Старинов, второй по старшинству в семье брат, в 1925 году стал сотрудником органов (ОГПУ) и сумел сделать в них успешную карьеру. Начав службу на родной Орловщине, к 1953 году он занимал должность заместителя Председателя КГБ Эстонской ССР.

Отличился Гавриил Старинов и во время Великой Отечественной войны. Мне на сайте «Подвиг народа» удалось найти наградной лист на начальника 6 отделения особого отдела НКВД Западного фронта, капитана госбезопасности, Гавриила Старинова. Заместитель начальника особого отдела НКВД Западного фронта, майор госбезопасности Шилин, 11 сентября 1942 года написал представление на своего подчинённого («Заслуженного работника НКВД», дважды отмеченного знаком «Почётный чекист») – о награждении его орденом Красного Знамени. За что – цитирую:

«Под его руководством и прямом участии вскрыто и репрессировано ряд крупных шпионских, изменнических и террористических групп как в частях, так и в окружении штаба фронта. Организованной им засылкой в тыл противника агентуры были получены ценные сведения разведывательного характера, сообщённые командованию фронта.

В период наиболее острых моментов на фронте тов. Старинов неоднократно направлялся руководством Особого отдела на передовую линию, помогал командованию в укреплении боеспособности частей.

Во время наступления в августе месяце 1942 года по заданию Военного Совета и руководства Особого отдела товарищ Старинов находился в 251 стрелковой дивизии. Тов. Старинов оказал активную помощь командованию в выполнении поставленной задачи, своевременно пресекая всякие попытки враждебных элементов к измене Родине, увлекая бойцов своей стойкостью, решительностью и смелостью.

В этих боях 6 августа 1942 года тов. Старинов был ранен (в правую руку навывлет)».

Для 1942 года орден Красного Знамени был редкой наградой, но Гавриил Старинов получил его по заслугам.

Орловщина помнит...

Что касается семьи самого Ильи Григорьевича, то он, в силу своей увлечённости профессией, долго не мог найти избранницу по душе и сердцу. И

Памятник в п. Стрелецком

вдруг, во время знаменитой командировки в Испанию, познакомился там с переводчицей Анной Обручевой, очень храброй и решительной женщиной (*кстати, награждённой за испанские события орденом Красной Звезды – А. П.*). Любви диверсанта к переводчице не помешало то обстоятельство, что у неё была восьмилетняя дочь Ольга от первого брака. Старинов удочерил девочку, а в совместном браке у них в 1941 году родился сын Володя. К сожалению, найти сведений о судьбе детей Ильи Григорьевича мне не удалось.

А вот судьба родины «деда советского спецназа» известна, и она – печальна. Нет теперь на карте Болховского района села Воиново, оно умерло. И мемориальный знак в честь знаменитого земляка там уже не установишь.

Но зато память Ильи Старинова совсем недавно, 17 ноября 2015 года, была увековечена в посёлке Стрелецком Орловского района – там, где находилась в 1941 году созданная им знаменитая «школа пожарников». В дополнение к уже имеющейся улице Полковника Старинова – это замечательно! Значит, помнит Орловщина своих славных сыновей.

Воиново

*«...Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края».*
(Николай Рубцов)

В череде пограничных сторож,
Среди вотчин старинных вельмож,
Затерялось в Орловском Полесье
Вознесенское, Воиново тож.

Я сюда заглянул невзначай.
На руинах – берёзка – «свеча»,
Где был храм Вознесенья Господня –
Тишь и тлен. Запустенья печать.

Велика ты, людская вина
За следы от чернобыльских ран.
Вспоминаю рубцовские строки,
А вокруг – лебеда да бурьян.

Вознесенское, Воиново тож...
Всю округу и дали пройдёшь,
Много в мире красот и диковин,
Но родней уголка не найдёшь.

(Олег Волков)

«Победу тоже нужно защищать!»

Я склонен верить собственным глазам:
На хронике, в победном сорок пятом,
Европа, вся в цветах и вся в слезах,
Рукоплескала доблестным солдатам.

Они прошли дорогами войны,
Кто до конца, а кто наполовину,
От сел и городов родной страны
Тяжелый путь до самого Берлина.

Казалось - нет коричневой чумы.
Весна. Сирень. Надежда. Это было.
Прошли года и убедились мы -
Забыла всё Европа. Всё забыла.

Из всех щелей полезли упыри.
Тасуют факты, цифры, документы.
И замахнулись, страшно говорить,
На нашу Память, наши монументы.

В суровом мире каждый должен знать,
День ото дня становится яснее:
Победу тоже нужно защищать!
...С годами, может быть, еще сильнее.

(Олег Волков)

Вместо заключения

Столице – от Болхова

Москва, златоглавая наша столица!
Спасал тебя Болхов от жизненных бурь.
Неся свою ношу без всяких амбиций,
Терпел самовластье и попросту дурь.

Был стражем надежным от вражьих набегов,
Татарской петли и литовских полков.
Заразы чернобыльской вволю отведаль,
Хлебнул перестройки на грани веков.

Живут здесь простые российские люди.
В трудах и заботах. Хватает проблем.
Что с малою Родиной дальше-то будет?
Бежит молодежь, уезжает совсем.

Всего-то и надо - обычной работы,
А дальше - прорвемся, путь верный знаком.
В российской глубинке живут патриоты,
Что ходят по грешной земле босиком.

Москва, златоглавая наша столица!
Всерьез и конкретно подумать пора
О будущем дне, сохраненьи традиций.
Вся сила России в таких городах!

(Олег Волков)

Болхов – на века

Старинный русский городок
Стоит на Нугри величаво,
И высь соборная венчает
Сплетенье судеб и дорог.

Мой Болхов много пережил,
Не раз над бездною качался.
Он вновь, как Феникс возродился
И самобытность сохранил.

Пору военную встречали,
Как предназначено судьбой.
Оставив радости-печали,
Под зов набата шли на бой.

Дружины болховчан шагали,
На стягах Спаса строгий лик,
Верхушки куполов сияли,
Как острия старинных пик.

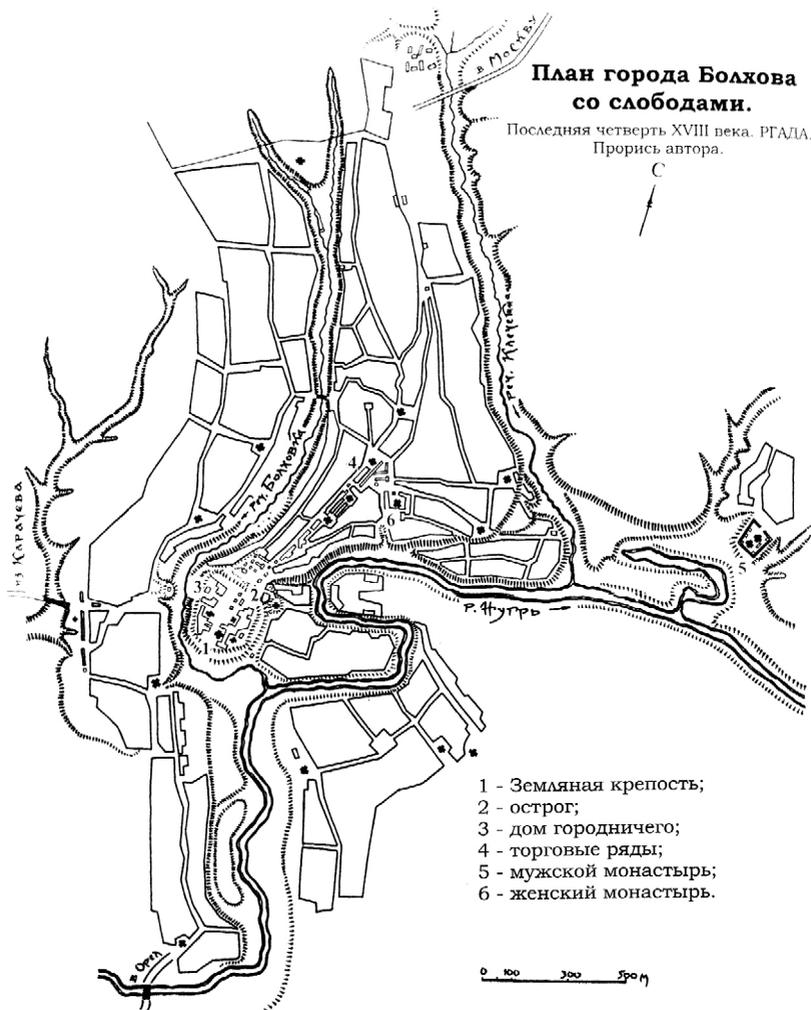
Старинный русский городок,
Навек родной и сердцу близкий,
Я вновь сюда вернуться смог
И постоять у обелиска.

Плывут по небу облака,
И шелестят листвой деревья.
О всех погибших, ты поверь мне,
Людская память – на века!

(Олег Волков, 23.02.2015)

Содержание

Олег Волков – Болхов	4
1748 год: поджигатели на Орловщине	5
Орловские дворяне Апухтины: «В сраженьях мы не на постели...»	10
«А судьбы кто?» (Михаил Каменский и Аким Апухтин в судьбе Емельяна Пугачёва)	16
Как на Орловщине на медведей охотились	22
Учитель Каменского и Ермолова	27
Генерал Иван Ершов	32
«Откуда есть пошла каша гурьевская?»	36
Карповы – знакомые семьи Тургеневых	43
Орловский городской голова Дмитрий Карпов	60
Дворяне Карповы и Леонид Андреев	74
Аркадий Карпов – крестьянин из дворян	83
Карповские адреса	108
Лавровы	109
Болдыревы	121
Орловский банкир Владимир Татищев	141
Цветные кафли Болхова	147
Священники Иножарские	152
Герой Советского Союза Алексей Ломакин	164
Герой Сталинграда и Орла	167
«Тот, кто брал Берлин...» (Герой Советского Союза Порфирий Жучков)	180
Олег Волков – Вот такие реалии	192
Четыре брата не вернулись с фронта... ..	193
Олег Волков – Дядям	196
Илья Старинов – «дедушка советского спецназа»	197
Олег Волков – Воиново	209
Олег Волков – «Победу тоже нужно защищать!»	210
Олег Волков – Столице – от Болхова	211
Олег Волков – Болхов – на века	212

*План города Болхова со слободами
(последняя четверть XVIII века, РГАДА, прорись автора)*

«Фотографии из книги Владимира Неделина
«Древние города Земли Орловской» (Орёл, 2012)

Александр Полынкин

Болховские истории

Автор, составитель и редактор – А. М. Полынкин
Фото на обложке А.М. Полынкин

Подписано в печать 17.05.2016 г. Формат 60x84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
13,5 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 61

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru

Болхов – на века

Старинный русский городок
Стоит на Нугри величаво,
И высь соборная венчает
Сплетенье судеб и дорог.

Мой Болхов много пережил,
Не раз над бездною качался.
Он вновь, как Феникс возродился
И самобытность сохранил.

Олег Волков

